

Е. И. Маркова

**РУССКОЕ СТИХОТВОРЧЕСТВО
НА УКРАИНЕ МЕЖДУ КОРЕЛОЮ, ЧУДЬЮ
И СУОМИ: ОТ ЗАКАТА ИМПЕРИИ
ДО ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОБЕДНЫХ ДНЕЙ**

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е.И. Маркова

**РУССКОЕ СТИХОТВОРЧЕСТВО
НА УКРАИНЕ МЕЖДУ КОРЕЛОЮ, ЧУДЬЮ
И СУОМИ: ОТ ЗАКАТА ИМПЕРИИ
ДО ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОБЕДНЫХ ДНЕЙ**

Петрозаводск
2011

УДК 821.161.1-1(470.2)«1917/1945»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
М26

Рецензенты:

Е. Е. Пиетилэйнен, кандидат педагогических наук,
Н. В. Чикина, кандидат филологических наук

М 26 **Маркова Е. И.** Русское стихотворчество на Украине между Корелю, Чудью и Суоми: от заката империи до послевоенных победных дней. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 140 с.

ISBN 978-5-9274-0489-6

В книге проанализирована русская поэзия первой половины XX века, рассмотренная в социокультурном контексте родного края и Европейского Севера, особенно подчеркнута связь лирики и эпоса с национальным и инонациональным фольклором и прибалтийско-финской культурой.

УДК 821.161.1-1(470.2)«1917/1945»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

*Исследование и издание осуществлены в рамках проекта
Отделения историко-филологических наук РАН
«Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»
по проекту «Значение русской поэзии в социокультурном пространстве
Карелии и Финляндии»*

ISBN 978-5-9274-0489-6

© Е.И. Маркова, 2011
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2011
© Карельский научный центр РАН, 2011

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Известно, что с 1809 по 1917 год Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи. Не случаен постоянный интерес исследователей к диалогу России и Финляндии. Если вести речь о литературе, то ученые Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ранее – Карельского филиала АН СССР) не раз изучали русско-финские связи. Назову такие значимые труды, как монографии Э.Г. Карху «Финляндская литература и Россия. 1800–1859» (Таллинн, 1962), «Финляндская литература и Россия. 1850–1900» (М.; Л., 1964), Е.Г. Сойни «Русско-финские литературные связи начала XX века» (Петрозаводск, 1998). Между тем финская литература рассматривается в ее притяжении – отталкивании к текстам гениальных и талантливейших русских писателей. Об отношении финских литературоведов к творениям провинциальных авторов ничего не известно.

Если речь идет о литературе Карелии на финском и карельском языках, то ее ориентация на замечательные образцы финляндской литературы отмечается. Что касается интереса финляндских литераторов к творчеству карельских собратьев по перу, то надо отдать им должное: книги отдельных писателей изданы в Суоми, отрецензированы, изучаются разные аспекты литературы Карелии на прибалтийско-финских языках, но вопрос о влиянии карельской словесности на литературный процесс в Финляндии не ставился.

В то же время существует единое мнение, что у Финляндии и Карелии есть общий памятник – «Калевала», созданный финским ученым и поэтом Элиасом Лённротом на основе карельских эпических песен. Это не только декларируется, но и проводятся общие конференции, издаются по этому вопросу совместные труды и, конечно, «Калевала не раз была разменной монетой в большой политике. Экспедиции самого Элиаса Лённрота, его предшественников и последователей свидетельствуют о том,

что в восприятии финских ученых Карелия и Финляндия являются единым духовным пространством.

Да, в Карелии издревле проживают и прибалтийско-финские этносы, и русские. Работа над программой предполагала ответы на ряд вопросов, в том числе ставился вопрос об изучении развития русской литературы вне национальных границ. Русские писатели, проживающие в Финляндии, безусловно, творят вне своих национальных границ, а с 1918 года – и границ российского государства. Рожденным или давно проживающим в этой стране это не мешает считать Финляндию своей родиной, но они отчетливо осознают, что в культурном отношении принадлежат к диаспоре. Русские писатели Карелии, находясь в инонациональном окружении, считают, что они создают творения в рамках своих государственных и национальных границ. Действительно, современные исследователи полагают, что коренными жителями Карелии являются как представители прибалтийско-финских народов, так и русские. Дело в том, что этническая история края до сих пор изучена недостаточно. Несмотря на то что славяне и финно-угорские племена здесь проживают испокон веков, до сих пор остаются дискуссионными вопросы о том, как они здесь появились, как протекал процесс этногенеза, кем были древнейшие обитатели¹. Археологические источники слабо фиксируют этнические признаки. Для выяснения этого вопроса используются данные лингвистики, антропологии, этнологии.

Участвовать специалистам по устной словесности в этом споре трудно, поскольку датировать возникновение того или иного корпуса сюжета можно с большой долей приблизительности, точно реконструировать корпус навсегда исчезнувших текстов практически невозможно, так как доля оговорок, натяжек и прочих условностей в этом случае возрастает в геометрической прогрессии.

Бесспорно одно – карельские эпические песни древнее русских былин, так как сохраняют элементы родового, догосударственного мышления, что вполне объяснимо: письменность, книжная культура и сама государственность появились у финно-угорских народов

¹ *Саватеев Ю.А.* Карелия в эпоху первобытно-общинного строя // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 57.

на несколько веков позднее, нежели у русских. Так, для финнов это стало возможно только после победы России в Северной войне (1808–1809). Тогда страна перестала быть провинцией Швеции и встал вопрос о национальном самосознании, о развитии культуры на родном (а не как ранее – шведском) языке. Чем древнее родословная, тем знатнее дворянин, чем древнее история, тем значимее статус нации, тем больше у нее прав на свою государственность. Для финнов беломорские карелы были *своими* – дальними родственниками, сохранившими в глуши дремучих лесов праосновы культуры. Благодаря им появилась возможность обретения национальной родословной. «Создание письменного эпоса на основе народной поэзии стало как бы социальным заказом эпохи. Осуществить это выпало Элиасу Лённроту, именно он пошел по пути, указанному Топелиусом, и нашел сокровищницу эпической поэзии в Карелии»².

Хотя киевский цикл былин соотносится по времени с процессом формирования древнерусского государства, это не означает, что на данной территории нет более ранних по происхождению образцов устной поэзии. Свидетельством тому и разветвленная жанровая система, и достаточно сильная мифическая доминанта в фольклорных текстах, и то, что открытый П.Н. Рыбниковым богатырский эпос абсолютно изоморфен русскому этническому сознанию.

Напомним, что богатырский эпос во второй половине XIX века стал предметом всеобщего интереса в науке, искусстве и просвещении. Появились авторские стилизации былин, их пересказы в книжках для народа, образы русских богатырей были запечатлены профессиональными художниками и мастерами-лубочниками. Былинный напев зазвучал в серьезной и популярной музыке. Чрезвычайно значимо то, что народная поэзия стала изучаться в учебных заведениях. Несмотря на то что былины мало где сохранились, а в ряде регионов, как показывают современные исследования, никогда не существовали, записанный на Русском Севере эпос был осознан как *общеэтническое* наследие русских³.

² Конкка У.С. Дело жизни // Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. (1928–1942). Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 8.

³ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. С. 83–106.

Этот феномен возможен вследствие смысловой насыщенности эпоса. Уместно вспомнить рассуждения М.М. Бахтина о творчестве В. Шекспира: «Смысловые сокровища, вложенные в его произведения, создавались и собирались веками и даже тысячелетиями: они таились в языке, и не только в литературном, но и в... пластах народного языка»⁴. Эпос оперирует формульными рядами, которые складывались тысячелетиями в недрах народного языка. Поскольку богатыри защищают христианское государство, то язык былин не может не вобрать соприродные ему сокровища письменной культуры, восходящей к главной книге – Библии.

Топоним «Карелия» в данной работе употребляется как страноведческий, во-первых, потому, что данное имя закрепилось в означенном регионе (в границах Республики Карелия Российской Федерации) только с 1920 года, с момента создания Карельской Трудовой Коммуны; во-вторых, сами границы были подвижны: Беломорская Карелия, например, до революции входила в состав Архангельской губернии, Вытегорский уезд, наоборот, ранее принадлежал Олонецкой губернии, ныне входит в состав Вологодской области.

Проект «Значение русской поэзии в социокультурном пространстве Карелии и Финляндии» осуществлен двумя авторами. Изначально предполагалось создание коллективной монографии под общим названием, по завершении работы авторы решили, что логичнее представить материал в двух самостоятельных исследованиях. Соответственно изменили названия. Их решение было поддержано Ученым советом Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Автор данной работы выполнил «карельскую» часть проекта, Е.Г. Сойни – «финляндскую».

Название «карельской» части по-своему дублирует общее заглавие проекта, будто отвечая на вопросы: что? где? когда?

Что? Термин «стихотворчество», являясь синонимом термина «поэзия», благодаря своему тезаурусу позволяет корректно представить литературу региона как *систему разноуровневых явлений*, включающую образцы газетной лирики и массовой

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 332.

культуры; публикации, отмеченные авторской индивидуальностью, и произведения, обретшие статус высокой классики (творчество Н.А. Клюева). Тем не менее авторы всех этих текстов, как бы ни скромны дар одних и велики других, как бы ни мал или значим результат труда, равны в главном: они находятся в состоянии *творения* стиха.

Где? Русская словесность, как сказано выше, рождается бок о бок с письменной культурой финно-угорских народов, т. е., как писал применительно к эпосу П.Н. Рыбников, «на Украине между Корелюю и Чудью»⁵, говоря современным языком, между карельским и вепсским населением. Учитывая то, что в данном исследовании речь идет и о Финляндии, дополняем пространственную характеристику еще одним топонимом. Завуалированная цитата с ее архаикой позволяет дать проекцию на прошлое.

Когда? Числовое описание (1900–1950) заменяем словесной метафорой для обозначения содержания времени и языка его выражения.

В работе показывая эволюцию развития русского стихотворчества в Карелии, отмечается ход литературного процесса того времени у прибалтийско-финских народов Карелии, подчеркиваются элементы финно-угорской культуры в русской поэзии; сопоставляется развитие письменной культуры с освоением и осмыслением севернорусской устной словесности писателями и читателями.

Уже в работе над главами «Истории литературы Карелии», я пришла к выводу: столь разнообразный материал лучше анализировать как суммарный текст, единую книгу. Безусловно, эта методика используется представителями разных научных школ, но для меня она является «методикой Лупановой – Лихачева».

И.П. Лупанова – мой учитель, автор первой в СССР истории детской литературы. Она отказалась от портретных глав, чтобы максимально полно представить литературу эпохи и показать, что она создавалась не только «командирами», но и «мастеровыми»; заострить внимание на том, «какими главными тенденциями направлялась *коллективная писательская мысль*»⁶.

⁵ Песни собранные П.Н. Рыбниковым: в 3-х т. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 80.

⁶ Лупанова И. Полвека. Очерки. М.: Детская литература, 1969. С. 5–6.

Свою лекцию для петрозаводских студентов и аспирантов в июне 1974 года Д.С. Лихачев начинал так запомнившимися мне словами: «Древнерусскую литературу можно представить как одну книгу». Разумеется, этот постулат является отправным в его исследованиях. «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни»⁷.

Данный подход не означает неуважения к крупным талантам, наоборот, именно он через начальные опыты предшественников и развитие результатов последователями весомо представляет масштаб художественного открытия. Столь разные ученые пришли к одной методике, потому что шли от безымянного устного (И.П. Лупанова по первой научной специальности – фольклорист) и раннего книжного творчества, где необходимо оперировать вариантами и списками текстов для получения максимально точного (насколько это возможно в фольклористике и литературоведении) и полного результата.

Естественно, перед исследователем встает вопрос: что является доминантой исследования? Тема? Сюжет? Изучая в свое время литературу Карелии 1930-х годов, я пришла к выводу о том, что максимального обобщения можно достичь через образ-символ. В данном контексте это был образ счастливой страны. Полагаю, что образ страны является метаобразом данного исследования.

Своеобразие русской литературы Карелии не исчерпывается наличием финно-угорского компонента. Памятуя о том, что русская словесность не замыкается в рамках двух столиц, концентрирующих под своими созвездиями достижения лучших мастеров страны, а развивается и в провинции, образуя систему «культурных гнезд»⁸, русскую литературу Карелии можно считать одним из малых «гнезд». Она также является органичной частью большого – словесности Русского Севера, ведущей свою родословную от богатейшей фольклорной традиции и древнерусской литературы, опи-

⁷ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы // Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность. М., 1971. С. 56.

⁸ Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928; Лихачев Д.С. Россия // Литературная газета. 1988. 12 окт. С. 5.

равшейся прежде всего на новгородскую и выговскую литературные традиции.

В художественной практике XX века ощущение единства особенно проявилось через притяжение писательских организаций (с 1965 года) Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Коми АССР к журналу «Север», издававшемуся в Петрозаводске (одно время он был также и печатным органом новгородской и псковской писательских организаций). Теоретически художественную состоятельность литературы Русского Севера обосновал в своих трудах Ю.И. Дюжев⁹. Разумеется, эта идея пронизывает работы и других исследователей, в том числе автора этих строк. Соответственно севернорусский компонент также будет подчеркнут в нашем исследовании.

Если в вводной статье, как правило, ставится вопрос о периодизации в III томе «Истории литературы Карелии» (Петрозаводск, 2000), словесность 1900–1950 годов характеризуется в трех главах (Истоки русской литературы Карелии; Русская литература Карелии 1920–1930-х годов; Русская литература Карелии 1940–1950-х годов), то в книге Ю.И. Дюжева «История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века» те же три главы, но иное ощущение развития литературного процесса (Русская поэзия и драматургия Европейского Севера (1900–1941); Литературный процесс в годы Великой Отечественной войны; Литература послевоенного периода (1946–1953)).

Думается, что в работе, где русская поэзия Карелии рассматривается под «увеличительным стеклом», вслед за главой-предтечей «Карелия на поэтической карте русской словесности» необходимо выделить следующие периоды: 1900–1917; 1918–1930; 1931–1950. Да, стихотворчество первого и второго периодов имеет многие общие черты, но тем не менее рожденная рево-

⁹ Ю.И. Дюжев начал разрабатывать свою концепцию с 1970-х годов в аналитических работах, дополненных изданием справочных материалов. Его итоговыми трудами являются: История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск, 2002; История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск, 2002; История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века: в 2-х т. Петрозаводск, 2008.

люцией новая страна диктовала поэтам иной строй мыслей и чувств, требований поиска новых художественных средств, хотя зачастую они просто наполняли старые мехи вином нового содержания, поэтому дважды в названии появляется символ храма. В 1930–1950-е годы нормативная эстетика социалистического реализма обрела свои устойчивые черты и в русской поэзии Карелии. В то же время в устном бытовании существовала другая литература, что отражено в названии главы «Страна счастливых и честных людей и потаённая Русь».

ГЛАВА I

КАРЕЛИЯ НА ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Элиас Лённрот первую версию «Калевалы» подготовил в 1835 году. Хотя окончательная версия была издана только в 1849 году, значимо то, что миру (пусть в лице узкого круга друзей) представлена древняя мифическая страна финно-угров по имени Калевала.

Параллельного эпоса в русской словесности не существовало, тем не менее позволим поставить рядом с этим монументальным творением описательное стихотворение в четырех частях «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», изданное в 1830 году в Санкт-Петербурге.

Хорошо известно, что путешественник поневоле – политический ссыльный Федор Николаевич Глинка за годы (1826–1830) своего пребывания в Петрозаводске в качестве статского советника Олонецкого губернского правления зарекомендовал себя также как этнограф и фольклорист, переводчик и поэт.

До сих пор, невзирая на основательные исследования В.Г. Базанова, существует мнение, что местный материал поэтом воспринят и художественно освоен как «экзотика»¹. Данный подход обычно характеризует интерес к описываемому предмету как *чуждому*, но Глинка, по точному замечанию В.Г. Базанова, «сдружил образ Карелии с великой русской культурой, стремился устранить чуждость между ними, указал на большую внутреннюю близость между этими национально-историческими силами, не снимающую нисколько своеобразия каждой из них»².

¹ Ильин-Томич А.А. Глинка Федор Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. I. С. 580.

² Базанов В.Г. Поэтическое наследие Федора Глинки (1830-е гг. XIX в.) // Федор Глинка. Избранное. Петрозаводск, 1949. С. 456.

В сознании художника эстетическая программа романтизма сомкнулась с идеологической программой декабристов и дала направление его поэтическим и научным устремлениям. Чрезвычайно значимая для романтиков идея воссоздания «поэтической географии страны» реализована в карельских поэмах³ Глинки «Дева карельских лесов» и «Карелия», которые стоят в ряду таких произведений, как «Песня лопаря» В.К. Кюхельбекера, «Река Устма» А.Н. Одоевского, «Якутская баллада» А.В. Бестужева (Марлинского). Безусловно, и «Дева карельских лесов» (1828), и «Карелия» вписываются в этот контекст.

Русскому читателю была открыта дивная страна:

В Кареле рано над лесами
Сребро и бисеры блестят
И с жёлтым золотом, полосами,
Оттенки алые горят,
И тихо озера лежат
На рудяных своих постелях.
Уж сосны золотятся днём,
И с красногрудым снегирем
Клесты кричат на острых елях...⁴

Именно эти строки процитировал в своей рецензии А.С. Пушкин (Литературная газета. 1830. № 10).

Соглашаясь с первым поэтом России, что наиболее сильной стороной Глинки является «свежесть живописи», полагаем, что в контексте русской литературы Карелии его текст приобретает функцию метатекста.

Как сказано выше, в Олонецкой губернии функционировали списки древнерусских произведений новгородской литературной традиции. XVIII век был отмечен появлением на Выге своего мощного книжного центра. Первый губернатор края Р.Г. Державин запечатлел свое краткое пребывание в Карелии в стихах и прозе, но

³ Жанровое обозначение В.Г. Базанова. Сразу заметим, что поэма «Дева карельских лесов» при жизни автора не печаталась (были известны только два отрывка), она опубликована В.Г. Базановым в 1939 году.

⁴ *Глинка Ф.И.* Карелия. Описательное стихотворение в четырех частях. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 39. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках № страницы.

открыл эту страну как единое целое, как мир, достойный художественного воплощения, именно Федор Глинка.

Начнем с названия. Время, описываемое в поэме, падает на 1601–1605 годы, когда данная территория являлась Новгородской (Обонежской) пятиной. Его великий предшественник и первый губернатор края в своем путеводном дневнике дает новое официальное наименование: «Подённая записка, учинённая во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным» (1785).

Да, топоним «Корела» (Карела) был известен, но Глинка придал ему статус имени страны, известной и неведомой, реально существующей и воплощенной в слове.

В основе обеих поэм лежит сюжет о невинно гонимых. Если в первой поэме речь идет об оклеветанных дворянах, что логично для декабриста, то во второй – о «праматери» династии Романовых. Здесь вечный сюжет претерпевает трансформацию: повествуется не о страданиях «знаменитой затворницы Выгозерского стана» (6), не о подвиге крестьянина Никанора, отправившегося с ее тайным посланием на Русь, а об открытии земли. Прежде всего Карелия описывается царице ее своеобразными проводниками, в роли которых выступили монах-грек и юная карелка Маша.

Соединив в названии поэмы имена края и царицы, автор подчеркнул нераздельность Руси и Карелии, отдал дань уважения лепте карелов, внесенной в дело государево. Марфа Иоанновна не только не погибла в глухих лесах, но и обрела поддержку со стороны местных жителей, именно здесь она узнала радостную весть о победе Михаила над Борисом.

Благодаря образу монаха, являющегося духовным центром поэмы, автор включает карельский пейзаж в уже освоенное культурой пространство. Красота края увидена человеком, обозревшим чуть ли не весь мир и потому могущим по достоинству оценить открывшуюся ему великолепную картину:

Сие места я осмотрел
И поражён был. Тут сбылось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то
сталось?..

Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадания воды,
С каких высот – осталось тайной (49).

Поскольку Глинке недостаточно сугубо поэтического описания и поэтического истолкования открывшегося мира, он дает фольклорно-этнографические, геолого-естественные, лингвистические и прочие пояснения во «Введении» и «Примечаниях». Это «взаимодействие текстов различного характера, объема и стиля»⁵ типично для романтической поэзии.

Возвращаясь к образу монаха, укажем главное: он тоже невинно гонимый, но в Карелию попал не страха ради, а по благословлению Царицы Небесной. Таким образом, северная сторона через греческого монаха породнилась с византийской землей, образуя единое пространство православной веры.

Поэма синтезирует знаки всех трех типов регионально-исторических культур, активно исследуемых русскими романтиками: античной, или гомеровской; восточной; северной, или осияновской. Знаки первых двух вплелись в повествование благодаря исповеди монаха Марфе Иоанновне, знакомству с третьей читателя обязаны карелке Маше, которая, по словам автора-повествователя, «пересказывает, так сказать, всю мифологию Карелии» (6).

Остановимся подробнее на образе этой героини, которая является основным действующим лицом третьей части поэмы. Она – дочь Никанора, вестника победы царя Михаила. Само имя крестьянина в переводе с греческого означает «победитель». Имени соответствует облик:

Наш Никанор был тверд душою,
С холодной, умной головою,
И с сократическим челом! (23)

Все эти черты, как отмечает повествователь, характерны для олонецких крестьян⁶.

⁵ См.: *Манн Ю.В.* Особенности русского романтизма. Декабристская литература // История всемирной литературы. М., 1989. Т. IV. С. 309.

⁶ В 1847 году в рассказе «Хорь и Калиныч» И.С. Тургенев писал о крепостном крестьянине: «Склад его лица напоминал Сократа». Это сравнение произвело эффект взорвавшейся бомбы, как видим, Глинка использовал его много раньше.

В рамках данного исследования, безусловно, значима этническая принадлежность героя. Если в «Подённой записке...» Державина местные жители названы «лоплянами», то Глинка их именует «карельцами». Здесь не обобщенное название жителей края или представителей финно-угорских народов, а указание на конкретную национальную идентификацию. В «Примечаниях». Глинка писал: «Первобытные жители Олонецкой губернии (которая, сколько можно видеть из старинных актов и проч., населялась постепенно), кроме чуди, лопян и кареляков, состояли большей частью из людей, бежавших из различных мест в сии пустыни» (102–103).

Называя представителей разных народов, он выделяет карельцев, описывая их промыслы (охота, рыбалка, добыча руды и жемчуга), их жилище. Говоря о пище, разумеется, упоминает калитки. Особенно выразительно им описана одежда:

Им милы яркие цветы:
И желтый, красный, густо-синий
В одеждах праздничных горит
На девах и сынах пустыни.
И часто жемчуг им дарит
Поток гремячей Повенчанки... (17)

Вот как они выглядят в минуты северного сияния: «... меховые одежды опушались белым инеем, и лица цвели» (99).

Что касается чуди, то им посвящены следующие строки:

Над Выгом зарево горит!
... ..
Там плавят медь, варганят крицы:
И горен день и ночь кипит;
И мех вздувает надувальный;
И, раз подраз подьемлясь в лад,
Стучит и бьет за млатом млат
По ребрам звонкой наковальни...
Там много их ... То кузнецы,
Потомки белоглазой чуди.
Они не злобны – эти люди,
Великорослые жильцы
Пустынь, Европе неизвестных;

Они в своих ущельях тесных,
Умеют жить своим трудом:
И сыродутный горн поставить
И добытую руду сплавить... (35).

Свои изделия «Они отвозят на базар, Лесным путем, к погостам Шунги: Там ярмарка» (36).

Относительно лапландцев сказано: «мчит ... олень рогатый Лапландца с ношею мехов» (36) на ярмарку. Они вспоминаются и в связи с явлением в Машеозере лика пречестного Илии-пророка. «И уважаем Он там от русских и лопян» (58).

Являются ли означенные лапландцы и лопяне для Глинки одним народом, предками современных саамов; подразумеваются ли под чудью нынешние вепсы, – сказать трудно. Важно другое: русский поэт не только узрел сходство прибалтийско-финских народов, но и попытался охарактеризовать их отличие.

Что касается Финляндии, то и она упоминается в «Примечаниях» в связи с размышлениями автора о происхождении карельских озер. Не будем ни останавливаться на геологических, гидрологических и биологических характеристиках, ни уточнять, насколько они верны с позиции современной науки, только еще раз подчеркнем, что автора интересует природное и духовное формирование края. В его наблюдениях важно отметить то, что в Олонецкой губернии (в «Примечаниях», как видим, он называет и современное название края) существует административная граница с Финляндией, которой для природы нет: «...воды сделали набег со стороны Финляндии...» (104). Это единое физическое пространство!

Вернемся к характеристике основных жителей края. Глинка указывает на их главный этнообразующий признак – язык:

Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять,
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л⁷.

⁷ Любопытно, что для монаха (как, очевидно, и для автора) карельский язык ближе по звучанию к греческому, хотя последний и входит в индоевропейскую группу языков. Карельский же принадлежит к уральской группе.

Что пища, что одежда Никанора и Маши – карельские, и в путь посланец царицы отправляется на лыжах, нимало не смущаясь, что «под сосной ждет его постель...» (37). Даже характер проявления между отцом и дочерью чувств описан Глинкой как собственно карельский: по возвращении Никанора Маша «Его голубит по-карельски: Спешит одной рукой обнять, Другой по вые вдоль ласкает; Целует в щеки и в уста И красным солнцем называет...» (94). Вряд ли с последним утверждением можно согласиться, но постоянное стремление автора охарактеризовать этническую принадлежность героев налицо. В то же время отец и дочь выделяются среди карельцев.

Крестьянин, честный Никанор,
Житьем карел, душою русской,
Был житель прионежских гор,
У Чолмузи, в долине узкой (22).

«Душою русской» здесь означает не только то, что он един в помыслах с местными русскими о судьбе Руси и ее государя. Он и Маша не только говорят по-русски, но и судя по сказкам девушки, начинают думать по-русски. И сыграли здесь свою роль не столько местные русские и новгородцы, с которыми у карельцев происходит постоянный товарообмен в Шунге, сколько книги. Не случайно в «Примечаниях» отмечено: «Жители Олонецкой губернии издавна охотливы к грамотности; едва ли найдется селение, в котором бы не было умеющего читать...» (102). Выучившись «у сельского чтеца», Маша читала не только жития и старописьменные сказания, но и другие сочинения, например, «книжку с солнцем, а около него, в лугах, Все цифры, цифры ... Книжка ся гадальная! От Соломона Начало мудрости ея!» (60). Своим же односельчанам она читает «Рассказы сказочных затей И про дела богатырей» (61). Предполагаем, что через эти характеристики Глинка отобразил процесс смены этнической самоидентификации персонажей.

Что питало фантазию сказочницы? Ведь, по мнению Глинки, карельцы не имели «ни песен, ни повествований» (103).

Следует остановиться на характеристике сказок Маши, кои она сказывала царице. Они составляют основное содержание третьей части. Здесь наблюдается противоречие. Известно, что еще в 1820 (22.03, 10.05) – 1821 (14.02) годах поэт, будучи прези-

дентом Вольного общества любителей российской словесности (или Ученой республики), был на читке статьи кандидата Харьковского университета Василия Ивановича Брайкевича «О северной поэзии, ее происхождении и характере», в которой «подробно говорилось о рунах (гипо), поэтике рун и рунопевцах, об обрядовых и лирических песнях, о кантеле, игрой на котором «обыкновенно сопровождалось пение песен...»⁸. Мало того, в 1827 году он познакомился в Петрозаводске с финским профессором-филологом А.И. Шегреном, записавшим еще в 1825-м в Карелии руны. В найденных Базановым рукописях имеется руна, написанная самим Глинкой и посвященная финскому собрату, где есть такие строки: «Где-то Шегрен гуляет? Там ли, где в тиши зыряне, Дети добрые природы, По дубравам дичь стреляют. ...Иль в Карелу Он пошел опять на поиск? Не в отчизне Вейнемейны?»⁹. Перевел две руны на русский язык «Вейнамена и Юкавайна» (опубликована в 1828 году) и «Рождение арфы» (опубликована в 1863 году). Параллельными рунами в «Калевале» являются песни 3 и 41. Начал перевод древнейшей руны о рождении отца Вяйнямейнена (параллельный текст в «Калевале» только о рождении самого героя в песни 1-й)¹⁰.

Знакомство с этими эпическими песнями наложило отпечаток на творчество Глинки: герой поэмы «Дева карельских лесов» под аккомпанемент кантеле «Поет таинственные руны»:

Звучат под шум дубравный струны,
И движется в его (рунопевца. – *Е.М.*) руках
Созданье бога Вейнамены¹¹.

Как же вышесказанное согласуется с отрицанием песенного творчества у карелов? Не сам ли Глинка пишет:

Зимой им нравятся игрища:
Там сельской тешатся игрою,
Без музыки, под песнью длинной
Свой хоровод разводят чинной (17).

⁸ Базанов В.Г. Поэзия Русского Севера. Петрозаводск: Карелия, 1981. С. 256.

⁹ Там же. С. 263.

¹⁰ Там же. С. 262–267.

¹¹ Там же. С. 263.

Думается, что рунопевцев Глинка идентифицирует с финнами: так в поэме «Дева карельских лесов» речь идет о «финнах горной стороны». Что касается песен карелов, населяющих онежский ареал, то автор воспринимал их как часть обряда, не случайно он повторяет: «игрища», «игра». Разные игры (борьба между силачами; «пляска дикая медведей») (36) сопутствуют ярмарке в Шунге.

Русские былины, записанные через 30 лет в том же пространстве, поэту были неизвестны, тем не менее его героиня опиралась в своих сказках о богатыре Заонеге на местный материал. Сразу отметим, что структура этого сказочного цикла очень сложна, ибо представляет собой контаминацию элементов из разных фольклорных систем: богатырской и бытовой сказок, былины и былички, предания о заселении края и легенды о сокровенном граде (монастыре), духовного стиха и жития. Несмотря на этот конгломерат, к другому жанру это повествование не отнесешь. Только универсальная природа сказки позволяет впитывать и синтезировать различные компоненты и порождать новые жанровые образования.

Герой «сказочной тетралогии», богатырь Заонег, отправляется в Муромский монастырь. Идет он пеши, плывет на сойме, преодолевая, как и положено, препятствия. Его путь можно соотнести с переходом в иное царство, являющимся осью волшебной сказки, а саму дорогу – магическим пространством¹².

Путь героя также органично вписывается в рамки легенды о сокровенном граде (= монастыре). То, что в его функции выступает известный на Русском Севере монастырь, не имеет значения: в чудесном мире правят свои законы. В легендах он тоже может быть на острове, путь к которому также не легок. Как и положено, в четвертой сказке Маши сокровенный монастырь возвещает о себе колокольным звоном и молитвенным пением¹³.

Элементы легендарного повествования в цикле соотносятся с элементами духовного стиха и жития: битва Заонегии с волками имеет свою параллель в популярном стихе «Егорий на Руси».

¹² Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: изд-во ЛГУ, 1986. С. 202, 319, 327–328.

¹³ Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов русского фольклора. М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2004. С. 744–754, 769–771, 778–789.

Сходство с великомучеником усиливается за счет того, что духов-сопротивников богатырь побеждает «силой честного креста» (64).

Еще задолго до похода Заонега побеждает змея, что сразу отсылает читателя как к духовному стиху и житию «Чудо Георгия о змие», так и к былине «Добрыня и змей».

Сам образ змея Тугарина, в свою очередь, проецируется на предания о заселении края. Поверженный богатырем, он становится своеобразной строительной жертвой нового селения: «На нем скопилась земля – и вырос лес. Теперь там пашня. Два дома, мельница, поля...» (66).

Колокольный звон не только возвещает явление сокровенного града, но и служит средством избавления от нечисти: бесов, чертей, вихря (духа воздуха) – типичных персонажей сказок и быличек. В финальной сказке Маши звон изгоняет духов-воздушников¹⁴.

Персонажами сказочного цикла являются духи, что живут в горах целыми селениями: «В больших домах, лишь треугольником их кровли; Они охотники до ловли. И все у них, как и у нас: Есть чернь и титул благородных, суды, расправы и приказ» (58).

В «Примечаниях» Глинка отмечает, что «понятие кареляков о духах есть троякое» (10), и раскрывает его смысл следующим образом: духи лесные, как правило, являются добрыми друзьями человека; водные – прорицателями будущего; воздушные – судьями над людьми. Особо в тексте автора-повествователя отмечены лесные духи (лешие), ведущие свое происхождение от человека. Трансформировавшись в духов, они (как, впрочем и их собратья) не утратили склонности к метаморфозам...

...лесов чесных
Принявши образ, часто странный –
То выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой! –
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат... (60)

«Чесным лесом» называют леших (107). Им сопутствуют «псы четвероглазые» (60).

¹⁴ *Разумова И.А.* Сказка и быличка. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. С. 87.

Маша предваряет свои сказки «слухами» о превращениях и проказах духов, показывает основные места их обитания. Вторую, третью и четвертую сказки она посвящает соответственно духам лесным, водным и воздушным.

Сказка о леших становится их песней, в ней они сожалеют о человеке, обросшем грехом и забывшем свое предназначение.

Что касается водяников, то сказочница рисует их облик («долговолосые»), их подводные «Сады, деревни, города, Жемчуг, хрустальные дороги И золоченые мосты» (68) – все их «царство красоты». В обхождении с человеком сухи, поскольку видят его пороки насквозь. Главное: «...грядущего безвестность Читают, как букварь, они!» (69). Ни с первыми, ни со вторыми сказочный герой не вступает ни в диалог, ни в поединок.

Воздушники же, как надоедливые мухи, облепили его и на его возмущение отвечали смехом и жесткой отповедью в адрес ложного и похотливого человеческого общества. Их характеристики соответствуют сатирическому описанию судей неправедных в бытовых сказках и древнерусских повестях.

Поскольку у духов не только судьи, но и всяк человек «брат бесам» (71), то Заонегу этот поклёп на род людской выводит из себя, и он решает вступить с ними в бой. Но... «Прогнал врагов вечерний звон: То в Мурмане павечерье пели...» (72).

Интересен вопрос о генезисе этих мифологических персонажей.

Так как в тексте нет собственно карельских наименований духов, можно сказать, что образы леших и водяников восходят к образам русской мифологии, но, как показывают авторитетные исследователи, в последних нет указания на присутствие воздушников¹⁵. Правда, А.Н. Афанасьев отмечает в поэтических сказаниях славян уподобление грома смеху, породившее впоследствии страшный хохот сатаны в адских вертепах¹⁶. Не отсюда ли идет смех воздушников?

Несмотря на близость севернорусской и карельской мифологии, склоняемся к тому, что Маша все же воспроизводит образы, закре-

¹⁵ Криничная Н.А. Указ. соч. С. 247–376.

¹⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. М.: Современный писатель, 1995. Т. I. С. 400.

пившиеся в памяти карельцев, в их рунах. Напомним, что образ де-вы воздуха Ильматар открывает «Калевалу». Да, она является порождением Э. Лённрота, поскольку в народных эпических песнях нет этого образа. Как известно, финский поэт черпал образы и мотивы для своего творения из разных жанровых систем. Заметим, что в «Калевале» не одна дева воздуха. Если первая рождает великого сына Калевы и участвует вместе с ним в сотворении мира, то по вине другой калевальцы лишаются огня (руна 47-я).

В свете современной жанровой классификации духи являются персонажами мифологической прозы. То, что эти рассказы Маша называет сказками, не противоречит представлениям о специфике данного жанра: его элементы активно взаимодействуют со сказочными. Отдельными фольклористами выделяется в качестве переходной жанровой формы «сказка-бывальщина», «сказка-быличка»¹⁷.

Разумеется, вопрос о генезисе в нашем исследовании гипотетичен, но важно подчеркнуть главное – циклизацию сказок и жанровый синтез цикла. Не стремясь уравнивать эти произведения по масштабу, позволим напомнить читателю, что Э. Лённрот шел к своей «Калевале» тем же путем. Он возвел стремление рунопевцев к циклизации в принцип: построил на контаминации циклов сюжет эпической поэмы, в которой синтезированы элементы различных фольклорных жанров.

Вернемся еще раз к жанровой характеристике цикла. Это сказки о богатыре Заонеге. Как показала сказковед Т.И. Сенькина, сказки о богатырях русского эпоса входили в репертуар русских сказочников и сказочников-карелов, есть записи от сказочников-вепсов¹⁸.

Между тем эти сказки посвящены богатырям киевского и новгородского цикла, сказок о богатыре Заонеге¹⁹ нет. Главное – нет в них сюжета о борьбе богатыря с духами, но в контакт с духами входят эпические герои «Калевалы». Например, Лемминкяйнен обращается к Деве пены, духу порога (руна 40-я в «Калевале»). Вполне возможно, что он мог услышать от Шегрена не только те руны, что перевел на русский язык, но и другие.

¹⁷ См. историю изучения жанра: *Разумова И.А.* Указ. соч. С. 3–10.

¹⁸ Сенькина Т.И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 67–72.

¹⁹ Не явилось ли имя подсказкой для Пушкина: Заонег – Онегин?

Попутно заметим, что и Глинка, и Шегрен были увлечены финской мифологией и русской стариной. По указанию Шегрена Глинке были доставлены некоторые сведения из архива Олонецкого уездного суда (108).

Понятно, что такое фундаментальное сочинение, как «Калевала», тяготеет к энциклопедичности, но и небольшая поэма Глинки претендует на колоссальный охват: здесь и срез мировых культур: триада «православие (монах-грек), самодержавие (Марфа Иоанновна), народность (Никанор, Маша), еще не названная в качестве государственной идеи, но уже вызревшая в сознании декабриста, сменившего поэзию бунта на проповедь любви; воссоздание физической и духовной сути открытой им страны. Что касается жанрового синтеза, то он сопутствует не только сказочному циклу, но и всему повествованию: образ грека-монаха отсылает нас к путевому дневнику, роману о любви и житию святого; линия: царица – Никанор – к историческому повествованию. В поэме есть и пейзажные зарисовки, и отступления лирического героя: его инвектива светскому обществу и песнь карельской земле. Есть символические образы (книги, чудесной птицы), которые войдут в творчество Н. Клюева и других писателей Карелии; названо множество имен: Державина, вслед за которым он воспел водопад Кивач, и петрозаводского краеведа Т.В. Баландина, Бориса Годунова и Петра I – список можно продолжить.

Словесности Карелии нет без водных образов: рек, водопадов и озер. Последние Глинка не раз сравнивает с зеркалом.

Пустынь карельских озерá
Приемлют, стихнув, ясность стали
Иль вид литого серебра;
Но никогда в них не блистали
Ни пышность древняя палат,
Ни пестрота и роскошь сада (13–14).

Да, в зеркале северных озер не отражались приметы европейской цивилизации, но поэма Глинки стала зеркалом, в котором русский читатель увидел отражение неведомой страны, а жители Карелии – самое себя. Благодаря ссыльному поэту они обрели свою точку на поэтической карте Российской империи.

ГЛАВА II

МНОГОПРИДЕЛЬНЫЙ ХВОЙНЫЙ ХРАМ

(1900–1917)

1.

Со времен Пушкина капитальными идеями русского реализма были историзм и народность. Народная словесность стала серьезным подтверждением и обоснованием этих принципов, ибо «фольклор ставил сказителя в связь с национально-народным течением истории, с процессами внутренней, „роевой“ жизни народа». Писатель, осваивавший это богатство, «ощущал себя звеном великой историко-культурной цепи, по которой непрерывно пробегали импульсы от былого к настоящему»¹.

Соответственным образом было понято значение текстов Рыбникова. В мае 1861 года «Современник» опубликовал рецензию на первую часть его «Песен» и былину о Вольге и Микуле. Так потянулась ниточка культурно-исторической связи народного искусства олончан и литературы. Как ни хорошо знал фольклор Н.А. Некрасов, но и он с нетерпением ждал выхода собраний Рыбникова и Барсова.

«Причитания Северного края» в 3-х томах (1872–1885) открыли России и миру олонецкую поэтессу Ирину Андреевну Федосову (1827–1899). Ее «плач-поэмы»² стали своеобразным мостом, соединившим русскую классическую литературу с искусством XX века.

Импровизационный дар Федосовой зиждился на фундаменте словесных формул, передающихся плачами из поколения в поколение. Тем не менее исполняемые ею тексты были так богато окрашены именно ее эмоциональной палитрой, характерным для нее

¹ Горелов А.А. Введение // Русская литература и фольклор. М., 1987. С. 4.

² Чистов К.В. Народная поэтесса И.А. Федосова. Петрозаводск, 1955. С. 266–279.

типом композиционного мышления, что нельзя не отнести ее произведения к переходному типу – типу фольклорной литературы, изустной по форме выражения и бытования, но со своими признаками индивидуального почерка создателя. Хотя основное количество текстов Федосовой было записано в XIX веке, но по тому, как воспринималось ее творчество в литературной среде, поэтессу можно рассматривать как человека эпохи порубежья.

Как известно, образ России ассоциируется с женским, материнским началом. Реальным воплощением этого символа стала Ирина Федосова.

Для Некрасова олонечкая вопленица явилась своеобразным прототипом Матрёны Тимофеевны, героини поэмы «Кому на Руси жить хорошо?» (глава «Крестьянка» впервые была опубликована в 1874 году). Основой образа послужили не реальные события жизни Федосовой (в отличие от нее плачя не была крепостной, не жила в доме сурового свекра, не горевала по умершему сыну и мужу-рекруту), а ее *слово*, ибо в своих причитаниях она выплакала горе всех вдов и матерей, причитывала за всех невест и горевала по каждому рекруту. Она не просто сострадала обиженным, а была их заступницей на земле: вершила суд от лица Высшей Правды – от лица народа.

Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клеучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить.
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
(«О старосте»)

Соответственно у Матрены Тимофеевны три основных этапа ее жизни (события, связанные с сыновьями Демушкой и Федотом и с мужем) представляют три ступени борьбы с «судьями неправыми, судьями немилосердыми». Плачи Федосовой спроецированы поэтом и на содержание, и на форму этой главы.

В 1896 году Ирина Федосова выступала на Нижегородской ярмарке и была воспринята многочисленными посетителями как душа народа, душа России. Ее имя упоминали в своих репортажах многие журналисты, в этом ряду стоят и очерки М. Горького.

Позже он описал это событие в первой части (опубликована в 1927 году) своей главной книги «Жизнь Клим Самгина». В задачу писателя входило осмысление философии истории за предшествующие Октябрю 40 лет. В книге представлены все типы российского общественного сознания. Повести, являющейся художественной концентрацией русской и мировой культуры, необходим был образ-символ, образ-ключ. Им стал образ Ирины Федосовой.

Если Горький-очеркист охарактеризовал весь репертуар исполнительницы (былины, плачи, лирические песни, прибаутки, пословицы, поговорки)³, то Горький-эпик показывает, как она воздействует на зрителей, сказывая былины о Добрыне и Илье, что соответствует авторской концепции противопоставления квазимунументальному размаху выставки подлинного слова о народной судьбе. В его повести Федосова не просто поет о поединках богатырей, а будто сама вступает в поединок с людьми, утратившими веру в чудо, в свой народ, и одерживает победу.

Разбуженная ею эпическая память позволяет хоть на миг отрешиться от временного, сиюминутного и прикоснуться к вечности, истокам народного бытия, подлинной правды. Заставить даже не склонного к сентиментальности Самгина в эти минуты пожелать, чтобы и его жизнь была воспета: «Может быть... скажет история когда-то и о том, как жил на земле человек Клим Самгин»⁴. Он чуть ли не впервые осознал свое главное предназначение: быть *человеком земли*.

«В нем слишком много Земли (но не „земного“, под которым подразумевается светское, поверхностное). Он весь уходит в глубину, в почву, в корни», – так писал о Николае Клюеве великий композитор Георгий Свиридов. Подчеркивая глубинно-земное, он

³ См.: *Маркова Е.И.* М. Горький и И. Федосова. Препринт доклада на заседании Президиума КФ АН СССР 28 сентября 1989 г. Петрозаводск, 1989. 19 с.

⁴ *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 25-и т. М., 1974. Т. XX. С. 546.

сравнивает мощь его поэзии с Новгородской Софией и северными монастырями, утверждает, что его «духовный эпос возвысился до Апокалиптического»⁵.

Столь же высокие оценки его творчеству давали современники. Как и Федосова, он для них был воплощением народного духа, как и Федосова, он стал явным и скрытым героем произведений. Первая публикация стихов Клюева состоялась в 1904 году, а уже в 1907 году А. Блок в статье «Литературные итоги 1907 года» приводит цитаты из письма Клюева к нему (журнал «Золотое руно», № 11 (12), правда, без указания имени своего корреспондента. Ему важно показать ту пропасть, которую чувствует между народом и интеллигенцией «начинающий поэт», и ощущение им нераскрытых возможностей у выходцев из крестьян: «Так много вмещает грудь строительных начал, так часто чувствуется великое окрыление!.. И хочется встать высоко над Миром, выплакать тяготенья тьмы огненно-звездными слезами и, подняв кропило очищения, окропить кровавую землю...»⁶.

Клюев снимает привычную оппозицию «земля/небо», соединяя «верх» и «низ» в «избьяном космосе» (В. Деметьев) своей поэзии, впитавшей смысловые сокровища севернорусской устной и древней книжной словесности, помноженной на культуру великой русской и мировой литературы.

Это исследование невозможно без характеристики творчества Николая Клюева. Казалось, мне, посвятившей его поэзии и прозе две монографии и около сотни больших и малых разного рода публикаций, легче всего написать этот фрагмент. Где бы Клюев не писал и что бы он ни написал, истоком каждой своей вещи он обязан олонечкой земле. Тем не менее раз данное исследование ограничено социокультурным контекстом Карелии, то в его задачу входит показать, как вписывалась поэзия Клюева именно в этот контекст; какова роль его личности на родной земле.

Судя по данным биобиблиографического указателя «Русские советские писатели. Поэты» (М., 1988. Т. 11. С. 32–109) и по

⁵ Свиридов Г. Музыка как судьба / Сост., автор предисл. и ком. А.С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 330, 353.

⁶ А. Блок. Собр. соч.: в 6-и т. М.: Библиотека «Огонька», изд-во «Правда», 1971. Т. V. С. 193.

современным данным, приведенным в книге С.И. Субботина «Николай Алексеевич Клюев (1884–1937). Хронологическая канва жизни и творчества» (Томск, 2009. 96 с.), в изданиях Олонецкой губернии Клюев не представлен. Его стихи 1904–1917 годов издавались в Петербурге (Петрограде), Москве, Ярославле, Одессе и Ставрополе.

Дело не только в том, что поэт, безусловно, хотел прежде всего закрепиться в столичных журналах и издательствах, стремился войти в круг лучших поэтов Серебряного века, но и в том, что у себя на родине он слыл неблагонадежным. В 1905 году Клюев вступает в «Бюро содействия Всероссийскому крестьянскому союзу» и, как положено социалисту-революционеру, распространяет нелегальную литературу и ведет устную агитацию, участвует в ряде акций, за что был арестован и содержался с 26 января по 25 апреля 1906 года под стражей в Вытегорской тюрьме, а с 26 апреля по 25 июля был заключен в Олонецкую губернскую тюрьму города Петрозаводска.

Отсутствие публикаций в местной печати не означало, что его стихи не знали на родине. Когда в предисловии к книге 1912 года «Братские песни» поэт писал, что опубликованные в ней стихи сочинены много ранее, но не вошли в первую книгу потому, что не были записаны им, а передавались изустно или в записях других людей, он не только позиционирует себя в качестве народного певца, но и довольно точно характеризует ранний – изустный – этап своего творчества⁷. Ведь опубликованные в изданиях московского «Народного кружка» и петербургском журнале «Родная нива» первые шесть стихотворений не делали погоды, хотя все понимали, что для провинциального молодого поэта напечататься в обеих столицах – большая честь.

Тем не менее потому, как встречали революционно настроенные петрозаводчане вышедшего из тюрьмы Клюева, чувствовалось, что они знают далеко не одно его стихотворение и исполнены к нему уважения и за его революционную деятельность, и за его поэзию. Так, Александр Антонович Копяткевич, член РСДРП,

⁷ *Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза / Вступ. статья А.И. Михайлова: сост., подготовка текста и примеч. В.Н. Гарнина. СПб: Росток, 2003. С. 419.

вспоминая эту встречу, пишет, что поэт подарил более 60 стихотворений революционного содержания, которые, к сожалению, у него не сохранились⁸, как, добавим, и у самого Клюева.

В то же время он дает поэту-революционеру неожиданную характеристику: поразил всех «апостольской речью». Мало того, описывая место выступления Клюева на Кургане (район Петрозаводска), где стоял хорошо заметный издали громадный крест, вольно или невольно вызывает в памяти читателей образ Иисуса на горе, обратившегося с проповедью («нагорной») к ученикам и народу.

Это сравнение усиливается после прочтения заметки «Митинг на Кургане», опубликованной в петрозаводском ежедневнике «Олонецкий край» от 13 апреля 1906 года, написанной, по мнению К.М. Азадовского, не без участия поэта (кстати, в тексте его имя не названо). Приведем показательные, на наш взгляд, выдержки:

«Высок курган, вершина его осенена крестом – символом смерти Учителя униженных и оскорбленных. ...

У креста, на груде камней, несколько возвышаясь над толпой, стоит человек...»⁹.

Хотя оратор произносит привычное в таких случаях обращение «товарищи» и призывает к борьбе против «правительства – приказчика капитализма», его стиль не вполне совпадает с нормами революционной риторики. Так, вместо ожидаемого существительного «борцы» читаем: «В Олонецкой губернии жили сотни *страдальцев* (здесь и далее курсив мой. – Е.М.) за ваше лучшее будущее. Эти *страдальцы* заброшены в глушь деревень на голодную смерть. Помогите этим *мученикам* народного дела, не дайте им погибнуть, не дайте им *пасть жертвою* насилия!»¹⁰.

Как видим, революционный лексикон мешается с христианским. Правда, в известной революционной песне также звучат

⁸ *Копяткевич А.А.* Из революционного прошлого в Олонецкой губернии (1905–1908). Петрозаводск, 1922. С. 4; *Его же:* Места «заповедные» (из воспоминаний) // Карело-Мурманский край. 1926. № 1. С. 19.

⁹ *Азадовский К.М.* Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб: Звезда, 2002. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 15.

слова «Вы жертвою пали», что свидетельствует в пользу тезиса: для многих борцов их дело было сродни делу первых христиан. Не случайно Клюев воспринимается как апостол, а рабочий Василий Егоров, водрузивший на этот крест красный флаг¹¹, не ощущает противоречивости народившегося символа. Крест и флаг – образы примечательные. Для порвавших с верой флаг будто перечеркивает крест. Верующие же, наоборот, видят здесь символическое единство креста и флага. В это единство уверовал и молодой Николай Клюев.

В начале заметки вслед за описанием креста идет пейзажная зарисовка: «В солнечном свете нежится чудная ширь, – в глубокой синей дали виднеются заонежские острова, белеет Климецкий монастырь. В другой стороне – видна река Шуя, видны озера, текущие цепью меж высоких лесных холмов».

Подводя черту под этим описанием: «Чудная картина, не оторвал бы глаз от нее», – автор указывает на противоречие: речь оратора «далека от этих красот природы»¹².

Так ли это? Почему выступающий завершает речь «водным» символом: «народ обманут, ограблен только потому, что не все реки слились в один могучий поток!»¹³.

Да, метафора общеупотребительная, «стертая», но, когда ты видишь с одной стороны Онего-батушку, а с другой – Шую, она напрашивается сама собой и воспринимается как необходимая.

Крест на Кургане, озеро и Климецкий монастырь на острове (позднее поэт вспомнит его в своем родословии) – как органично отражает эта панорама мирозерцание и мировоззрение Клюева, лучшей социокультурной эмблемы, что подарила ему конкретная ситуация, просто не придумаешь.

И в то же время почва для певца такого типа творческого мышления и поведения была подготовлена. Разумеется, нельзя не вспомнить символистов, и в первую очередь Александра Блока, ставшего иконой для Николая Клюева. Он будет искать знакомства с ним, писать письма, посылать свои стихи, посвящать велико-

¹¹ Копяткович А. Указ. соч.

¹² Азадовский К. Указ. соч. С. 34.

¹³ Там же. С. 35.

му поэту свои первые творения. Первую же книгу надпишет, обыгрывая название сборника Блока «Нечаянная Радость»: «Александрю Александровичу Блоку въ знакъ любви и чаянія радости – братства. Николай Клюевъ. Андома. Ноябрь. 1911 г.». Заметим, что «Нечаянная радость» – имя одной из известнейших на Руси богородичных имен.

Конечно, сложно в этот контекст, освященный именами младосимволистов и их последователей, ставить имя забытого поэта из Петрозаводска Николая Вагина, но тем не менее его первая книга, изданная в губернском городе в 1897 году под скромным названием «Первые звуки», вписывается именно в этот ряд. Автор включил в книгу, состоящую из 55 страниц, свои стихи 1893–1896 годов. И первое же стихотворение – «У креста» – намекает: есть и у Клюева в Карелии предтеча.

Истерзанный, избитый, обнаженный,
Осмеянный безумною толпой,
Христос страдал. Врагами окруженный,
Он весь дышал горячею мольбой¹⁴.

Мотивы страдания являются основными в книге: здесь и распятый Христос, и вся Русь, чья «душа скорбью больна» (В, 6), и роняющий на свою «лиру слезу за слезой» поэт. Страдание увеличивается во сто крат, потому что ни у кого нет способности к сопереживанию. Отсюда довольно распространенный мотив одиночества творца получает новое наполнение: не услышав отклика на свое пение, поэт... онемел.

И поэт ее (песню нежного братства. – *Е.М.*) пел.
Голос чудно звенел,
И толпа благосклонно внимала,
Но... осталась нема... И поэт онемел,
Муза петь свою песню устала (В, 9).

В стихотворении «Село Людино» из цикла «В деревне» есть строки, которые вызывают прямые ассоциации с клюевскими.

¹⁴ Вагин Н. Первые звуки. Стихотворения. 1893–1896 г. Петрозаводск: Губерн. типография, 1897. С. 1. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках литеру «В» и № страницы.

Николай Вагин

Вот изба, наклоняясь, оторвалась
От сарая, двора и хлева,
Словно жить с ними вместе боялась...
(И сама-то она чуть жива).

Три окна с перегнутыми рамами
Тускло смотрят в широкую даль...
И ее, всю покрытую ранами,
Эту избу порою мне жаль.

Николай Клюев

А и что ты, изба, пошатилась,
С парежа-угара, аль с выпивки,
Али с поздних просонок расхам-
кависьи.
Вплоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь ворот – рта беззубого,
Креня в сторону шолом-голову?
(«Что ты, нивушка, чернешенька»,
1915)

Хотя жанр думы далеко не нов: он закрепился в русской поэзии со времен К. Рылеева, но при чтении «Думы Трифона» и цикла «Песни-думы» Вагина вспоминаются не тексты его предшественника, а «Мирские думы» поэта-крестьянина Клюева.

Образцы дорогой сердцу поэта северной природы, его душевных переживаний, переданные от лица молодого крестьянского парня, – вот основное содержание следующих разделов книги Вагина.

Объединяет олонецкого поэта со всеми, творящими на закате империи, в число коих вольется и голос Клюева, доминирующий мотив смерти: гробик в церкви с телом исчавнувшегося мальчика («Страничка из дневника»), мольба красной девушки о могилушке, которая соединит ее с утонувшим молодцем («Выйду к морю я»), бросившаяся в речку девица («Старый мотив») и рассказ о трагической судьбе рыбака («Рыбак»).

И сами водные образы, и борьба с разбушевавшейся стихией типичны для северной озерной страны. В стихотворении, точнее, балладе «Рыбак» воссоздана эпическая схватка старика с бурей. Как он ни боролся, но пересилить наступление волн не мог. Его отчаянное положение усугубляется тем, что в челноке спит его маленький внук (прямо-таки русская версия рассказа Э. Хемингуэя «Старик и море»). Ему остается одно – уповать на Бога:

Со слезами рыбак ко Владыке небес
Обратился с горячей мольбою,
И услышал молитву Свершитель чудес,
И волна улеглась за волною (В, 53).

И в жизни, и в поэзии сей жест не нов. Нельзя не вспомнить «Бурю» (1793) Державина, навеянную поэту воспоминанием о чудесном спасении на Белом море во время его губернаторского паломничества на Соловки.

Видимо, чудеса падают на эпохи-победительницы, в «закатные» они не случаются.

Но лишь только на миг улеглася волна,
Рассыпаясь у верной поживы,
Вдруг опять, и шумя, и свистя у челна,
Закружилися ветра порывы (В, 53).

Старику остается одно: прижать к сердцу спящего внука, чтобы тот не увидел их ужасную кончину.

Когда на заре челнок прибило к берегу, местные рыбаки увидели на его днище «мертвеца-старика».

Он держался за киль помертвелой рукой, –
Натянулись старые жилы!
А к груди его, сильно прижатый другой,
Крепко внучек прильнул его милый (В., 55).

На трагической ноте обрываются «Первые звуки» Н. Вагина. Этот мотив обреченного человека перед грозной силой водной стихии будет реализован Н. Клюевым в стихотворении «Как по реченьке-реке» в 1912 году. Буря в природе, как известно, является литературной метафорой социальных столкновений. Победа или поражение ждет человека в XX веке?

Николай Клюев, остро осознавая кризисное состояние русского крестьянства – станového хребта России, тем не менее в революционной борьбе больше участия не принимал. Да, поэт участвовал в революционном движении. Собственно, кто в нем в эпоху русской революции 1905–1907 годов не участвовал?! Да, выразил протест, когда призвали осенью 1907 года на воинскую службу. За отказ нести воинскую повинность был заключен под стражу в Выборгской крепости, затем содержался в тюрьме г. Сен-Михель (Миккели) Великого княжества Финляндского. Поскольку его упорство сломить было невозможно, то после медицинского освидетельствования в Петербурге весной 1908 года был освобожден. Хотя и посы-

ляет А. Блоку статью «С родного берега» для переправки в Париж редактору и издателю журнала «Трудовой путь» (позже – «Наш журнал»), фрагменты которой тот включает анонимно в свой доклад «Стихия и культура» (и одноименную статью), от революционного движения Клюев отходит.

Еще в первом опубликованном стихотворении «Не сбылись радужные грёзы» (1904) он пишет:

В лесу густом, под сводом неба
Отрадной было бы мне жить,
Чем меж людей, лишь ради хлеба
Оковы рабские носить.

Еще до того, как «наступит день отрадный, Не будет литься больше кровь», поэт стремится в те сферы жизни, куда, «как свет лампадный, Прольется чистая любовь...»¹⁵.

До революции 1917 года Клюев издал четыре книги: «Сосен перезвон» (1912, фактически 1911); «Братские песни» (1912), «Лесные были» (1913), «Мирские думы» (1916), причем первые три были переизданы: соответственно в 1913, 1912 и 1913 годах. Тексты из этих сборников составляют содержание первого тома «Песнословия», единственного прижизненного собрания сочинений Н.А. Клюева. Оно проинтерпретировано мной в главе II «Жизненный цикл Матери-Руси. „Песнослов“ Николая Клюева» в моей монографии «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского искусства» (Петрозаводск, 1997. С. 87–161).

Стремясь адекватно передать ощущение того, что Россия находится в преддверии катастрофы, поэт перекодировал жизненный цикл. В народной культуре последний закреплен в системе обрядов: родильно-крестильного, свадебного, похоронно-погребального.

У Клюева же Слово о *жизни* России начинается с Плача по уходящей Руси. Не наблюдается ли здесь противоречие? Не он ли призывал к борьбе? Призывал, потому что полагал, что правительство

¹⁵ *Клюев Н.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб: РХГИ, 1999. № 1. С. 77–78. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках порядковый № стихотворения и страницы.

погубит крестьянскую общину, он же надеялся на ее развитие, не отменяющее, а закрепляющее лучшие достижения народной культуры и всего уклада деревенской жизни.

Духовное величие «избяного космоса» он и воспевал в своих творениях, помогал читателям найти ключ к смысловым сокровищницам потаенной народной красоты и ее сокровенного слова.

То, что современная крестьянская община не совпадает с представлением об идеале, он хорошо понимал и писал об этом в своих стихах. Как понимал, что властьпридержащие зачастую не помогают воссоздать утраченное социальное и природное равновесие, а способствуют процессу разрушения.

В упомянутой статье «С родного берега», помимо социальной характеристики состояния современной деревни: ее экономики и умонастроения, поэт в качестве иллюстрации приводит два поэтических примера: песню, а точнее, целую россыпь злободневных частушек, и духовный стих. Как ни велик объем текстов, в исследовании о стихотворчестве Карелии уместно привести их полностью.

Песни-частушки

Нам полиция знакома,
А исправник хоть бы хны,
Хоть убей за сороковку,
Не окажется вины.

Мы без ножигов не ходим,
Без камня никогда.
Нас за ножики боятся
Пуще царского суда.

Мать-Россия торжествует –
Николай вином торгует,
Саша булочки пекёт,
А Маша с Треповым живет.

Люди ножики справляют,
Я леворверт заряджу,
Люди в каторге страдают –
Я туда не угожу.

Духовный стих

Что ты, душа, приуныла?
Аль ты Господа забыла?
Аль ты добра не творила?
Оттого ты, душа, заскорбела,
Что святая правда сгорела,
Что любовь по свету бродит
И нигде пристану не находит.
По крещеному белому царству
Пролегла великая дорога –
Столбовая прямая путина.
То ли путь до темного острога.
А оттуль до Господа Бога.
Не просись, душа моя, в пустыню,
Во тесну монашеску келью,
Ко тому ли райскому веселью.
Положи, душа моя, желанье,
Воспринять святое поруганье,
А и тем, душа моя, спасёся,
Во нетленну ризу облекёся.

Я мальчишечко – башка,
Не хожу без камешка.
Меня в Сибири дожидают –
Шьют рубаху из мешка.

У нас ножики литые,
Гири кованые.
Мы ребята холостые
Практикованные.
Мы научены сумой –
Государственной тюрьмой.

Молодцы пусть погуляют,
Вместе водочки попьют,
За веселое гулянье
Цепи на ноги дают.
Пусть нас жарят и калят
Размазуриков-ребят.
Мы начальство не уважим –
Лучше сядем в каземат.
Каземат ты, каземат –
Каменная стенка.
Я мальчишко – сибиряк
Знаю не маленько.
Не маленько знаю я
Не своим бахвальством,
Что Россейская казна
Пропита начальством.
Ах, ты книжка-складенец,
В каторгу дорожка,
Пострадает молодец
За тебя немножко.
Во тюрьму меня ведут
Кудри развеваются –
Рядом детушки идут,
Плачут, уливаются.
И т. п.

По крещеному белому царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина –
Есть проход лихому человеку,
Что ль проезд ночному душегубу,
Только нету вольного проходу
Тихомудру Божью пешеходу.
Как ему, Господню, путь засечен,
Завалён – проклятым черным камнем¹⁶.

¹⁶ Ключев Н. Словесное древо... С. 108–110.

Судя по приведенной песне о «ножиках литых» и по всему тону письма, читатель ожидает большого количества революционных стихов, тем более что о наличии последних свидетельствует не только А.А. Копятевич, но и землячка Клюева – учительница Г.П. Дикаревская. Она утверждала, что «многие его стихи знала на память». Девушку поражал контраст внешнего облика – «скромный, красивый, поражающий чистотой и наивностью» – и внутренней нетерпимости к существующему порядку вещей: «чрезвычайно революционные настроения. От его слов ... порой становилось страшно. Его ненависть к царю, казалось, не имела предела»¹⁷.

Этих революционных стихов почти нет ни в периодической печати, ни в авторских сборниках. Возможно, если бы поэт мог опубликовать их, что называется, по горячим следам, он бы это сделал. Однако препоны цензуры сделали свое дело, к 1911 году мировоззрение поэта было уже несколько иным: нет, ненависть к царю и стремление к новой жизни остались, но обострилось его религиозное чувство, которое, по словам Г.П. Дикаревской, не ощущалось в его ранних стихах¹⁸. Она увидела *нового* Клюева только в 1916 году: «подстрижен под горшок, приглаженные волосы, рубаха до колен, поддёвка. Странно здоровался, как парализованный, какая-то скованность в движениях». Будучи у него и его сестры Клавдии в гостях, она вынесла «мрачное впечатление» от увиденного: «иконы, лампадки, полотенца вышитые»¹⁹.

Думается, что изначально в творчестве Николая Клюева идея социального протеста была переплавлена с идеей спасения души. Находясь во власти всеобщих революционных настроений, он отразил их в ранних стихах и был искренен. Учительница, невзирая на свои страхи, тоже испытывала влияние новых идей и

¹⁷ Гордиенко А.А. Николай Клюев в воспоминаниях земляков // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Междунар. конф. «Олонекские страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики» / Науч. ред., сост. Е.И. Маркова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 292–293.

¹⁸ Там же. С. 293.

¹⁹ Дикаревская Г.П. <Воспоминания> // Николай Клюев. Воспоминания современников / Сост. П.Е. Поберёзкина. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 61.

слышала в поэзии Клюева то, что хотела услышать. Любопытно, что именно эти стихи будто исчезли из памяти (замечательной!) поэта и его поклонников, видимо, они действительно были для него не органичны.

В эпоху «богоискательства» и «богостроительства», поиска новой русской идеи для Клюева стало актуально и его русское крестьянское платье, и духовно-религиозное направление творчества. Что касается икон, то они, разумеется, были всегда, как и в других крестьянских домах. Именно потому что они были обязательны – их не замечали.

Уже к моменту публикации первых сборников Клюеву была ясна своя миссия: «посвященного от народа», поэта-пророка. И она была принята современниками. В письме к сестре А. Блок писал: «Христос среди нас. Это Николай Клюев». «Огонь религиозного сознания» (В. Брюсов), одушевлявший его поэзию, чувствовали и далекие от идей люди: не случайно А.А. Копятевич сравнил его с «апостолом».

В свете осознания своей миссии Клюев не стал публиковать ранние революционные стихи в советскую эпоху. Для него «богостроительство» было не модой, а призванием. Эта идея, безусловно, на каждом новом этапе жизни по-новому актуализировалась, но проросла в душе накрепко и навечно. Это не означает, что поэзия Клюева отказалась от идей социального протеста. Нет, отдельные стихи, где этот протест имеет религиозную окраску, вошли в первый сборник.

Приведем финальные строфы его стихотворения «Пахарь» (1911):

* * *

Вы обошли моря и сушу,
Къ созвѣздьямъ взвили корабли,
И, лишь меня – мірскую душу,
Какъ жалкій соръ, пренебрегли.

* * *

Работникъ Господа свободный
На нивѣ жизни и труда,
Могу-ль я васъ, какъ тернь негодный
Не вырвать съ корнемъ навсегда?

По прочтении этих строк Александр Блок (автор подарил ему книгу) сделал помету: «Очень озлоблень»²⁰. Действительно, означенная оппозиция: благостный пахарь и погрязший во грехе мир – налицо, однако жесткость этого стихотворения не определяет ни общий тон сборника, ни тон ранних стихотворений, опубликованных в периодической печати. Так, в 1905 году автор призывает:

Проснись!.. Проснись!.. Минула ночь,
Исчезли пенные туманы,
И на прохладные поляны,
На изумрудные леса
Глядят с улыбкой небеса...
Проснись! Усталость превозмочь
Ты должен в праздник воскресенья,
В великий праздник обновленья –
Из сердца злобу вырвать прочь!.. (3, 78–79).

Здесь отчетливо обозначен мотив *воскресения*, позволяющий понять, что революция 1905–1907 годов осмыслялась автором в системе христианских представлений, и поэтому ему понятно и желание уйти «в пустыню, во тесну монашеску келью», и стремление во спасение души «Воспринять святое поруганье». В первом сборнике заявлено право как на венец мученика (увы, впоследствии ставшее реальным), так и на уединение в лесной пустыни.

Стихотворению «Мученикъ»²¹ предпослана цитата из Евангелия от Матфея (гл. 10–28): «Не бойтесь убивающих тело, Души же не могущих убить». Соответственно герой-поэт, взойдя на эшафот, и живет по завету Христа, и спасает душу, избрав достойную христианина кончину.

* * *

Едва уснувший небосклонь
Забрезжет тайной неразгадной,
Меня князей синедрионь
Осудить казни безпощадной.

²⁰ Клюев Н. Сосень перезвонь М.: книзоизд-во «В.И. Знаменский и К^о», 1912. С. 44. Репринт воспроизведения экземпляра из биб-ки А. Блока (Пушкинский дом) с пометами Н. Клюева и А. Блока. М.: Прогресс-Плеяда, 2002.

²¹ Впоследствии название дается по первой строке «Как вора дерзкого меня».

* * *

Обезображенная плоть
Поникнетъ долу зрѣлымъ плодомъ
Но живъ мой духъ, какъ живъ Господь.
Какъ съвъ пшеничный передъ восходомъ²².

У Клюева, если так можно выразиться, не смерть мертва, а жизнь в мире есть «Всадникъ – смерть», и «бегство в просторъ луговъ» означает защиту Господа, означает, что с этой поры ты идешь «путем спасенья»²³.

Осиянная точка на этом пути – «многопридельный хвойный храм» (213, 258). Прозревая свою потаённую Русь, свой город Китеж, в заповедных местах северной земли, Клюев ощущает природу как творение Божие, и каждый элемент этого мира у него соотносится с элементом самого храма, храмова действия и служителей Церкви Христовой²⁴. В связи с этим и время суток, и лесные звуки, и небосклон, и земные растения предстают в его стихах в соответствующем облачении:

Лесные сумерки – монах
За узорчным часословом.
Горят заставки на листах
Сурьюю в золоте багровом.

И богомольно старцы-пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным (213, 258).

Из начального уподобления «лесные сумерки – монах» становится ясно, что лес, воплощающий храм, являет собой прежде всего монастырь. Деревья в поэзии Клюева могут быть освящены для постройки храма в привычном понимании этого слова; могут,

²² *Клюев Н.* Сосень перезвонь... С. 50–51.

²³ Там же. С. 64–65.

²⁴ Первым, правда, высказавшись по этому поводу резко отрицательно, обратил внимание на воссозданную чуть ли не в каждом клюевском слове церковь поэт Вас. Князев в книге «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)». Пг, 1924. С. 32–37. Впоследствии этот феномен одни исследователи заново «открывали», другие обогащали его наблюдения и интерпретировали их по-своему.

повторяем, быть олицетворением монастыря, ибо лес, «Как сладостный орган – десницею небесной ... вызван из земли... бури утишать, Живым дарить покой, Жильцам могилы тесной несбыточные сны дыханьем навевать» (128, 181–182). К нему, «Витязю-схимничу» (101, 157), возвращается сын. В его покаянии Клюевым актуализирована мифологема «блудного сына»²⁵.

За явными и скрытыми евангельскими цитатами, «храмовым» уподоблением не исчезает острое ощущение наслаждения живой жизнью, и дерево, напоминая о распятии Христа, не перестает при этом быть просто лесным деревом, радующим взор человека.

Лесных погостов старожил,
Я молодею в вечер мая,
Как о судьбе того, кто мил,
Над палой пихтою вздыхая.

Забвень светлое тебе.
В многопридельном хвойном храме.
По мощной жизни, по борьбе
Лесными ставшая мощами! (213, 258).

Христианская символика, идущая от Библии и учения отцов Церкви, от старопечатной и рукописной традиции, сохранившейся в Поморье вплоть до начала XX века²⁶, у Клюева переплетается с образностью фольклорного слова.

Не удивительно, что его герой, идя на казнь, вспоминает «маму, крашеную прялку... и девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась –
Не вовремя косынька
На две расплелась! (43, 114).

²⁵ Шокальский Е. «Распяться на древе – с тобою в Тебе...». Лес, дерево и крест в лирике Клюева // XXI век на пути к Клюеву... С. 120.

²⁶ Мальшев В.И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX – начале XX вв. // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1949. Вып. I. С. 80–84.

В прямых цитатах и своих вариантах народных текстов, что особенно ощутимо в «Песнях из Заонежья»²⁷ (разделе сборника «Мирские думы»), в отдельных словах и образах существует эта нерасторжимая связь.

Взяв за основу народную песню «Вы – белила мои», он указывает на возможность выбора: греховное замужество или спасение души в монастыре. Драматизм ситуации он передает через предельное сгущение времени: девушка только накладывает на лицо белила-румяна, в мыслях же она уже на широкой гульбе, а далее – в белом скиту:

«Вы не зарьтесь на жар-полымя румян.

Не глядите на парчовый сарафан.

Скоро девушку в полон заполонит

Во пустыне тихозвонный, белый скит» (49, 119).

Резюмируя: «Скатной ягоде не скрыться при пути – От любви девке сердца не спасти», – автор через трагизм мгновения (предреченная любовь и разбитое сердце) передает как трагизм жизни в целом (в миру счастья нет!), так и веру во спасение души (путь в монастырь).

Разумеется, творчество Клюева дооктябрьского периода не сводимо к указанным мотивам²⁸. Задача этого исследования охарактеризовать магистральную линию его пути; обозначить связь олонецкого поэта с большой русской литературой, где он довольно рано и достаточно прочно обрел свое место; указать на то, что у него был свой местный читатель, знавший его стихи в списках и по устным выступлениям. Кроме того, как свидетельствует Г.П. Дикаревская, «сельской интеллигенции ... были известны его стихи, которые появлялись в журналах „Для всех“, „Северная Звезда“»²⁹. Хотя комментаторы поправляют автора

²⁷ См.: *Маркова Е.И.* Творчество Николая Клюева... Подглавка «Любовь и брак в «Песнях из Заонежья» Николая Клюева. С. 112–117.

²⁸ См.: *Базанов В.Г.* С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л., 1990; *Азадовский К.М.* Николай Клюев. Путь поэта. Л., 1990; *его же:* Жизнь Николая Клюева. Указ. соч. См. также труды Е.И. Марковой и др. исследователей, названных в ее трудах.

²⁹ *Дикаревская Г.П.* Указ. соч. С. 60.

мемуара, указывая, что «в описываемое время (1908 год. – *Е.М.*) журнал „Для всех“ выходил ... под названием „Трудовой путь“ (1907), „Наш журнал“ (1908), „Ежемесячный журнал“ (1914–1918), а в журнале „Северная Звезда“ Клюев печатался позже» (в 1916)³⁰, в данном контексте значимо то, что *он печатался и его в провинции читали*. Его читателями, очевидно, были не только интеллигенты, но и представители других сословий, раз сестра Клавдия – портниха, шившая «из своего материала дамские блузки по высоким ценам», говорила всем, что она «сестра знаменитого поэта»³¹.

Далее следует вопрос: не является ли клюевский текст одновременно и контекстом русской литературы Карелии? Скорее, нет. Как было отмечено, древнерусская литература не только имеет хождение в данном социокультурном пространстве, но и продолжает оставаться живым чтением, т. е. воспринимаемым читателями как злободневный текст, который не только мысленно адаптируется им в соответствии с насущными вопросами бытия, но и, как было принято в досюльные времена, переписывается.

Что касается литературы Нового времени, то авторы «Истории литературы Карелии» предложили «текст» – главку «Н.А. Клюев: 1884–1937» (исполнитель Е.И. Маркова) и «контекст» – главку «Книгоиздание в Олонецкой губернии: вторая половина XIX – начало XX века» (исполнитель О.П. Илюха). Действительно, о литературном процессе в данном регионе как о сложившемся явлении говорить трудно, тем не менее в Петрозаводске, Вытегре и Каргополе работали типографии, выпускавшие, помимо «изданий губернского правления и земства ...», более 700 названий книг и брошюр. В структуре книжного потока можно выделить преобладающие тематические группы. К первой, самой крупной, относится книга служебная, ведомственная, издаваемая губернским правительственным аппаратом. Вторую по численности составляют брошюры исторической, экономической и природоведческой тематики. К третьей группе относятся религиозные издания, авторы кото-

³⁰ Киселева Л.А. при участ. Кравченко Т.А., Никё М. и Субботина С.И. Комментарии // Николай Клюев. Воспоминания современников... С. 649–650.

³¹ *Дикаревская Г.П.* Указ. соч. С. 61.

рых – деятели местной церкви, преподаватели Олонецкой духовной семинарии»³².

Заметим, что не только выдающиеся фольклористы – собиратели и этнографы работали в Карелии: их, как правило, поддерживали местные краеведы. Не случайно на рубеже веков появились отмеченные читателями и исследователями книги. Из краеведческих сочинений выделяются «Осударева дорога» (Петрозаводск, 1902) и «Предание об основании Петрозаводска» (Петрозаводск, около 1908) В.П. Мегорского; «Старая Пудога с XIV по XVIII век» (Петрозаводск, 1906) и «Из жизни Олонецкого края в Отечественную войну» (Петрозаводск, 1912) Н.С. Шайжина. Названы работы по этнографии и фольклору: «Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии» (Петрозаводск, 1893) Н.Н. Харузина; «Олонецкий край» (Петрозаводск, 1895) А. Соборнова; «К материалам по народной словесности. Пословицы и поговорки, записанные в Нигижме Пудожского уезда» (Петрозаводск, 1903) и «Олонецкий фольклор. Похоронные причитания Олонецкого края» (Петрозаводск, 1908) Н.С. Шайжина; «Русская свадьба Олонецкой губернии Пудожского уезда Корбозерской волости» (Петрозаводск, 1915) И.В. Колобова; «Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии» (Петрозаводск, 1916) В.Д. Лысанова³³.

Работы по фольклору и этнографии, особенно получившие широкую известность труды Н.С. Шайжина, безусловно, образуют единый контекст с книгой Н. Клюева «Мирские думы», куда вошли его «Заонежские песни», представляющие собой, исходя из современной классификации, образцы «фольклорной литературы» или «литературного фольклора».

По большей части карельский фольклор изучали финские исследователи, но с 1891 по 1905 год в петербургском журнале «Живая старина» появляются опубликованные в собственном переводе образцы народно-поэтического творчества на карельском языке,

³² *Илюха О.П.* Книгоиздание в Олонецкой губернии (вторая половина XIX – начало XX века) // История литературы Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 33.

³³ Там же. С. 35–36.

представленные карелом, уроженцем села Святозеро Н.Ф. Лесковым. Он также способствовал развитию письменности на родном языке, используя для этой цели кириллицу. В числе активных собирателей фольклора называются Ийво Марттинен и Пекка Лесонен³⁴, потомки известных карельских сказителей.

Конечно, то, что интерес к краю проявлял Василий Петрович Мегорский – историк по образованию, окончивший Варшавский университет и Петербургский археологический институт, говорит об уровне местной интеллигенции. Далеко не все обладали высоким образовательным цензом, но само общение с людьми такого типа способствовало развитию людей его круга.

Местные стихотворцы не оставили сколько-нибудь заметного следа. В статье «Литература советской Карелии» Василий Базанов в 1937 году писал: «От случая к случаю в церковно-монархических „Олонецких епархиальных ведомостях“ и в кадетской газете „Олонецкий край“ появляются стихи монархического поэта Д. Ягодкина и „подававшего надежды“ стать поэтом воспитанника духовной академии дьякона Алмазова»³⁵. Ю.И. Дюжев также выделяет сборник стихотворений Дмитрия Павловича Ягодкина (1848–1912) «Песни победителей» (Петрозаводск, 1905) и газетную лирику К. Алмазова. Первый изображал величественные просторы Севера, буйство воспетого Державиным и Глинкой водопада Кивач; призывал «дать торжество добру над злом, свету над тьмой, любви над враждой». В том же ключе выражал свои чувства и Алмазов: «С верой в победу и силу народа Встала и Русь на врага, Вынула меч свой в защиту народа, Правды храня берега». Эти произведения, как и стихи архангелогородцев М. Лягина, Н. Иванова, Пономарева-Северянина, вологжан Ф. Савинова и Н. Святского, выражали, по мнению Ю.И. Дюжева, «консервативную охранительную позицию тех сторонников умеренного либерализма, чьи идеи наиболее последовательно отстаивал М.Н. Катков (1818–1887), энергично выступавших против всяких разрушительных и революци-

³⁴ См.: *Анто Э.Л.* Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии. Т. 2. СПб: Наука, 1997. С. 8, 12–13.

³⁵ *Базанов В.* Литература советской Карелии // Карелия. Литературно-художественный сборник Карельского союза советских писателей. Петрозаводск: Госиздат «Кирья». 1937. С. 132.

онных тенденций...»³⁶. Эти идеи были еще достаточно популярны на Русском Севере.

Исследователь также выделяет группу пролетарских поэтов (П. Калашников, Ф. Шкулев)³⁷, с которыми Н. Клюева связывает сочувствие к трудной доле народа, но, скорее, по мирозерцанию ему ближе «Лесные музы» (1914) архангелогородца Даниила Крептюкова, «туманно-созерцательная утонченность»³⁸ которых созвучна мелодиям первого сборника Н. Клюева, где «сердце-дитя» тянется к «свирельной мечте... Задумчиво-нежной небес высоте И ивам, лепечущим сладко» (91, 149).

Следует упомянуть изданную в Санкт-Петербурге в 1912 году книгу Н.Г. Агеева-Трифоновна «Стихи и песни. Из карельского быта».

В ней явно не искусленный в стихотворчестве автор описывает будни и праздники карелов, воспекает северную природу, выражает симпатию и сочувствие к трудной доле многих жителей Карелии. Завершается сборник весьма своеобразным портретом «карелла» (орфография и пунктуация автора. – *Е.М.*).

Карелль боязливь сын природы,
Цѣломудренъ, гостепрімчивь,
Но суевѣренъ онъ отъ роду
Какъ обезьяна переимчивь
Богобоязливь, трудолюбивый
Рыбакъ, охотникъ съ юныхъ лѣтъ.
Картофель, рыба, рѣпа – кушь любимый.
Зайца, курицу, капусту, огурцы не ѣсть:
Чаёкъ съ охотой дома пьеть.
Молоко и кофе – обожаетъ.
Но лучше съ голоду помреть,
А ѣсть угря карелль не станет.
Онъ знает, чертова та рыбка,
Долга, черна, кругла, тонка
Да при томъ еще и склизка
Вьется, и какъ у гада голова.

³⁶ *Дюжнев Ю.И.* История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 29–30.

³⁷ Там же. С. 31.

³⁸ Там же. С. 33.

Коль въ сѣти угорь попадѣтъ,
Он ее бросая съ рыбой
Домой молиться онъ идетъ,
Глася: «За грѣхи мои знать съ бабой
Черта въ сѣти Богъ несетъ»³⁹
(«Карелл»)

Такой вот не лишенный метких наблюдений этнопортрет!

Полноценному развитию русской литературы в Карелии мешало отсутствие периодического печатного издания. Был большой поэт, вокруг которого могли бы группироваться малые таланты, была читательская среда – не хватало собственного журнала. Из статьи Льва Гершановича «Из прошлого Олонецко-Карельской печати» узнаем, что попытки его создания были. В 1915 году в Петрозаводске издавалась газета «Олонецкое утро», «уделявшая много внимания чисто литературной стороне и сплотившая вокруг себя кружок полупролетарских поэтов, в том числе и вытегорцев (земляков Клюева. – *Е.М.*) Сергея Ручьева и Александра Богданова»⁴⁰.

На базе газеты в 1916 году возник проект издания литературно-художественного двухнедельного журнала «Молодая Олония». В состав предполагаемой редколлегии вошли К. Алмазов, И. Кищенко, И. Соловьев и др. Редактором был избран молодой юрист Кирилл Беляев.

Автор статьи приводит выдержки из программы этого так и не состоявшегося издания:

«Наше знамя – ...нелицеприятное служение прогрессу, родине, краю и верность лучшим традициям отечественной журналистики. Наша программа – ...выяснение истинных причин, тормозящих его развитие. Следуя за всей мыслящей Россией, за деятельностью наших законодательных палат, мы будем деятельнее останавливаться на тех законах, проведение которых поможет провинции, и в частности Олонии, вызвать к активной и сознательной работе в городе и деревне более широкие слои населения.

³⁹ Агеевъ-Трифоновъ Н.Г. Стихи и песни. Изъ карельскаго быта. СПб: Разсвѣтъ, 1912. С. 47–48.

⁴⁰ Гершанович Л. Из прошлого Олонецко-Карельской печати // Красный клич. 1922. Июль. Литературное приложение к г. «Карельская коммуна».

Освещая на страницах журнала общественную деятельность местного земства, городских и кооперативных учреждений, мы будем всячески поддерживать всех тех, кто смело бичует косность, боязнь гласности и злоупотребления, а равно и тех, кому действительно дороги насущные интересы края.

Наша задача – будить честные мысли, добрые чувства и соединить в дружную, тесную, сплоченную семью наших идейных единомышленников, рассеянных по лесам и границам нашей необъятной Олонии.

В области литературно-художественной – пробудить к жизни дремлющие интеллектуальные силы родного края и дать при их соучастии произведения, посвященные красотам Севера, Олонецкой стороне и чистому искусству, призывающие к идеалам красоты и правды»⁴¹.

Хотя с позиций гражданина Советской страны программа эта выглядит «туманной, отчасти невнятной, чисто интеллигентской» автор публикации не мог не оценить «искания честных образованных одиночек-романтиков, которые еще не успели погрязнуть в житейской тине и сознавали стыд за свое бездействие»⁴². И с ним нельзя не согласиться.

2.

Если вести речь о «многопридельном хвойном храме», созданном карелами, то следует говорить прежде всего о росте национального самосознания, которое не мыслимо без понимания того, что память культуры священна, т. е. является тем храмом, что затаился среди могучих карельских лесов. В связи с этим особенно значимы поэтические опыты карелов Ийво Хяркёнена (1882–1941) и Онни Окконена (1886–1962), писавших на финском языке, что не мешало им быть выразителями карельского мирозерцания и передать богатство народных мелодий своего края. «Именно они, – как пишет Э.Л. Алто, – сделали первый шаг на пути от устной традиции к письменной»⁴³. Будучи по своей природе просве-

⁴¹ Гершанович Л. Указ. соч. С. 11.

⁴² Там же.

⁴³ Алто Э.Л. Указ. соч. С. 12–14.

тителями, они оставили потомкам труды, посвященные материальной и духовной культуре своего края, его истории и географии.

Если у Клюева творческий импульс шел от матери Парасковьи Дмитриевны, известной в Вытегорском уезде сказительницы и плачеи, то у Хярькёнена – от рунопевца-отца, что объясняет их постоянное тяготение к национальному фольклору. Стихотворный опыт карелов, поэтический пафос их лирики и аналитических работ были поддержаны финляндской интеллигенцией, переживавшей в порубежную эпоху новый подъем карелианизма. «Под этим понятием следует понимать комплекс проблем, которые связаны с Карелией и особенно интересуют научную и творческую интеллигенцию. Так, для финских неоромантиков Карелия этого времени стала своеобразной Меккой, куда они совершали паломничества и черпали вдохновение, заслышав звуки кантеле, под музыку которого исполнялись древние рунические песнопения. Карелия и „Калевала“ воспринимались ими как нерасторжимые понятия»⁴⁴.

Несмотря на то что прямых контактов у Клюева с ними не было, общие типологические черты, характеризующие его поэзию и поэзию самого выдающегося финского поэта Эйно Лейно, можно наметить. Если Лейно называли за тягу к старине «самым древним поэтом» Финляндии, то в лице Клюева Древняя Русь обрела своего самого рьяного и яркого последователя. Стремление к синтезу новейших достижений в искусстве с формулами языческой и раннехристианской поэзии также характеризовало творчество обоих. И, наконец, для обоих поэтов «Калевала» стала одной из главных книг. Правда, в названный период у Клюева нет прямых отсылок к ее тексту, но в подтексте «Поддонного псалма» (1916) звучит тот же поиск магического слова, что и в великом эпосе.

Если финские неоромантики искали потаённое древнее знание в местах компактного проживания карелов, прежде всего в Беломорской Карелии, то в своем «Скрытном стихе» (1914) стягивает различные точки севернорусской земли в одно сакральное пространство:

На Олон-реку, на Секир-гору (Соловки. – *Е.М.*)
Соходилась нища братия (158, 205).

⁴⁴ Карху Э.Г. История литературы Финляндии. XX век. Л.: Наука, 1990. С. 93.

Здесь представители разных северных земель («Верижники с Палеострова», «Возгорельщики с Красной Ягремы...») слышали Голос Пречистого Спаса. В стихотворении «Мирская дума» (1915) на соборе у Лазаря преподобного перечисляются «Пудожане, С заонежской кряжистой карелой, С каргопольской дикою лешнею» (221, 264). Не забыты в этом списке чудь и лопь. Все желают услышать вещий глас.

Глас Божий передают народу его посланцы, особая миссия возложена на народных певцов. Не случайно одно из ранних стихотворений Клюева называлось «Голос из народа» (1910).

Любопытно, что первое сочинение на карельском языке, куда входил и раздел «Стихосложения», имело название «Голос Корела: Путевые заметки и корельская поэзия Мирона Смирнова». Голос прозвучал в двух стихотворениях на тверском наречии карельского языка, записанном на кириллице и переведённом автором на русский язык. Еще четыре стихотворения Мирон Смирнов написал по-русски. Не только голос прозвучал, но и книга была издана в 1890 году в Санкт-Петербурге⁴⁵.

Почему опыт не закрепился? Может, потому, что уроженец Сямозера с юности жил в Финляндии, правда, объездил по своим купеческим делам всю Россию. Последнее, видимо, повлияло на его заявление, что «вводить между корелами грамотность на туземном карельском наречии – положительно напрасный труд»⁴⁶. Очевидно, сам он находился в процессе смены этнической самоидентификации, поэтому, называя себя «природным корелом», он в то же время отождествляет себя с русскими (вероятно, под «русскими» он имел в виду «россиян»).

Возможно, совместные усилия русских и финских просветителей помогли бы созданию карельского языка, но одни ратовали за распространение письменности среди карелов на русском языке, другие – на финском.

Если говорить об отношениях между Россией и Финляндией на государственном уровне, то и генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Н.И. Бибиков и жильцы дач на Карельском перешейке, пришли к одному и тому же выводу: «В Финляндии

⁴⁵ Алто Э.Л. Указ. соч. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 8.

не было ничего русского, она была как будто зарубежным государством. ... Ни одно из местных печатных изданий не поддерживало российское правительство и не высказывалось за сближение с империей. Университет был государством в государстве»⁴⁷.

Автор этих строк Осмо Юссила приводит в подтверждение последние слова, якобы сказанные П.А. Столыпиным на смертном одре: «Сейчас главный неразрешенный вопрос – это Финляндия»⁴⁸.

Остро стояла проблема изучения русского языка, которым не владели чиновники, находящиеся на государственной службе и обязанные знать государственный язык империи. После поражения России в Крымской войне, – как пишет О. Юссила, – начался процесс духовного отторжения княжества от России, что сразу сказалось на нежелании посещать лекции профессора Я. Грота, внёсшего большой вклад в сближение двух культур. И даже специальная комиссия по вопросу русского языка в Финляндии не пришла к консенсусу и, собственно, не могла прийти, так как не все ее члены с финской стороны владели русским языком⁴⁹.

Можно представить, каким было настроение сельского учителя Алексея Николаевича Куняева (1881–1942), отправленного за неблагонадежность на работу в Финляндию. Жена его «была уволена за знакомство с полит. ссыльными», он в 1913 был уволен «без объяснения причин»⁵⁰. В написанном им в 1919 году «Кратком биографическом очерке» он пишет: «...я был вынужден принять место учителя в Финляндии. И вот революционер принимает участие в русификации поработанного свободного народа. Но русификатором оказался я плохим, и, кто знает, не разразись революция 17 г., я, быть может, был бы выброшен и отсюда» (К, 2).

⁴⁷ Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 / Перевод под ред. акад. А.Ю. Румянцева. Хельсинки. Ruslandia, 2009. С. 665.

⁴⁸ Там же. С. 716.

⁴⁹ Юссила О. Указ. соч. С. 145, 726.

⁵⁰ Стихотворения народного учителя Алексея Николаевича Куняева. Петрозаводск: издание Отдела наробраз при Олон. губ. Исполкома Советов РК и Кр. Д, 1919. С. 1–2. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте литеру «К» и № страницы.

Это написано с позиции человека, принявшего Октябрьскую революцию. Из очерка не ясно, в чем, собственно, состояла как революционность, так и русификаторство учителя.

Как же горе-русификатор ощущал себя в Суоми? В стихотворении, которое так и называется «В Финляндии» от 4 октября 1916 года, он писал:

Я встретил здесь лишь неприязнь с враждой,
... ..
И как природа здесь – вода да гольный камень,
Так и душа народа – холодна, пуста;
Ей незнаком порыв, идеи пламень,
И сердца ткань – груба, толста.
Да, я в тюрьме томился эти годы,
А люди мрачные, то сторожа тюрьмы,
А стены – эти камни серые и воды,
Куда с ненавистью мои глаза устремлены (К, 13).

Как видим, взгляд работавшего в Финляндии рядового учителя резко отличается от взгляда поэтов-путешественников, воспевавших этот суровый край. Хотя у известных поэтов и скромного учителя из Карелии есть общее: Финляндия для них страна камней и мрамора. Казалось, те же камни – валуны в Карелии, но Куняевым они воспринимаются по-другому, «по-домашнему». Здесь же они ассоциируются с тюремными стенами. Понятно, что Клюев, заключенный в Выборгскую крепость (входила тогда в состав Финляндского княжества) видит прежде всего то, что она «построена из дикого камня, столетиями её век мерить»⁵¹, но и его столичные собратья по перу воспринимают гранит как нечто чуждое, в то время как финский морской пейзаж для них свой⁵². Напомним, что Глинка характеризует жителей княжества как «финнов горной страны» («Дева карельских лесов»).

Как показывает исследование О. Юссила, «порабощенная» Финляндия отстаивала свои права не только на уровне культурной автономии, но и на уровне экономики и административно-

⁵¹ *Клюев Н.* Словесное древо... С. 43.

⁵² См.: *Сойни Е.Г.* Русская поэзия первой половины XX века и Финляндия. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. В печати.

правового управления, всячески способствуя разрушению империи, что видно даже из письма Николая Клюева «Политическим ссыльным, препровождаемым в г. Каргополь Олонецкой губернии», написанного в 1906 году (между 18 февраля и 2 марта). Он сообщал, что в «Петербург благополучно привезены из Финляндии 400 ружей и патроны»⁵³.

Поэт не знал, что вскоре окажется в заточении на финской стороне. Да, его подвергло наказанию российское воинское начальство («порабощенные» финны в царской армии не служили), но он, не называя города, ощущает равнодушие местных жителей к узнику, у них нет привычной для русского человека жалости к «несчастному». В связи с этим даже столь любимая поэтом северная природа становится враждебной: «Острый месяц в тучах тонет, Как обломок палаша» («На часах», 1908). Или: «За окном глухого sklepa И зловеще и темно» («Прогулка», 1907). В 1923 году Клюев в <Автобиографическом отрывке> укажет, что заключен был в казематы финских городов Сен-Михель и Выборг и опишет свои страдания⁵⁴.

Объективно работая на ослабление империи, в то же время либеральная общественность боялась ее окончательного падения. Так, Ю.В. Снельман писал: «...в России только самодержавие является гарантией и защитой обособленного положения Финляндии»⁵⁵, полагая, что приход к власти демократических сил поставит его родину в один ряд со всеми российскими губерниями и лишит ее привилегий. Безусловно, это не означало, что в Финляндии полностью был утрачен интерес к русским людям и русскому искусству.

Русские образованные люди с характерным для них чувством вины перед всем миром и тем более перед маленькой северной страной (потому А.Н. Куняев и считал себя «русификатором»), разумеется, желали ее свободы, чего далеко не всегда, в отличие от Клюева, они желали для собственного народа.

⁵³ *Клюев Н.* Словесное древо... С. 162.

⁵⁴ См.: *Маркова Е.И.* Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Глава «Испытание пятое. Муки». С. 186–193.

⁵⁵ *Юссилла О.* Указ. соч. С. 711.

Это двойственное отношение хорошо передано в «Жизни Клима Самгина», где герой, приехав в Финляндию по случаю болезни и последовавшей за ней смерти отца, женатого вторым браком на финке, путешествует по стране.

В течение всей жизни Самгин не мог понять, каков русский народ и соответственно решить: достоин ли он быть хозяином своей страны. Здесь же его не смущает то, что с ним приветливы лишь в двух-трех домах друзей вдовы, хорошо знавших русскую жизнь и русское искусство. Об отношении простых финнов к заезжему гостю сказано весьма выразительно: «Хювя пяйвя, – говорили они ему *сквозь зубы* (курсив мой. – Е.М.) и с чувством собственного достоинства» (XXII, 173). Достоинство *сквозь зубы*!

Тем не менее он оценил и этих людей, и их добротные жилища, и обихоженную ими землю. И пришел к выводу, что этот народ «имеет право жить так, как он живет» (XXII, 173), ибо «страну свою знает точно книгу стихов любимого поэта» (XXII, 174).

Величие маленькой страны акцентируется в памяти героя образами монументальной «Калевалы». С великими творениями – «Фаустом» Гёте и «Илиадой» Гомера – он сравнивал только песни Ирины Федосовой, что проживала на северной земле по соседству со столь понравившимися ему финнами. Вместе с тем свое искреннее восхищение заонежской сказительницей и плачей Самгин не переносит ни на весь русский народ, ни на русских Олонецкой губернии.

Жизнь финнов, если смотреть на нее не глазами туриста, тоже далека от идиллии, о чем и пела в своих песнях плачя Параскева Никитична Ларина (1833–1904), в замужестве Степанова, известная в мировой фольклористике под финским именем Ларин Параске. Эта ингерманландско-ижорская сказительница (рунопевица) и плачя жила и по одну сторону границы (в Ингерманландии, на земле российских финнов, ныне Ленинградской области) и по другую (в деревне Васкела Финляндии). Открыл ее дарование финский пастор Вольф Неовиус, который записывал ее песни с 1887 года. Натолкнул его на эту мысль известный собиратель А. Борениус. С 1891 по 1894 год сказительница даже жила в доме пастора и не раз благодаря его содействию выступала на собрании Общества финской литературы в Хельсинки, где ею заинтересовались

лучшие представители финского искусства, но дни славы прошли, и вновь наступила череда дней бедности и забвения⁵⁶.

Как и Ирина Федосова, она отлично знала традиционный эпический и лирический фольклор и, как и ее русская «коллега», подвергала его переосмыслению, исходя из своего знания жизни и чувства поэтической природы слова или, говоря словами финской исследовательницы С. Тимонен, «глубоко наполняла традицию изнутри»⁵⁷.

Можно провести не одну параллель ее песен с песнями И. Федосовой и заонежским циклом Н. Клюева, но приведу только два примера. Церковь (храм), как известно, является женской ипостасью Христа. Женское, материнское начало у русских всегда троично: это и Мать Сыра Земля, и Богородица, и мать человеческая.

Не случайно, судя по свадебным причитаниям Ирины Федосовой, чтобы защитить девушку «на судимой сторонь», в «волюкрасоту» невесты, что заключена в ее волосах, вплетают будто весь природный мир: здесь «кругло малое озерышко» и «угрюм-струиста ричка быстрая», «горы да толкучие» и «леса да все дремучие».

Нерукотворный мир вплетает в косу мать, рукотворный, где по углам затулы – синей завески – «изба земская со старостой»; «полк солдат новобранных... со оружием»; «церковь Божия ... со отцом-попом духовным»; «царь да со царицею», – вышивают лучшие мастерицы из Новагорода. Сама же девушка в сакральные – рождественские и благовещенские вечера – шила-вышивала «тонку-белую рубашечку», воспроизводя на ней древнейший космический рисунок: «красно солнышко», «млад светел месяц», «часты звезды подвосточные»⁵⁸. И так, все природные христианские и семейные символы налицо, именно они должны быть порукой женщине в мужнином доме.

Это женское, материнское начало символизируют и песни Ларин Параске. У нее и по смерти звучит торжество жизни:

⁵⁶ Мишин О. «Приносил мне песни ветер...» Вступ. статья // Ларин Параске. Тростниковая свирель. Лирические и эпические песни. Сост., перевод с финского О. Мишина. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 5–15.

⁵⁷ Цит. по: Карху Э.Г. Карельский и ингерманландский фольклор. История литературы Карелии. Т. I. СПб: Наука, 1997. С. 195.

⁵⁸ Федосова И.А. Избранное. Петрозаводск: Карелия, 1981. С. 180, 213–214, 220.

Мать родимая скончалась –
с той поры шесть лет минуло,
восемь лет уж пробежало;
на могиле материнской
на височках встали ели,
на плечах стоят осины,
между пальцев ног – побеги,
сосны поднялись на бедрах,
на могиле материнской
в изголовье твердый камень,
под плечами – только плашка.

Матушка моя не слышит,
и не слышит, и не видит,
щебетания не слышит,
песенок не слышит дочки,
пташки свист не различает,
хоть звеню я на височках,
хоть на лбу я напеваю,
и не слышит, и не видит.

Если бы сумели руки,
пальцы если бы смогли
с той могилы материнской,
с холмика меня носившей
камни твердые убрать,
до одной – собрать песчинки.

Если бы сумели руки,
если бы хватило силы,
собрала бы все песчинки,
землю всю сгребла б руками
и с могилы материнской,
с холмика меня носившей!

Пусть сумеют пальцы Бога,
пусть Творца сумеют руки
камни твердые убрать
и песчинки все собрать⁵⁹.

(«Мать родимая скончалась»)

⁵⁹ Ларин Параске. Указ. соч. С. 33–34.

Идея порождающей смерти, столь характерная для фольклора и творчества Клюева, пронизывают эту песнь. Сам образ камня здесь амбивалентен: это и могильный камень, это и камень жизни. Ведь «*живыми камнями*» (I Петр. II:5) называли учеников Иисуса для указания их духовного единения с Христом как краеугольным камнем и источником жизни⁶⁰. Камень Он положил в основание своей Церкви (Храма).

Как и всякий выдающийся талант, вскормленный многовековой мудростью народа, сказительница была наделена даром пророчества. У Клюева «Тайну тихую поддонную Про святую Русь крещённую» (29, 99) о грядущей кровавой войне поведало Деве-Обиде озеро (<1908, 1918>. Что поведало озеро Ларин Параске?

В небе маленькая тучка,
радуга сияет в небе.
в тучке – маленькая капля,
в капле – маленькая ламба,
лодка красная – в озёрке,
маленький ребенок – в лодке.
Что там делает ребенок?
Лодку мастерит мальчишка,
делает корабль военный.
(«Лодка-туча»)⁶¹

Старый сюжет, хранящий память о многочисленных столкновениях России и Швеции на Карельском перешейке, где долгое время жила сказительница, стал «в ее устах ... коротким и емким, полным трагического смысла ... ощущением грядущей войны и даже катастрофы... Традиционная мифологема – мать и сын – обрела конкретное воплощение и исполнена пророческого смысла. XX век – век войны. Сыновья воевали и гибли. Матери плакали. Плакала сама Мать-Земля»⁶².

⁶⁰ Библейская энциклопедия / Труд и издание Архимандрита Никифора. Репринтное издание. Свято-Троице-Сергиева лавра, 1990. С. 379.

⁶¹ Ларин Параске. Указ. соч. С. 85.

⁶² Мишин А.И. Финно-угорская народная поэтесса Ларин Параске и ее пророчества о судьбе России // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России / Сост., науч. ред. Е.И. Маркова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 162.

ГЛАВА III

КРАСНЫЙ ХРАМ

(1918–1930)

1.

Название главы обусловлено весьма противоречивой позицией стихотворцев первых лет революции и начала 1920-х годов. Безусловно, они приветствовали революцию, мечтали о создании нового мира, но свои представления о новой жизни выражали в привычных для них формах, как правило, использовали библейские символы.

Процитируем ряд изречений 1918–1919 годов. Поэт и критик А. Богданов, в 1918 году и редактор губернской газеты «Известия Олонецкого Совета Крестьянских Рабочих и Солдатских депутатов» в статье «Камо грядеши?» 20 июня пишет: «... Теперь, когда Россия распята на Кресте, Христос незримо проходит среди людей».

В сборнике народного учителя А.Н. Куняева стихотворения, посвященные Рождеству и Пасхе, соседствуют со стихами, написанными по случаю новых праздников: «К годовщине Красной Армии», «К 1-му Мая 1919 года». Сельский учитель наивно, но искренно передал чувства многих:

Христос! В Тебя мы верим, –
Мы ждем пришествия Того, чему Ты нас учил,
Твой страдания за людей разделим,
Народы всей земли в объятия заключим.
Не будет больше ни войны, ни ссоры,
Мы будем все, как братья, по Христу,
И песнь любви исполнят неба хоры,
И пронесут ту песнь к престолу в высоту.
Христос Воскрес! Пусть скажет каждый смело,
Все расцелуются народы меж собой,
И за великое для всего мира дело
Мы пред тобой Христос стоим сейчас с мольбой! (К, 18).

Стихотворение «К 1-му Мая 1919 года» исполнено революционной риторикой: «капиталу», «буржую» противостоят «рабочий», «бедняк»; соответственно меняются словарь, ритм. И тем не менее то сочетание креста и красного флага, что символизировало революцию 1905–1907 годов, налицо и здесь:

Сегодня снова первый май,
Опять идем мы все рядами;
Товарищ, знамя поднимай,
Ты, выше красное над нами.
Мы победили и поем,
О павших раньше вспоминаем,
Мы новой жизнью заживем.
И жизнь та будет для нас раем (К, 32).

Да, уже изъяты из алфавита «Ъ» (ять) и «Ь» (еры)), но имя Божие пишется с заглавной буквы. Газеты указывают две даты: по грегорианскому и по юлианскому календарю. Это одновременное существование в двух мирах характеризовало саму жизнь. «Так, в Пудоже и других уездных городах первомайские торжества начинались с молебнов в храмах, а затем манифестацией с красными флагами и пением революционных песен»¹.

Автор главы «Литература двадцатых годов» в «Очерке истории советской литературы Карелии» М.Ф. Пахомова увязывала состояние литературы в те годы с попыткой новой власти реорганизации образования, создания сети изб-читален и библиотек, открытием народного университета, музыкальной, живописной, театральной студий и т. д. Обо всех этих добрых начинаниях сообщалось в газетах того времени. Не забыты были и литераторы. Вряд ли можно говорить о планомерной работе², поскольку ее не позволяло вести само время. Неизбежные трудности строительства нового общества усугублялись начавшейся в марте 1918 года Гражданской войной: на территорию северной Карелии вторглись белофинны и иностранные интервенты; в апреле 1919 года белофинны вошли в Олонецкую Карелию; не вда-

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 349.

² Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск: Карел. книжн. изд-во, 1969. С. 37.

ваясь во все перипетии войны, укажем, что только в 1920 году Карелия была освобождена от интервентов и белогвардейцев.

И тем не менее в мае 1918 года комиссариатом просвещения было опубликовано воззвание, в котором говорилось о ценности «творений самого народа, рисующего его быт, взгляды, хотения и мечтания»³. В ответ на призыв выявлять народные дарования была подготовлена серия книг под общим названием «Народные произведения Олонецкого края».

Прежде чем перейти к характеристике оной, укажем, к какому литературному периоду относятся эти тексты. Соглашаясь со многими специалистами⁴ в том, что эпоха Серебряного века начинается в конце XIX века зарождением символизма и продолжается до первой трети XX века, до полного торжества социалистического реализма, мы все же считаем, что, совпадая во многом, этапы «до» и «после» 1917 года имеют свои отличия, сопряженные с масштабом исторических событий той эпохи.

Далее, почему анализ книг предваряет анализ газетной лирики? Это оправдано тем, что в сборник включены в большом объеме стихи, написанные авторами до 1917 года.

Все три книги снабжены автобиографиями, доказывающими принадлежность авторов к народу. Начнем с книги уже цитируемого нами учителя А.Н. Куняева. То, что она вышла годом позднее, чем другие, не принципиально. Его главным делом до революции была построенная им и его друзьями-крестьянами школа в Корбозере. Она-то и образы учителей, размышления о реформе новой школы, стихи, посвященные школьникам и маленьким детям, стали главными темами этого сборника.

Революцию А.Н. Куняев принял, был назначен заведующим городским отделом народного образования, вступил в партию. У него есть несколько стихотворений, написанных на темы, продиктованные событиями новой жизни. Да, не блещут новизной его дооктябрьские стихи – стихи на «старые» темы, но они согреты искренним чувством: любви и сострадания, обиды и надежды; новые стихи, несмотря на искренность автора, безусловно, проигрывают в изображении ситуации и чувства, порожденного ею.

³ Известия Олонецкого губсовета. 1918. 9 мая.

⁴ Такова, например, позиция редколлегии ежемесячного историко-литературного и библиографического журнала «De visu», издаваемого в России в 1990-е годы.

Хотя поэт родился в Петрозаводске в мелкой чиновничьей среде, в стихах он отдает предпочтение сельскому пейзажу (собственно, и Петрозаводск того времени недалеко ушел от села). Так, в стихотворении «Посвящается озеру Кенозеро» описаны и само озеро, и чайки, что «в волнах играют», «острова, лахты длинные», усопшие друзья и «рыбак в лодке с сеткой», и, конечно, в это пространство внесена «часовенка ветхая» (К, 7).

Особенно трогательно стихотворение «Любовь», датированное 16 февраля 1917 года. Речь идет о любви ... березы и ёлки, что, «обнявшись болтают». Но...

Весной вечером ветерок шаловливый
На группу любовную с тучки махнул.
Затряс по листочкам березки болтливой
И с силой прильнувшую елку качнул (К, 8).

За сим следовала смерть елки, тоска и увядание ее подруги в ожидании близкого конца.

Безусловно, нельзя напрямую ветер февральской революции проецировать на этот шаловливый ветерок, но тем не менее ясно: мир уже изменился, а человек *еще* живет в «многопридельном хвойном храме», где есть свои страдания и печали, но все же природный цикл свершает свой круг и даже в годину войны есть вера в Христа, что восстановит мир.

И совершенно иная интонация у финального стихотворения «К приходу в Олонец белофинских банд», датированного 12 мая 1919 года. Его инвектива адресована врагу и тем, кто солидарен с ним. Здесь уже звон колоколов воспринимается как глумление «над несчастной голью», которую ждет «тяжелый голод»,

За ним болезни, смерть с косой идет:
Охватит всю страну могильный холод, —
И счастье от людей надолго отойдет. (К., 63)

Сборник является своеобразным лирическим дневником автора и интересен прежде всего как документ эпохи, как опыт издания первых стихотворных книжек.

Открыл же серию «Народных произведений Олонецкого края» поэт-крестьянин А. Метелкин. в кратенькой автобиографической справке в четыре предложения сказано: «Алексей Степанович Ме-

телкин, крестьянин Новгородской губ. Валдайского уезда Березовской волости села Березовского-Рядка, родился в 1868 году. 12 лет отправлен в Петербург, где жил до сего времени. Учился в деревне две зимы у местного дьячка за три медных пяточка. Эти медные гроши дали силы писать вирши»⁵.

Стихи А. Метелкина близки по тематике произведениям А. Куняева, но если у того в великий праздник Рождества мир радуется Младенцу, то поэту-крестьянину открывается иная картина:

Увы, пусты святые ясли,
Мы в них Младенца не нашли.

Вопреки библейской истории автор пишет о победе Ирода:

И зрим Младенца распостертым,
Разбиты ясли, нет коров,
И Ирод со своей кагортой
Там пьет Божественную кровь (М, 6).

Чувство безысходности характеризует его дооктябрьскую лирику. Начальное стихотворение цикла «Стансы» отсылает читателя к финалу программного стихотворения А. Блока «Россия».

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Оксюморон Блока, намекающий на извечный русский парадокс, на тайну России, у Метелкина звучит как приговор стране:

Я в той стране рожден,
Где невозможное возможно,
Где право и закон
Трактуются безбожно (М, 6).

⁵ Стихотворения поэта-крестьянина А. Метелкина. Петрозаводск: издание Олонецкого. Губкомпроса, 1918. С. 2. Далее цитирую по этому изданию, указывая в скобках литеру «М» и № страницы.

В то же время стихи, посвященные Первой мировой войне, проникнуты патриотическим пафосом и верой, что исполнится пророчество: «Мечи и копыя и забрала Перекуются на орала» и случится сие «Во дни Христова Воскресенья» (М, 15). Как видим, и на уровне любительской поэзии мир, как правило, продолжает восприниматься и изображаться через призму христианской символики.

Для Метелкина характерны и фольклорные обороты речи: так, «Депутатские мыслишки» (хотя издан сборник в новой орфографии, но все же прежние литеры встречаются!) начинаются со слов «Гой ты, Русь, ты наша матушка», отсылающих нас к народной эпической песне, финальное стихотворение называется «Песня-былина». Правда, это скорее «новина» о предшествующей революции истории. Она излагается так, что невольно вспоминаются записанные Клюевым частушки:

Появился вдруг Распутин точно клад,
И мужик был на все руки тароват,
Он царице Александре угодил,
По ночам он к ней в горенку ходил (М, 19)

Интересен конец «былины-новины»:

Уже понял весь трудящийся народ:
Исторический свершился поворот.
Сотни лет он был презреннейшим *рабом* (здесь и далее курсив мой. – Е.М.)
Всех мошенников кормил своим горбом.
А теперь народ: *свободный гражданин*,
Сам себе теперь он *раб и господин* (М., 19).

Народ – и раб, и не раб; и господин, и гражданин! Это противоречие снимается, если понять, что первая пара «раб/гражданин» представляет социальную идентификацию человека, вторая – «раб/господин» – христианскую: «Азь есмь рабъ Божій / азь есмь Господь», т. е. мы опять возвращаемся к тезису о существовании человека на рубеже двух миров.

Автобиография Дмитрия Алексеевича Мошинского – это портрет сироты, лишившегося в младенчестве отца, не знавшего ни ласки, ни любви, ни довольства, ничего, что украшает детские годы.

«Единственная отрада его – чтение: «Забравшись куда-нибудь в угол», мальчик «читал, читал... читал, улетал детской фантазией в заоблачную высь»⁶.

Поэт родился в Лодейном Поле (город входил тогда в состав Олонецкой губернии), жил у старшей сестры в Важинах, где окончил двухклассное училище, затем поступил в Петрозаводскую учительскую семинарию, но образования не завершил.

Когда свершилась революция, работал в ротном комитете 10-й роты 78-го Сибирского егерского полка, затем в контрольном комитете этого же полка. Из Риги, где квартировался полк, отправлен был на поправку в Олонец, где поступил на службу письмоводителем к лесному ревизору, но ... должности и ревизора, и письмоводителя упразднили, и поэт остался без работы. Намеревался продолжить образование.

О своих стихах Мошинский пишет, что «они родились из слез, страданий и грустных размышлений. Они вылились из глубины души, как стон, как вопль...» (ДМ, 6). Заявленная в автобиографии «лирическая программа» полностью подтверждается содержанием стихов, где в центре внимания душевные переживания героя. Он – типичный страдалец, мученик:

Я измучен жизненной борьбою,
Отравлен сомнениями невзгод,
Грозный призрак вижу пред собою,
Грозный, как поток волнующихся вод (ДМ, 15).

Как правило, причина страданий героя не конкретизируется, но его самочувствование типично для многих неоромантических произведений Серебряного века, передающих таким образом выпадение личности из социума, ее отчуждение от мира. Вернуть в реальность героя может только возлюбленная, к которой обращено все его существо: «Я иду к тебе с сомнением и тоскою, С болью, затаенною в груди» (ДМ., 15). Далеко не всегда он встречает ответное чувство, в результате жизнь возвращается к исходной точке:

⁶ Стихотворения Дмитрия Алексеевича Мошинского. Петрозаводск: издание Олонецкого Губкомпроса, 1918. С. 5. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках литеры «ДМ» и № страницы.

... Тоскливо длилось время,
В окно задумчиво смотрела тихо ночь.
Тоски безвыходной, тоски гнетущей бремя,
Мне побороть теперь уже невмочь (ДМ, 14).

Сборник не лишен гражданских мотивов. Так, его открывает посвящение «Освобожденной России». В нем, как и в тысячах стихотворений той эпохи, представлена картина тяжелого прошлого и освобожденного благодаря февральской революции народа, благодаря этой буре «Вчерашний раб стал вольным гражданином» (ДМ, 7).

Наряду с привычными для поэзии тех лет мотивами у Мошинского есть темы, встречающиеся не так часто. Автор выступал против раскола внутри демократического лагеря («Долой партийную вражду...»), призывал «Одной стеной, неразрушимо Стоять за родину свою» (ДМ, 8–9). Он остро ощущал трагедию нависшей над Россией Гражданской войны: «Родину мы тянем на страшный обрыв», предвидя «безумную, ненужную резню» (ДМ, 8). Не видя в обществе примиряющей силы, он уповает на Христа. Для поэта, как и для Клюева, характерна идея спасения души. В стихотворении «Христос Воскрес!» он выражает надежду на то, что

Во дни кровавые войны,
В дни злобы и проклятий,
Друг другу будем мы верны
Для радостных объятий (ДМ, 20).

Несмотря на скромность дарования представленных поэтов, подражательность большинства стихов, все же у А. Метелкина и Д. Мошинского не просто пробиваются свои ноты, но есть стремление грамотно построить сборник, сделать именно книгу с единым героем и сюжетом, что было характерно для поэзии Серебряного века. Что касается А. Куняева, то его «лирический дневник» тоже вписывается в литературный поток эпохи, но, в отличие от больших поэтов, умеющих якобы внешне не связанные друг с другом интимные записи скрепить внутренними переключками и сделать единую книгу, ему это не удалось. Думается, он и не ставил перед собой эту задачу.

Между тем в Олонецкой губернии были выпущены не три, а четыре поэтических сборника. В 1920 году вышел в свет песенник Николая Клюева «Неувядаемый Цвет», изданный вытегорским кружком «Похвала народной песне и музыка». Ранее стихи, включенные в эту книгу, входили в его сборник «Мирские думы», в 1919 году они составили разделы «Мирские думы» и «Песни из Заонежья» первого тома «Песнослава». Речь идет о произведениях дооктябрьского периода. Из 17 стихотворений первого раздела даны 10, из 27 второго – 13. Песни представляют собой как авторские варианты известных народных песен, например, «Вы, белила – румяна мои», «Плясея», так и оригинальные творения Клюева, в которых он максимально опирается на фольклорную традицию.

Открывает сборник знаменитое клюевское стихотворение «Что ты, нивушка, черненька», представляющее диалог поэта со всеми обитателями «избяного космоса»: нивой и избой, дорогой и елью. И весь этот мир оплакивает идущих на войну солдатешек и уже погибшего в бою хозяина-«доможирика», и юного воина Ванюшу.

Чтобы передать колоссальный масштаб горя, автор антропоморфизирует образы природного и рукотворного мира, наделяя их душевными муками, доводящими страдальцев до крайнего изнурения. Например, чтобы описать это состояние у избы, он искусно заменяет используемые в таких случаях фразеологизмы: «надорвать душу или сердце», надорвать силы» на более уместный «надорвать печень».

Оттого я, свет, шатуном гляжу,
Не смыкаю рта деревянного,
Что от бела дня до полуночи
«Воротись» вопю доможирику,
Своему ль избяному хозяину,
Вопия, надорвала я печени:
Глинобитную печь с теплым дымником,
Видно утушке горькой – хозяйшке
Вековать придется без селезня...⁷

Если первая, «мирская», часть посвящена плачу о погибшем русском воине, то вторая, «заонежская», – о судьбе женской: де-

⁷ *Клюев Н.Н.* Неувядаемый Цвет. Песенник. Вытегра: изд-е кружка «Похвала народной песни и музыка», 1920. Репринт. Челябинск: артель «Алексей Казаков со товарищи», 1995.

вушке либо не видеть замужества, либо быть женой «мужа недоброго». Завершается сборник девичьей жалобой на свою долю:

На селе четыре жителя,
Нет у девки уважителя, –
Как у Власа-то савраса борода,
У Никиты нос подбитый завсегда.
У Савелья от безделья чернота, –
Не выводится цыгарка изо рта,
У Игната кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто ночью Игнатушка
Загубил свою разлапушку, –
Вышибал ей печень черную
За повадку непокорную...⁸

Вывод не утешителен, хотя в песенке нет указания на конкретное время, но ясно: речь идет о погубленной крестьянской стране.

Есть ли спасение? В «Скрытном стихе» звучит Голос (Глас Божий): «Погублю Ум Зла Я Умом Любви»⁹, но любовь как всепобеждающая сила возможна только на крещеной Руси.

Два слова о названии книги – «Неувядаемый Цвет». Безусловно, речь идет о неувядаемом цвете народного слова, впитанного поэтом с молоком матери, но для православного в названии небольшого сборника звучит имя одного из богородичных икон. В молитве Пресвятой Богородице в честь иконы, именуемой «Неувядаемый Цвет», есть такие слова: «О, Мати Господа Творца нашего! Ты корень девства и неувядающий цвет чистоты целомудрия, пошли помощь нам немощным и обуреваемым плотскими страстями и блуждающими сердцами. Просвети наши душевные очи, да увидим пути правды Божия». Свет этой молитвы есть духовный подтекст клюевской книги.

На песенник Клюева в газете «Олонецкая коммуна» была опубликована рецензия, подписанная инициалами «Я.Р.», но от этого не менее значимая для уяснения вопроса: мог ли такой большой и известный поэт сплотить вокруг себя олонецких литераторов.

⁸ *Клюев Н.* Неувядаемый Цвет... С. 62.

⁹ Там же. С. 24.

Рецензент пишет, что не живи он «в детстве религиозных преданий и представлений», причудливо переплетенных с горькою прозой жизни, то не смог бы понять песни Клюева. Они были бы для него «бесмысленным бормотанием вроде молитвы покойной бабушки: «Господи, Иисусе, Спас Крещенья...».

Назвав и процитировав три наиболее удачные песни, рецензент приходит к заключению, что «книжка Н. Клюева имеет историческую ценность как памятник путанных бессмысленных представлений темной крестьянской души»¹⁰.

В воспоминаниях В.А. Соколова «Олонецкий Лонгфелло» говорится, что, уважая своего «стихотворца» (так называли его вытегорцы), они тем не менее далеко не все понимали в его творчестве. Клюев, приветствуя революцию, считал, что новое время должно наконец-то связать воедино разорванную во времена царя Алексея Михайловича, в период раскола нить русской веры, русской культуры. В связи с этим в свои стихи и поэмы, в песни и прозаические сочинения он смело вводил старославянизмы и архаизмы, не уменьшая при работе над народными текстами количество диалектных слов, как делали это другие поэты, а, наоборот, акцентируя их. За это вытегорские поэты (а их для такого маленького городка было немало) упрекали его: «Клюев поэтически связывал древнее, книжное с действительностью». Когда они «выговаривали ему за „ризы Серафима“, за „Алконоста“, он начинал читать пушкинского „Пророка“... и, защищая свой стиль, говорил: „Пушкин очарован был старокнижностью“»¹¹.

Тот же Василий Соколов писал, что в те годы любимцем вытегорской молодежи был Петр Аристаров, создавший в городе живую газету «Синяя блуза», репертуар которой состоял из звонких лозунгов:

Всюду, везде и всегда
В толпах возглашайте народных:
Восемь часов для труда,
Восемь – для сна,
Восемь – свободных!¹²

¹⁰ Я.Р. Неувядаемый Цвет (песенник Н. Клюева) // Олонецкая коммуна. Петрозаводск, 1920. 18 окт.

¹¹ Соколов В.А. Олонецкий Лонгфелло // Николай Клюев. Воспоминания современников... С. 243.

¹² Соколов В.А. Указ. соч. С. 242.

Дело было не только в сложности клюевской поэзии, но и в самой идеологии поэта. В отличие от крестьянских поэтов суриковского направления (по имени поэта Ивана Сурикова), певших о несчастной доле бедняков, Клюев и Есенин делали упор на другом. Крестьянство – это «золотая маковка» Руси: оно имеет свою культуру, огромные силы для строительства новой России, оно способно выдвинуть из своей среды вожаков.

Поэтому Клюев не писал в автобиографии, как ранее названные поэты, о горькой своей доле (жизнь у него была не из легких), а создал портрет поэта-пророка, поэта-Христа, поэта-мужика», «но особой породы...», жизнь которого – «тропа Батыева: от студеного Коневца (головой коня) до порфириного быка Сивы пролегла она. Много на ней слез и тайн запечатленных». В его «песнях каждое слово оправдано опытом, где все пронизано певческим заветом, смысловой графьей, просквозило ассис<т>ом любви и усыновления»¹³.

Таким он предстал перед читателями журнала «Красная панорама» в 1926 году (№ 30. С. 13). Сам образ стал формироваться много раньше, о чем свидетельствует запись от 1919 года его земляка Н.И. Архипова, ставшего впоследствии заведующим Управления Петергофских дворцов и парков¹⁴.

Могла ли быть принята клюевская идея России как Четвертого Рима, центром которого будет русская деревня со всем ее вековым укладом: религиозным культурным и материальным, если не просто из года в год, а из века в век, порой руководствуясь благими намерениями, создавался образ темной деревни и забитого мужичка. Да, далеко не все деревни радовали глаз, да, далеко не все мужики были достойны уважения, но тем не менее у русского (и не только русского!) крестьянина еще был мощный потенциал. Жизнь показала – его идея не была принята и не могла быть принята. Почему?

В небольшом исследовании невозможно ответить на все вопросы, поэтому обратимся к массовой поэзии – газетной лирике тех лет.

¹³ *Клюев Н.* Словесное древо... С. 46.

¹⁴ *Маркова Е.И.* Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 21–24, 50.

Как было сказано выше, революционные события воспринимались многими сквозь призму библейской символики: соответственно революция отождествлялась с пришествием Христа – с его воскрешением. Например, С-й Шердюков пишет:

Он распят был. Воскрес. Его еще распяли
И патеры, и пасторы, Византия и Рим.

Мучениям Спасителя пришел конец, о чем и возгласил стихотворец:

Товарищ! Слышишь гулкий звон
Несется к нам со всех сторон,
С земли, с небес
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
(Известия Олонецкого Губисполкома крест.,
рабоч. и солд. депутатов. 1918. 11.V. (28/IV))

Активно публиковавшийся в те годы сочинитель из села Важины Федор Ишутин воздавая честь героям труда, что построили «дома и громады заводов», особо выделял то, что ими построены «храмы святыя» (Известия... 1918. 23(10)/IV).

Сам новый мир рисуется в образе храма, правда, иного, чем прежний. Так, в опубликованных в журнале «Красный клич» отрывках из поэмы П. Широкова «Два храма» есть такие строки: «Церковь сгнила. Мы строим в том месте Храм Великой Борьбы и Труда». Так как в прежнем храме молились на Христа, то здесь он дискредитируется, поскольку, когда «Стонал народ и плакал мир, Христос смотрел и улыбался»¹⁵.

Представление о новом храме весьма абстрактное. В своем обращении к «Дитяти» С-й Шердюков пишет о том, что юный человек будет создавать «Великий храм света и любви» (Известия... 1918. 30(17)/IV). Чем тогда новый храм отличается от прежнего, отождествлявшего Иисуса со Светом, утверждавшего, что Бог есть Любовь?

Рабочий А. Румянцев в стихотворении «В.И. Ленину» убежден, чтобы «построить новый храм, Так нужно старый выжечь хлам». Новый же будет храмом «редкостных чудес», поскольку

¹⁵ Широков П. Отрывки из поэмы «Два храма» // Красный клич. Лит. приложение к г. «Красная коммуна». Петрозаводск, 1922. № 2. С. 1.

его строит тот, кто понял «процесс». Ленин, таким образом, – «величайший архитектор», «гений-зодчий», «секир», «правды свет», он и есть «сам народ» (Олонецкая коммуна. 1920. 22 апр.).

Логично, что в новом пантеоне не забыты старые вожди. Так, в честь столетия со дня рождения Карла Маркса в Вытегре состоялся вечер его памяти, где он величался «тринадцатым апостолом Христа» (Известия... 1918. 25(12)/V). В стихотворении «Фридрих Энгельс», посвященном его столетнему юбилею, стихотворец Росляков величает его «предтечей лазурной свободы» (Олонецкая коммуна. 1920. 15 ноября).

Вместо мифического «Его» на авансцену истории выходит «Творец-человек» (Росляков. «Под громы великой истории»), когда «Свет прорвет завесу Ночи», то «родится красный бог, Царь земли, станка рабочий» (Вл. Вентцель. «Призыв»).

«Свобода» (иногда варьируется с привычной русской «Волей») стала обязательным символом, своеобразной персонификацией божества, которому поклоняются, посвящают стихи. Так, в «Известиях...» от 21 марта (8 по ст. ст.) 1918 года (еще с соблюдением старой орфографии) свою хвалебную песнь пропел И. Матвѣевъ:

Пришла она, пришла
О, Гордая свобода,
Рабочий люд уж ждет
Тебя давно.

Поет он ей «песнь святую, где Бога нет, и Одесную, где нет жрецов, где нет попов – где нет духовного разврата».

В той же газете от 27(14) июня в стихотворении Н. Едомского описывается не то чего уже нет, а что должно быть:

Страна свободного народа,
Идей великих ты страна.
Нам дорога твоя свобода,
Свобода равенства, труда.

С. Проскуряков осознает, что рождение свободы есть процесс:

Куй народную свободу,
Крепче молотом стучи,
Куй из стали наилучшей,
Вслед за этим закали.
(Известия... 1918. 20(7)/IV)

Его стихотворение представляет собой один из образцов пролетарской поэзии, на наш взгляд, не характерной для поэзии Карелии тех лет. Каждый вкладывал в понятие «свобода» свое содержание, и тот, кто поднял ее знамя, готов был заплатить за него жизнью.

Товарищ! Шепни мне последнее слово
Свобода! Свобода! Свобода!
И буду я лежать в могиле спокойно
В рядах борцов за Свободу.
И пусть же звучит мое милое слово
Свобода! Свобода! Свобода!

(А. Агарков. За свободу. Известия... 1918. 15(2)/V)

Как показывает газетное стихотворчество, ни четкой идейной позиции, ни общего поэтического словаря не было. И хотя Христу воздавали хвалу многие, отношение к Русской Православной Церкви и служителям культа не было однозначным. Так, А.Н. Куняев занимал активную антиклерикальную позицию, а вместе с тем, большинство населения края и его столицы продолжало ходить в церковь и молиться Богу, поэтому в тех же «Известиях Губисполкома» от 29(14) апреля 1918 года было напечатано расписание богослужений страстной седмицы и св. Пасхи в Кафедральном соборе.

О том, как живут люди, те самые, что вне политики, вне партийной борьбы, самые обычные обыватели, рассказал автор из Вытегры Вонави в поэме (наше определение жанра) «На военном положении». На наш взгляд, это своеобразный ответ на поэму Блока «Двенадцать», где революционный шаг красного патруля – это новый ритм «музыки революции», что он слышим всем и каждому.

Здесь описаны образ патруля, охраняющего покой маленького северного городка, и реакция обывателя на эту «заботу». Поэму открывает строка: «Дремлет белая ночь...» – но никто из обывателей не спит – они все время прислушиваются:

Но везде патрули...
Слышен выстрел. Один... и другой...

И этот рефрен повторяется в каждой из девяти строф:

2. Ведь кругом патрули...
Слышен выстрел. Один... и второй...
3. А кругом патрули...
Слышен выстрел. Один и второй.
4. А кругом патрули.
Слышен выстрел. Один... и другой.
5. Вот шаги патрулей...
Слышен выстрел. Один и другой...
6. Вот идут патрули...
Слышен выстрел. Один... и другой....
7. Вдруг заметит в саду?
Вдруг команда: «пали!»
Разнесется. Что будет со мной?
8. Но кругом патрули...
Слышен выстрел. Один... и другой...
9. Ходят все патрули.
Слышен выстрел. Один и другой.

Через повтор, через игру знаками препинания автор создает впечатление постоянного звучания убийственных выстрелов. Сколько их было за ночь: два или шестнадцать? Скорее, два. Можно ли ответить на вопрос точно, если ты без желания идешь домой, где не спишь, невзирая на ночную прохладу, на попытки призвать Морфея. Выходя в сад, убеждаешь себя, что «причудилось». И тут же: «Но, увы!.. – Не во сне...». Так, сколько было выстрелов?

Напряжение спадает, потому что
 Рады светлому дню,
 Мало здесь таких дней,
 Но еще меньше белых ночей...
 Утро... душно... я сплю...
 Не слышать патрулей...
 Смолкли выстрелы... Лязг ключей...¹⁶

Из финальной строфы ясно, что, засыпая, и отдельный человек, и весь город продолжают слышать, ибо никто, кроме человека с ружьем, не свободен от ощущения, что он будет следующей мишенью.

¹⁶ Вонави. На военном положении // Известия Олонецкого Губисполкома. 1918. 27(18) июля.

Как видим, автор, не высказываясь напрямую, не желает ни слышать вот такую «музыку революции», ни воспринимать шаг патрульных как «державный» и, конечно, не видит Христа «в белом венчике из роз». Он спорит с Блоком, не только создавая идентичную ситуацию, но и используя его излюбленные приемы и образы: номинативные предложения, паузы, патрульных, огни (здесь «нет огней»), сад, «дым тумана», образ «проснувшейся земли». Но все это уже в другой жизни, в другой стране...

Хотя группа вытегорских поэтов известна (А. Богданов, С. Ручьев, П. Аристаров, П. Спасибенко, В. Соколов и, конечно, Н. Клюев), но о Вонави никто не слышал. По информации директора Вытегорского краеведческого музея Т.П. Макаровой, речь идет о молодом поэте Николае Иванове, умершем в 1926 году. Он публиковался в вытегорских газетах под псевдонимом «Кока Вонави». На фотографии надгробного памятника удалось прочитать инициалы «Н.Н.» и фамилию. Есть еще в музее фотография поэта в кругу других стихотворцев города.

Стихов же, проникнутых сочувствием к простому человеку, было мало. Через номер в той же газете С. Ручьев ставит вопрос ребром:

Тот, кто за счастье не бьется
Друг нам, товарищи, разве?
(«Тот кто»)

У него не возможен обобщенный образ патруля (то ли белого, то ли красного – равно враждебного рядовому человеку), – у него появляется характерное пролетарское «мы», и это «мы» означает «коммунисты».

Мы восстали хмурым днем,
Но знамена рдели яро,
И в крови огней пожара,
Счастье мы себе скуем.
(«Коммунисты»)

Изначально Сергею Ручьеву была, скорее, созвучна новокрестьянская поэзия, он «увлекался „самовистым словом“ Николая Клюева»¹⁷, интересна его пейзажная лирика, но позиция бойца-коммуниста определила его новую интонацию.

¹⁷ *Грунтов А.* «Сердце знает сказку чудесную...» Поэт-коммунист Сергей Ручьев. // Север. 1972. № 4. С. 122.

В 1918 году звучали как мольба: «Пусть навсегда исчезнет меч (А. Шестаков. «Молитва народа»), так и призыв к казни виновных в крови народной:

Беспощаден будет суд.
Саван – платье одевайте,
Легионы кровопийц.
И на казнь приготовляйте
Легионы кровопийц.
(В. Сарафанов. «О мести»)

Гражданская война и интервенция делали свое дело: язык стихотворцев становится жестким. Клюев, обращаясь к идущим на фронт красноармейцам, тоже произносит отнюдь не благостные речи. На войне как на войне!

Появились новые понятия: «красные» и «белые». Разъясняли разницу в стихах и песнях. Автор, скрывавшийся под инициалами Ве-ль (может, это Лев Гершанович?) сделал это в басне, которая так и называлась «Красное и белое» и, как и положено, в этом жанре завершалась нравоучением философа, слышавшего диспут сторон: «...белой кости В пору самую тлеть на погосте. Ну, а алая кровь, – что бурлит И кипит, – у нее много дела, Так пускай же его делает...» (Олонецкая коммуна. 1920. 26 окт.). Он же отзывался стихом и на карательные акции интервентов, опять-таки, как и в названном произведении, пытаюсь дать в стихотворении своеобразную историческую ремарку: враги должны ответить и за прошлое, и за настоящее. Судный день настанет для польского пана:

Жил на свете польский клоп...
Кровь его сосал, как клоп,
Польский пан и день, и ночь...

Так Ве-ль писал о днях наступления Войска польского на Советскую Россию.

Если в знаменитом «Сорокоусте» Есенина состязаются конь и паровоз, то у Ф. Ермакова в «Красном эшелоне» эти образы сливаются в один:

Лентой стелятся поляны,
И летит, гремит конек,
Стальной мощный скакунок,
Вдоль России поперек,
Пронзая мглу тумана.

И, конечно, вместо есенинской грусти здесь совершенно другой настрой:

Сердце бьется, грудь волнует,
Дух куда-то рвется вдаль,
Не гнетет тоска-печаль,
Ни отца, ни мать не жаль,
Сердце свет и счастье чувствует.

(Олонецкая коммуна. 1920. 12 мая).

Все чаще звучит в стихах слово «пролетарий», наряду со стихотворцами-мужчинами появляются авторы-женщины, в первую очередь на специальных страницах, отведенных для работниц. Например, Екатерина С.Р. утверждала: «Нам нужен светлый ум свободных матерей».

На страницах газет самодеятельные поэты выступали под разными псевдонимами, но самым любопытным был под обращением к женщинам «Стройте жизнь сами». Под сим разумелось, что «не станет свободы до тех пор, пока женщина не проснется и не убьет в себе рабы чувства, рабы мысли, рабы желания». Видимо, автор сомневался в вероятности такого чуда, посему подписался так: Глас вопиющего в пустыне.

Надо сказать, что как бы скромны не были достижения русских стихотворцев Карелии, они искренне хотели реализовать свой творческий потенциал. Ведь ко многим из них муза так поздно пришла (см., например: А. Метелкин. «Муза»). Они хотели учиться, поэтому издатели вели переписку с авторами. Так, некий Н. Игнашов получил такой ответ: «Вы правы, – вы не поэт. Но поэты не рождаются, а вырабатываются упорным трудом. Работайте. Ваше стихотворение и рассказ слабы очень» (Красный клич. 1922. № 2. С. 17).

В ответе характерная для той эпохи вера, что только труд, а не прирожденный талант, помноженный на труд, сделает свое дело.

Это декларировалось и большими поэтами. Назвал же Маяковский свою статью, посвященную вопросам поэтического мастерства, «Как делать стихи».

То, что стихи воспринимались как ценность, подтверждает такое вот объяснение в газете. У Дмитрия Мошинского «украли саквояж, в котором находились вещи, документы и 2 тетради стихов, предназначенные к изданию». Обращаясь к «честному вору», он, просит только вернуть «бумаги и тетради» (Известия... 1918. 13/VI (31/V)).

Появились не только авторы, но и редакторы, желавшие их издавать. Конечно, максимальное количество стихов и статей по вопросам искусства падает на «Известия Олонецкого Губисполкома» 1918 года, когда редактором газеты был Александр Васильевич Богданов (1898–1925), поэт, критик, публицист.

Благодаря ему в газете были опубликованы «Красная песня», «Республика», «Пусть черен дым кровавых мятежей», «Земля и железо», «Есть горькая супесь, глухой чернозем...», «Песнь Солнца» Николая Клюева. Он издавал сочинения великого поэта и будучи редактором газеты «Звезда Вытегры».

В «Известиях Олонецкого Губисполкома» он опубликовал ряд статей о творчестве Николая Клюева, пытаясь разгадать тайну не только его поэзии, но и личности. Например, в статье «Новое вино» от 18(5)июня речь шла о любви уранов (известной в науке под названием однополой любви), певцом которой были многие великие (Сократ, Леонардо да Винчи, Шекспир, Чайковский и др.) и в их числе Николай Клюев. «Многие последние его стихи, – писал Богданов, – наполнены тоской об Иоанне, красивой тоской Христа о духовном сыне. Бесчисленно мудры и глубоки слова поэта, его слова и его молчание».

Напоминая о том, что стихи Клюева, начиная с первого сборника, поразили силой крупного таланта, он с горестью признает, что нет «пророка в своем отечестве», и потому зрители, привыкшие к реалистической драме, не «могли понять символов ажурной пьесы» «Красная Пасха». Сострадав поэту, он сравнивает Вытегру с городом Глуповым Салтыкова-Щедрина. Заканчивается статья верой в то, что через несколько лет «вполне ясно определится клюевское течение».

В статье «Вечер памяти Маркса» от 25(12) мая А. Богданов довольно популярно изъяснил сущность каждого образа этой пьесы, идея которой заключается в обязательном воскрешении всего человечества – Красной Пасхи.

Конкретные же люди, живущие в Вытегорском уезде, переживали далеко не лучшие времена, и к чести Богданова он в том же номере, где ополчался на непонятливых слушателей, опубликовал материал за подписью Деревенского «Известия Вытегорского Совдепа», где тоже описывался спектакль, но участниками его были не некие абстракции, а реальные люди из окрестных деревень. Они пришли в Вытегру, потому что голод довел их до отчаяния. Их вожак хорошо придумал мизансцену: «Ящик, на нем табурет, около – Рулев с черным флагом, на нем черным нарисован череп с костями – голодная смерть. На трибуне черное, черное... Широкая шляпа, широкие рукава, раскрытые, как крылья большой птицы».

Судя по сообщению, вожак спровоцировал массы, обвинил председателя Исполкома – нового человека, только что вернувшегося с войны, во всех бедах народа, в результате – один убит, 4–5 ранены. Это не смерть/воскрешение символического персонажа, а смерть навсегда, и голод надолго. (О том, как ему тяжело живется в Вытегре, Клюев не раз писал в своих письмах к друзьям и издателям.)

Некорректно сравнивать реальные события и драматическое действие, но голодному человеку не дарят цветы, и ему, увы, не нужны персонажи-символы. Для Богданова, для тех, кто любил и ценил поэзию Клюева, он воистину стал «пророком Нечаянной Радости». Так охарактеризовал его вытегорский критик в одной из статей, самовольно передав блоковский «титул» олонецкому поэту. Для большинства же голодных Клюев им не был, и поэтому Василий Соколов искренен, признаваясь в том, что ему больше нравились агитки синеблужников.

Богданов был чрезвычайно плодовитым сочинителем: он писал рецензии на книги и спектакли местного театра, сатирические очерки и философские эссе («Изломы жизни», «Тоска Иуды»), пробовал себя как поэт, причем в разных жанрах, например, у него есть «Лунные фрески», баллада «Король умирающий» и другие произведения, правда, в отличие от его филологической прозы,

они не блещут оригинальностью: здесь он весь во власти символистов. Также ярко Александр Богданов заявил себя и на посту редактора газеты «Звезда Вытегры».

Критическим дарованием обладал Лев Гершанович. В статье «Из прошлого Олонецко-Карельской печати» он не только попытался дать предысторию литературной жизни края, о чем было сказано ранее, но и дал характеристику литературной жизни за пять советских лет. Отлично понимая уровень местных стихотворцев, он писал о них с легкой иронией и все же выделил стихи Г. Енохова из Ладвы, В. Ишанина из Вознесенья, народного учителя А. Куняева.

Подводя итог, согласимся с Гершановичем, что «просветленный идеями международной солидарности и братства всего мира олончанин особенно лихорадочно творил»¹⁸. Поэзия представляет собой разноуровневые явления художественного творчества: от высокой классики (творчество Николая Клюева) до первых ростков профессионализма (А. Метелкин, Д. Мошинский, С. Ручьев, в известной степени, А. Куняев и др.) и самодеятельного стихотворчества. Что касается Клюева, то этот его вытегорский период исследователь Майкл Мейкин приравнивает к болдинской осени Пушкина¹⁹, но, поскольку основной объем произведений публиковался за пределами Олонецкой губернии (Карельской коммуны), мы не останавливаемся на анализе всего корпуса его произведений.

Для литературного процесса переходного периода характерна, как правило, подобная активность широких масс, ибо она связана с искренней верой построить светлое будущее – «красный храм». Почувствовав интерес к своему высказыванию, человек действительно брался за перо и пытался выразить свое отношение к происходящему.

В основном это были стихотворные опыты, относящиеся к массовой культуре и рассчитанные на массового читателя. Для литературы переходного периода типично смешение стилей: здесь и запоздалое подражание символистам, и крестьянская поэзия, идущая от традиций Кольцова и Некрасова, Сурикова и в какой-то мере от новокрестьян: Клюева и Есенина. Здесь ростки пролетарской по-

¹⁸ Гершанович Л. Из прошлого Олонецко-Карельской печати // Красный клич. 1922. Июль. Литературное приложение «Карельская коммуна». С. 11.

¹⁹ Мейкин М. «Вытегорский» сборник Николая Клюева «Львиный хлеб» // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2005. С. 171–183.

эзии. Для этого времени характерен разнообразный жанровый репертуар: лозунги, воззвания, гимны, послания, посвящения, поэтические обращения, инвективы, реквиемы, эпитафии, молитвы, песни, баллады, фольклорные стилизации. Большинство произведений было проникнуто гражданским пафосом, но не была забыта пейзажная и любовная лирика. Конечно, газета не могла обойтись без фельетонов в стихах, они обычно были подписаны одним из трех имен: Саша Скандальный, Сергей Темный, Макарка Хмурый. Встречались и другие литературные маски. Один даже был подписан междометием «Цыц».

Этот поэтический всплеск падает где-то на первые пять-шесть послереволюционных лет. Причин было немало: прежде всего, поэты уходили из жизни: погибали на фронте, умирали. Переезжали в другие края.

Менялась сама жизнь. Когда листаешь старые газеты и читаешь сводки с фронтов, в том числе и сообщения о военных действиях в Карелии, понимаешь, что даже чисто физически порой не оставалось места для самого маленького стихотворения.

Остро стояла проблема издания авторских книг: уже подготовленные к печати сборники из серии «Народные произведения Олонецкого края»: А. Богданова, Д. Мошинского, «Снежные поля» А. Юдина, «Солдатская пьеса» В. Сарафанова не вышли в свет в связи с трудностями военного времени²⁰. Не лучше обстояло дело с коллективными сборниками: в 1921 году в Петрозаводске был издан сборник «Красный Октябрь». В память 4-й годовщины 25 окт. – 7 н. 1917 года». Следующий был опубликован только в 1930 году: «К 10-летию Карелии. 1920–1930. Литературно-художественный бюллетень русской секции КАПП».

У русских писателей не было своего литературно-художественного журнала. В 1922 году издавалось литературное приложение «Красный клич» к газете «Карельская коммуна». Вышло всего три номера (№ 1 библиографами, к сожалению, не обнаружен).

У пишущих было стремление к общению, формированию литературной среды. Просматривая в «Летописи литературной жизни Карелии» раздел «Хроника литературной жизни», отмечаешь создание ли-

²⁰ Очерк истории советской литературы Карелии... С. 37.

тературных кружков и других творческих объединений, жизнь которых была недолгой, но она, безусловно, давала свои плоды. Литераторы жаждали единения с писателями всей страны. Не случайно уже «в декабре 1918 был образован Олонецкий губернский союз журналистов, принявший устав Московского союза советских журналистов. Олонецкий губернский союз журналистов вошел в Олонецкий губернский пролеткульт на правах литературного подотдела»²¹.

2.

Приведем еще два факта из раздела «Хроника...»: 1) «Большое значение для развития литературы Карелии имела резолюция ЦК РКП(б) „О политике партии в области художественной литературы” от 18 июня 1925 года, в которой подчеркивается необходимость «обратить усиленное внимание на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза» (Правда. 1925. 1 июля). 2) «8 июля на организационном собрании петрозаводских литераторов был обсужден и принят устав Карельской ассоциации пролетарских писателей» (КАПП). С этого дня начинается работа КАППа, положившей начало широкому развитию литературного движения в республике. В ассоциацию первоначально входили 14 членов. Среди них Т. Алимов, Я. Виртанен, Р. Богданов, Л. Хело, Х. Тихля, Ф. Ивачев, О. Иогансон, Р. Руско, Т. Трифонова и др. (Красная Карелия. 1927. 26 янв.)²².

Резолюция 1925 года, как известно, касалась свободного соревнования между литературными группировками, но на основе пролетарской идеологии. По существу, править бал в искусстве стал РАПП, но в Карелии, как, впрочем, и на Русском Севере, если судить по характеристике, данной Ю.И. Дюжевым, соревнования группировок не было, поскольку таковых не существовало. Условно литературу 1917–1930 годов можно разделить на пролетарскую и крестьянскую²³. Для Карелии, несмотря на то что литераторы вступили в Пролеткульт,

²¹ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М.Ф. Пахомова, Н.С. Полищук. Петрозаводск: Карельское книж. изд-во, 1963. С. 11.

²² Летопись... С. 39, 42.

²³ Дюжев Ю.И. История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 37–62.

четко выраженная тенденция развития пролетарской поэзии не была особо ощутимой. Литераторы искали: писали то в одном ключе, то в другом. И сам состав авторов в силу острых политических событий и военного положения был мобилен. Так, В. Базанов называет в уже упоминаемой статье стихи рабочих Александровского завода Д. Мишина и П. Морозова, крестьян Давыдова и Сидорова, воспевших в 1917 году героиню освободительного движения в Карелии. Между тем их имена, едва появившись, исчезли со страниц газет, как имена многих других «однодневных» поэтов. Свобода, присущая переходному периоду, стала подменяться другими категориями: партийным долгом, классовым сознанием.

Не один Маяковский «наступал на горло собственной песне». Возрастала роль цензуры, очевидно, более ответственно печатные издания подходили и к отбору стихотворного материала, отказываясь публиковать беспомощные в техническом отношении тексты. И, конечно, в поэтических кругах Петрозаводска и других городов Карелии не было лидера, могущего сплотить вокруг себя стихотворцев.

В резолюции 1925 года в разделе «Хроника...» выделено то, что было значимо для Карелии: развитие литературы на языках других народов. Финно-угорская культура стала чрезвычайно актуальна в постреволюционную эпоху. Когда в 1920 году была создана Карельская Трудовая Коммуна, 58,9 % ее жителей составляли карелы, 38,3 – русские, 0,6 – финны, 1,3 – прочие национальности. По данным переписи 1926 года, русских было 57,2 %, карелов – 27,4, вепсов – 3,2, финнов – 0,9, прочих национальностей – 1,3²⁴. Всего в конце 1920-х годов в Карелии проживало 295 тысяч человек.

Новое административно-территориальное образование закрепляет в названии имя титульной нации. С 1920 по 1923 год наряду с КТК существовала и Олонецкая губерния с общим центром в Петрозаводске. В 1923 году два образования упразднили: создали единую республику на правах автономии.

Что касается Великого княжества Финляндского, то 31 декабря 1917 года Советское правительство признало его государственную независимость, в 1919 году новое государство было объявлено республикой.

²⁴ История Карелии... С. 442.

Между тем связи с Финляндией не только не прекратились, наоборот, они приобрели новое качество. После поражения финляндской революции в Карелии за счет переселенцев из Финляндии начала формироваться финская диаспора, которую составили красные финны, бежавшие в соседнюю страну от преследования властей. Позже, во времена Великой депрессии в США (1929–1933), она увеличится за счет финнов, приехавших оттуда, а также финнов-переселенцев из Канады и Швеции. В числе них были, разумеется, и поэты, имевшие публикации в периодической печати, и даже книги, изданные в Америке и Финляндии.

Они активно сотрудничали с финнами, проживающими в Петрограде (Ленинграде), и с финнами-ингерманландцами, жителями Петроградской (Ленинградской) области, где еще в дооктябрьский период выходили газеты на финском языке. Естественно, что в становлении этих литераторов важную роль сыграли традиции финляндской и американской литературы, ингерманландцы опирались также на русскую классику, знали современную советскую поэзию.

В свете выполнения решений партии необходимо было направить внимание на литературу, создаваемую национальным меньшинством и представителями «титულიной» нации, которым тоже было предписано писать по-фински. Этот язык стал функционировать в качестве второго языка республики, потому что северокарельский диалект был близок к финскому языку и опыт освоения финского языка уже существовал в Карелии. Хотя финноязычную литературу Карелии называют в числе «младописьменных» литератур (получивших письменность после Октября и с этого момента начавших свое развитие), но этот классификационный уровень можно принять лишь с оговоркой, поскольку, как справедливо пишет Э.Л. Алто, словесность края «создавалась на сформировавшемся еще в XIX веке финском литературном языке»²⁵. И добавим: в 1920–1940-е годы она развивалась в пространстве активного функционирования финского языка в едином поле Карелии – Ленинграда – Ингерманландии. В местах компактного проживания прибалтийско-финских народов обучение велось на финском языке.

²⁵ Алто Э.Л. Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии. Т. 2. СПб: Наука, 1997. С. 9.

У литераторов, пишущих по-фински, есть свой лидер – Ялмари Виртанен (1889–1939), участник всех трех революций в России и революции в Финляндии, с юности живший на две страны. Он уже в 1922 году при газете «Карьялан Коммуни» организует литературное объединение и ставит в статье «Нужна пролетарская литература» вопрос о создании журнала.

В свете вышеизложенного посмотрим на динамику развития литературы 1917–1930 годов на русском и финском языках, что наглядно отражено в таблице, зафиксировавшей количество публикаций на этих языках.

Годы Изда- ния	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Русские	5	3/86	1/68	1/27	1/5	3/41	1/11	13	6	3	6	1	19	1/1
Финские	0	1	0	6	7	10	8	18	1/10	8	8	41	63	5/33

Пояснения к таблице. Учитываются произведения, опубликованные в периодической печати. Если дается дробное число, то в числителе указываются поэтические книги, в знаменателе – стихи, опубликованные в периодической печати. В таблицу, составленную по данным «Летописи литературной жизни Карелии. 1917–1961», добавлены 5 стихотворений Н. Клюева (1918). Учтены только произведения, опубликованные в Петрозаводске, так как периодические издания уездного уровня в «Летописи...» не указаны. В графе за 1920 год отмечена книга, в графе за 1922 – 3 номера журнала «Красный клич» представлены как сборники, поскольку так это отражено в «Летописи...». В число поэтических книг включен, например, сборник В. Клишко «Бог, попы и комсомол» (1923), в который, кроме текстов автора, помещены «Пасхальные материалы» неизвестных авторов, присланные из ЦК РКСМ.

Не указаны книги, изданные за пределами Карелии, так как сами авторы уже не являлись ее жителями. Сборники же финских поэтов, опубликованные в Ленинграде, учтены, так как одни и те же авторы не только издавались в двух регионах²⁶, но и являлись

²⁶ В 2005 году Н.А. Прушинской, Е.И. Такала были изданы «Дополнения» к «Летописи...» под названием «Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов». Приведенную таблицу, судя по новым данным, можно пополнить 5 стихотворениями и 1 книгой на финском языке. Вместе с тем, возможно, не учтены отдельные произведения на русском языке пострадавших в эти годы авторов.

одновременно членами КАППа и ЛАПа. «На III конференции ЛАПа, состоявшейся в 1930 г., карельские писатели Я. Виртанен и Ф. Ивачев были избраны в состав правления Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (Punakantele. 1930. № 8. S. 1–3)... 24–30 декабря состоялось собрание финского отделения ЛАПа по итогам года. В состав нового правления отделения вошли К. Халме, К. Венто, Г. Саволайнен, Г. Пулккинен и Л. Хело. Кандидатом избран У. Руханен (Punakantele. 1931. N 1. S. 10)²⁷.

В Ленинграде и Петрозаводске в указанный период издавались два литературно-художественных журнала: «Soihtu» (1927–1930); «Puna-Kantele» (1928–1931 и альманах «Kevätvyöry» (1929–1935)²⁸.

Как и большинство русских стихотворцев, пишущие на финском языке «не считали себя профессиональными поэтами и в своей литературной деятельности часто видели трибуну, с которой можно говорить с массами, обращаться к ним с призывом, мобилизовать их энергию и волю на революционную борьбу. Такое понимание поэтической работы определяло ее характер – романтически-возвышенный, политически ясно выраженный»²⁹. В числе пролетарских поэтов называются Я. Виртанен, Л. Летонмяки, Р. Руско, С. Мякеля, Г. Лауканен и др. Их произведения типологически близки русским пролетарским поэтам Л. Циновскому, Ф. Чумбарову-Лучинскому (публикации 1919 года).

Если выходцы из Финляндии и США работали в русле пролетарской поэзии, то ингерманландцы, крестьяне по происхождению, опирались на традиции устной поэзии и были близки А. Метелкину, С. Ручьеву и др. Наиболее ярким представителем «крестьянского» крыла финноязычной поэзии является Леа Хело (псевдоним Тобиаса Гуттари: 1907–1953).

Э. Л. Алто показывает, как в стихотворении «Новой песни зачинателям» он обыгрывает характерные для устной поэзии поэтические приемы (повторы, параллелизмы, аллитерации):

²⁷ Летопись... С. 65.

²⁸ Алто Э.Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 18–19.

²⁹ Сумманен Т.К. Литература 20-х годов (раздел 2-й) // Очерк... С. 65.

Ливвики (южные карелы. – *Е.Л.*), народ певучий,
К музыке – игре способный,
Множество стихов сложивший.
Пели крепкие мужчины,
Пели и молокососы,
И играли красны девы;
Пел-играл и весь народ.

Кульминационный момент стихотворения – появление певца-поэта, которого, как это и бывает в произведениях народной лирики, ждет сама природа:

И ольховники там пели.
Кусты – вербы подпевали,
И раскидистые сосны
Подпевали этой лучшей,
Этой разлюбезной песне.

И поэт приходит:

И пришел мужчина видный,
И поэт-певец умелый,
Песенных стихов создатель,
Слова меткого кователь,
Кузнец слова золотого³⁰.

Мы привели столь длинную цитату, чтобы показать типологически близость стихов Ключева и Хело. Русский поэт также пишет и о рождении нового мира, нового поэта, опираясь на традиции русской и мировой народной поэзии, используя в том числе и калевальские мотивы.

Предстану миру в песню одетым
С медвежьим солнцем в зрачках.
С потемками хвой в бородище,
Где в случке с рысью рычит лесовик (511, 635).

В создании образа вселенной Ключев опирается на мифологические мотивы. Чаще всего мир в его стихах воссоздается из тела че-

³⁰ *Анто Э.Л.* Указ. соч. с. 57.

ловека³¹, органы которого тождественны различным частям света. Обряжено оно в «Сиамских шелков сорочку, Карельские сапожки» (408, 483).

Второй, но не менее значимый мотив первотворения, реализованный Клюевым, восходит к «Калевале». Дочь воздуха дева Ильматар стала матерью воды, создала мысы, заливы, берега, глуби и отмели моря. И, наконец, в муках рождает вещего певца Вяйнямейнена. В лирике Клюева девушка «в пространствах межпланетных» ценой своей жизни дает жизнь «лирному солнечному народу» (313, 381). В другом стихотворении, имеющем «калевальский» знак, сказано о рождении воды и суши:

Мы родим моря, золотые утесы,
Где гаги – слова для певцов калевал (324, 295).

Мир в поэзии Клюева – вселенская деревня, земля которой готова к всемирной вспашке.

Повыковать плуг – сошники Гималаи,
Чтоб чрево земное до ада вспахать,
Леха за Олонцем, оглобли в Китае... (395, 470).

Карельский город Олонец является составной частью гигантского плуга и не менее значим, чем всемирно известные Гималаи и Китай. Это отвечало представлению поэта о равенстве больших и малых народов.

В массовом сознании тех лет жила идея стирания наций, наивно, но точно высказанная шолоховским героем: «Все посмешаются, ... все будут личиками приятно смуглявыми, и все одинаковые...».

Об этом мечтали и космополитически настроенные писатели: прокультовцы, футуристы и др. Новокрестьянские поэты, к числу которых принадлежал Клюев, выступали за национальную культуру, но в то же время поэт понимал, что каждый народ и его отдельный представитель являются звеном в длинной и сложной генеалогической цепи. Как земля и вода, давно обжитые русскими людьми

³¹ Полякова С.В. О внешнем и внутреннем портрете в поэзии Н. Клюева (К вопросу об архетипичности поэтического языка) // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. «Блоковский сборник» VII. Тарту, 1986. С. 156.

ми, хранили финно-угорские имена, так и человек наряду с русскими предками имел в прошлом (а кто-то и в настоящем) родственные узы с представителями финно-угорских (и не только финно-угорских) племен. Его герой – поэт утверждает, что он «зырянин с душой нумидийской» (511, 639) – «карельский князь» (261, 319), «потомок лапландского князя» (302, 367).

Образ конкретного человека, карела по национальности, воссоздан в поэме В. Андреева «Старый Тойво» (1927). Это был первый опыт введения в русскую советскую литературу Карелии образа труженика-карела, первая попытка изображения его внутреннего мира³².

В Карелии хорошо известны фольклорные произведения разных жанров о поединках на воде. В результате действий героя враг скрывается в пучине, подчас вместе с отважным смельчаком. Андреев дважды использовал этот мотив в поэзии. Ему удалось передать горе старика-отца. Как истинный северянин, он держит все в себе, «по-прежнему Тойво бури сильней, хоть и «волосы стали белее» и «глаза стали скал серей». Когда белые вновь пришли в Тууливару, старый Тойво повторил подвиг своего единственного сына, разбив топором дно лодки и утопив врагов вместе с собой³³.

Поэма В. Андреева, в отличие от стихов и поэм Николая Клюева, была издана в Карелии. Надо сказать, что, кроме уже названной инвективы А. Куняева в адрес белофиннов, упоминания этнонимов «финн», «карел», топонима «Карелия» крайне редки в поэзии тех лет.

Что касается переводов, то опыты перевода финноязычной литературы на русский язык были: в 1928 году переведены рассказы карела Ф. Ивачева и финна Р. Руско, в 1929-м сделан перевод на русский язык стихотворения Я. Виртанена «Тоска Андрея». Русских писателей на финский язык не переводили.

В «Биографии», приведенной Н. Клюевым в заявлении в Главикуство от 27 февраля 1930 года, сказано, что его стихи переведены на финский язык³⁴. На наш запрос Славянская библиотека (На-

³² Очерк... С. 59.

³³ Там же. С. 60.

³⁴ Маркова Е.И. Родословие Николая Клюева... С. 56.

циональная библиотека Финляндской Республики) ответила отрицательно. Возможно, стихи переводили финские поэты Ленинграда или Петрозаводска, но тексты пока не выявлены.

В 1930-е годы основным образом литературы становится образ счастливой советской страны. Мечта Макара Нагульнова пусть не во вселенском, а только в масштабе СССР стала сбываться. Устами маленького героя Гайдара была названа новая национальность: «...я – советский».

Это означало не столько полное забвение национальных корней, сколько переосмысление народного творчества, которое рассматривалось только под социальным углом зрения. Соответственно выделялись мотивы социального протеста и «народных чаяний».

Поскольку изображение истории сводилось к иллюстрации антитезы «темное прошлое / прекрасное настоящее», то образы финно-угорского фольклора и «Калевалы» служили в поэзии русских писателей Карелии этим целям.

Лоухи символизировала злые силы, советский народ становился обладателем Сампо и под кантеле Вяйнямейнена пели славу советской стране.

И поем мы солнцу славу:
– Здравствуй, солнце!
ты, сияя,
Будешь нам светить на радость.

Такова сложившаяся к 1930 году новая литературная реальность Карелии. В 1920-м русские литераторы по-настоящему поняли, что их край отныне имеет письменность на двух языках, что их собратьями по перу стали не только карелы, но и пришельцы из других стран, и они, верные интернациональному долгу, должны видеть в них братьев. Очевидно, это был не простой процесс, такой эксперимент на данной территории раньше не проводился. Творческие люди довольно сложно притираются к друг другу. Как обстояло дело в данном конкретном случае, ни в стихах, ни в поэмах не сказано, в известных письменных источниках об этом не говорится.

ГЛАВА IV

СТРАНА СЧАСТЛИВЫХ И ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ И ПОТАЁННАЯ РУСЬ

(1931–1950)

1.

В 1920–1930-е годы на территории Карелии продолжалась активная работа фольклористов. Были записаны и изданы блестящие образцы русского фольклора Карелии. В то же время поощрялись «новины», произведения, посвященные событиям советской действительности, но изложенные в стиле того или иного (чаще былинного) классического жанра.

Данный литературно-фольклорный репертуар представляет собой советскую мифологию, без знания которой трудно понять специфику художественного (и не только художественного!) мышления 1930–1940-х годов, поэтому анализ поэтического материала начнем с характеристики фольклорных образцов, получивших статус литературных текстов. Нами отобраны произведения в стихах, как того требует тема исследования, но работы в прозе выполнены тоже в духе социального заказа.

Как правило, в эпоху становления литературы вновь остро ощущается «единство фольклора и литературы в рамках общей метасистемы – словесное творчество»¹. В 1930-е годы, как известно, сказители редко проявляли собственную инициативу, их направляли в нужное русло фольклористы, выступившие в качестве сотворцев и редакторов их произведений².

Новины охотно публиковались, во-первых, это отвечало духу времени: так на практике реализовывался постулат народности ли-

¹ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980. С. 11.

² Сенькина Т.И. Забытая страница истории русской фольклористики Карелии (30–40-е годы XX века) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991. С. 125–140.

тературы. Во-вторых, альманахи и народившийся журнал нуждались в материале. «Посвященного от народа» Клюева нельзя было публиковать, а устные тексты становились фактом письменной культуры, отдельные сказители – членами Союза писателей. В Карелии статус писателя получили 8 человек. Попав на страницы литературных изданий, тексты сказителей обрели новую функцию: включались в литературный процесс.

Рассматривая промежуточные фольклорные литературные процессы в XIX веке, В.Г. Базанов нашел удачное определение – народная книга³. Этот термин особенно уместен, потому что все тексты будут рассмотрены как главы и страницы одной книги – народной книги 30-х годов. Ее корпус составят произведения, опубликованные в альманахах и журналах Карелии на русском языке. Авторы – Ф. Быкова, А. Ватчиева, П. Горшков, Ф. Господарев, Е. Дьяков, Е. Журавлева, Н. Кигачев, И. Козырев, Ф. Конашков, А. Конашкова, М. Коргуев, Ларионов, Н. Ремезов, О. Мелехова, А. Пашкова, М. Рябинин, П. Рябинин-Андреев, М. Самылин, Ф. Свиньин, И. Фофанов; сказители-карелы: П. Ануфриев, Н. Гречнева, А. Исаков, А. Никифорова, М. Ремшу, М. Хотеева, Т. Туруев. В их число входят карелы-кантелисты, исполнители вепсской песни и русских частушек. В этом хоре явственно слышен голос знаменитой архангельской сказительницы М. Крюковой, ее былины «Слава Сталину будет вечной», «Как белые Север хотели отнять» были опубликованы в Карелии.⁴ Сами сказители считали, что исполняют патриотическую миссию. Если завтра война, то, заверял карел Тимофей Туруев:

Мы, сказители, наперед пойдем,
Наперед пойдем, на самую голову
Со полками да с батальонами.
Полки будут с ружьями да с пулями,
А сказители – с песнями, с былинами.
Наши сказки, перегудки-побывальщины
Будут бить, разить врага-неприятеля.

³ Базанов В.Г. От фольклора к народной книге. Л., 1983. С. 63.

⁴ См. подробнее: Маркова Е.И. Вина и вера // Мария: лит. альманах. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 235–248.

В первые годы революции глобальное содержание эпохи писатели облекали в библейские образы. Срабатывала «память» вечной книги, и произведения обретали монументальные (квазимонументальные) черты. Сказители 1930-х годов, работая над созданием эпического образа нового государства, тоже искали опору в искусстве прошлого. Разные по жанровому составу тексты ориентированы на социально-утопические легенды о «далеких землях» и об «избавителе».

Историк В.П. Волгин писал, что социально-утопические идеи, настроения, движения возникают особенно активно и играют наиболее значительную роль в периоды кризисов общественной системы, на сломе исторической формации⁵.

В исследовании К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды», показано, что народная мечта не только порождает устные представления о счастливой стране, но и претворялась в действии: люди уходили на поиски счастливых земель или, уверовав в того или иного «избавителя», сплывались под его знаменем и шли на борьбу в надежде, что, победив, «избавитель» всерьез займется социальными преобразованиями.

На сломе исторической формации социально-утопические идеи отражали веру народа в социально-историческую справедливость. В эпоху начального строительства социализма народ утверждал, что вера обрела почву и получила зримое воплощение в образе Страны Советов и ее руководителя Сталина. Как известно, элементы упомянутых представлений вошли в научно-фантастические романы, литературные сказки и некоторые романтические произведения 1920–1930-х годов.

Искусство 1930-х было государственным. Все писатели и сказители работали на одну идею: создание образа счастливой страны. Начатые преобразования вселяли веру, и она была столь велика, что, несмотря на все сложности и противоречия, сказители рисовали образ необъятной, идеальной страны.

В легендах люди ищут счастья на чужой стороне. Здесь свободной, вольной страной, а это главный атрибут легендарного

⁵ См.: Волгин В.П. Очерки социалистических идей. М., 1975 и др. труды исследователя.

Беловодья, становится своя страна, которую известный сказочник М. Коргуев назвал «Страной счастливых и честных людей». Если герою легенд принадлежит только остров счастья, то советский человек владеет необъятной страной.

Уж ты, матушка да Россееюшка,
Ты Россееюшка, да Советский Союз.
Далеко же ты да пораскинулась,
К морю черному да принадвинулась,
А от морюшка ли от Черного
До того океана Ледовитого,
Широка страна советская –
Рабоче-крестьянская да пролетарская⁶.

В этой стране «в деревнях пошли колхозы крепкие, Работать стали все машинами, Жить-то стали все зажиточно, Зацвели сады фруктовые».

Сегодня, когда история коллективизации воспринимается не как героическая эпопея, а как величайшая трагедия, мажорный тон кажется чудовищно неуместным. Верно подметил исследователь Эндре Фаркаш, что «искажения могли процветать, лишь используя здоровые ценности». Эти здоровые ценности и восславили прежде всего народные творцы. Ученый говорит о дифференциации различных тенденций 1930-х годов: «Существовала определенная официальная бюрократическая апологетика, и существовал мессианский оптимизм, построенный на наивной вере»⁷. Новины карельских сказителей отражают одну из разновидностей мессианского оптимизма.

Общую панораму страны дополняет описание двух регионов: своего северного края и столицы Родины – Москвы. В народной книге Москва предстает как идеологический центр и город чудес. Как в прошлые века, так и в 1930-е годы Москву характеризует постоянный эпитет – «белокаменная». Далее следуют новые детали описания: характеристика Красной площади, башен и звезд Кремля, мавзолея, в котором в стеклянном или хрустальном гробу спит Ленин.

⁶ Пашкова А. В Стране Советов // Карелия. 1938. № 4. С. 23.

⁷ Фаркаш Эндре. Этический вызов Макаренко // Философские науки. 1988. № 7. С. 75.

Ой же, спит-лежит дорогой Ильич,
Он же спит в гробу-то ведь хрустальном,
И закрыт пеленами печальными.
Ой, ведь спит сном непробудным,
Ой, для всей страны, для советской,
Ой, горит свечой неугасимой,
Ой, горит свеча – век не угасается ...
А о нем честь и слава век не забудутся⁸.

Москву как город чудес характеризуют «метро распрекрасное, расчудесное», «лестница-самоходка», станции как дворцы и «светлые поезда».

Сказитель может отметить птиц стальных над Москвой и паром, плывущий по каналу Москва – Волга, заводы и фабрики, но эти и другие детали факультативны.

Вершинным образом народной книги был образ «избавителя». Трагический парадокс заключается в том, что лавры народного избавителя получил тиран. Мало зная реальную жизнь вождя, сказители создают свою модель его судьбы. Их идеал – образ «заступника» социально-утопических легенд.

В легенде «заступник», будучи человеком из народа, тем не менее выдает себя за гонимого царя. Царистские иллюзии народа были сильны, поэтому царское имя им необходимо.

Интересно, что убежденные в абсолютной правоте Сталина, народные певцы создавали его образ, ориентируясь на модель, которая требовала, чтобы борец за народную правду был облечен властью свыше, чтобы непременно стоял НАД народом.

Разделим биографию Сталина, созданную сказителями, на две части: «до» и «после» 1917 года. Ее первая половина соответствует комплексу, который К.В. Чистов охарактеризовал так: «избавитель» намерен осуществить социальные преобразования. Далее следует отстранение «избавителя» и его чудесное спасение. Он скрывается, странствует или оказывается в заточении, подавая вести или встречаясь с людьми. Правящий царь стремится помешать ему⁹. Вот народный вариант биографии Сталина.

⁸ Журавлева В. Былина о Москве // На рубеже. 1940. № 5–6. С. 52.

⁹ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 30–31.

Ненавидел он да власти царской,
Ненавидел он ее опричников¹⁰.

(«Опричник» – термин из политического словаря вождя.) «Думушка крепкая» подвела его к решению «идти в превеликий бой, В превеликий бой за рабочий люд». «Опричники» поймали и наказали Сталина.

Последний эпизод М. Крюкова интерпретирует в духе рекрутских плачей Федосовой. Описывая возможную экзекуцию, плачая наказывает новобранцу: выдержать, выстоять. Архангельской сказительницей реализованы эти представления в картине испытания героя.

Опутали путами ременными,
Задергали в арканы железные,
Провели его через строй солдат,
Издевались над ним, изгалялись.
Да не дрогнул тут Иосиф-свет!
Он прошел походочкой смелою,
Черные кудри его не стяхнулись,
Очи ясные его не помутились,
Он смотрел вперед с улыбочкой¹¹.

Начиная с романа Э. Войнич «Овод», в романтических произведениях герой-революционер улыбкой встречает казнь и гибнет. Сказители наделяли Сталина чудесной силой, благодаря которой он выдерживает испытание и продолжает борьбу.

Далее Сталина ссылают в Заполярье, но холод ему нипочем: ведь где «он пройдет – там... Ключ пробьет, Трава расцветает, трава расцветает, травы растут».

Следующий этап жизни Сталина соответствует комплексу: возвращение «избавителя», узнавание его, воцарение в столице, пожалование сторонников, наказание изменников и расправа с царем и его придворными¹².

Возвращение Сталина ознаменовано подвигами в боях за Питерград, Царицын, есть и чудесное объяснение его побед: нашел

¹⁰ Туруев Т. Дело Сталина // Карелия. 1940. № 5. С. 3.

¹¹ Крюкова М. Слава Сталину будет вечная // К XX-летию ленинско-сталинского комсомола. Петрозаводск, 1938. С. 9.

¹² Чистов К.В. Указ. соч. С. 31–32.

золотые ключи, отомкнул темницы и добыл «талант-счастье». Моменты «узнавания» и «воцарения» в сказании о вожде поменялись местами. Стал Сталин «главным правителем», поселился в Москве, тогда и обозначились чудесные приметы его облика.

Облик Сталина ассоциируется с обликом Пугачева. К.В. Чистов пишет, что народный атаман в момент боевых неудач особенно поддерживал в сознании народа представление о себе как о ниспосланном свыше «избавителе», поэтому украсил «грудь андреевской лентой, на казацкой папахе – золотой крест, в руке его подозрительная труба»¹³. Сталинскому портрету предшествует описание солнца и звезд. Затем следует его изображение: «Его глаза-то как искриночки, На волосах сияют золотиночки», «Ходит он с трубочкой подозрительной, С улыбочкой со веселою»¹⁴. Ни разу не видевшие Сталина сказители рисуют его портрет, опираясь на эпический канон. Близко видевший его фотокорреспондент находит, что «Сталин был красив и царственен». Много позже, увидев его совсем близко, он не мог понять, как «этот маленький низкорослый человек с изъеденным оспой лицом мог производить такое впечатление? Что за странное искажение сознания, восприятия сработало на расстоянии – даже на небольшом?»¹⁵

Далее обычно следует список благодеяний. В былинах «Дело Сталина» Т. Туруева он таков:

Сделал он дела свои великие,
Построил он заводы и фабрики огромные,
На заводах тех машины с автоматами,
А у нас, в деревне, во колхозушках
Отошла на отдых крива сошенька.
Как на тех полях колхозных
Ходят трактора да черностальные,
Гуляют жнейки да с комбайнами,
Веселятся колхозники песнями.
Как твоей да великой мудростью
Моря с морями да соединяются¹⁶.

¹³ Чистов К. В. Указ. соч., С. 161.

¹⁴ Журавлева В. Указ. соч. С. 51.

¹⁵ Микоша Вл. Тяжкий труд прозрения // Огонек. 1988. № 41. С. 12.

¹⁶ Туруев Т. Дело Сталина. С. 3.

Соратников Сталина сказители описывают в связи с военными действиями и называют имена Ворошилова, Буденного, Чапаева, Тойво Антикайнена, реже Калинина и Кирова. В народной книге Сталин выступает в качестве дарителя и мудрого советчика. (Естественно, что «земной бог все видит, все слышит»). Не подарил бы чудесные предметы Папанину, тот бы не спасся. Ослушался его Чкалов, не внял мудрым наставлениям и погиб.

Что касается изменников, то «своей могучей рукой богатырскою Всех предателей он прочь отталкивал – Всех троцкистов да зиновьевцев»¹⁷. Безусловно, были наказаны царь и все угнетатели трудового народа.

Убеждение в существовании врагов характерно для утопического сознания. Оно предполагает, что «к лучшему жребию призываются лишь немногие. ... Этот принцип... приводит к духу... сектантства, образует особый сектантский режим сурового единомыслия, нетерпимость внутри и нетерпимость вовне...»¹⁸. Обещанный земной рай давал сбои, которые проще всего было объяснить наличием внутренних врагов. Склонный к утопическому мышлению народ слабо сопротивлялся репрессиям. Так наивный утопизм сомкнулся с кровавой утопией Сталина.

Образы Москвы и Сталина – вершинные в книге о «стране счастливых и честных людей», но не единственные. Был создан новый мемориал. В этой роли использовались плачи. Как известно, севернорусские и карельские плачи воспроизводят древнейшие мотивы, являются у ряда воплениц, например, у И.А. Федосовой, большими по объему, что дало повод причислить их к жанру плача-поэмы. В них оплакивались близкие и ставились важнейшие вопросы бытия. В советское время вопленицы включили в мир своих переживаний судьбы вождей и великих людей. Оплакивая Ленина и Кирова, Чкалова и Горького, они оценивали их деяния, проклинали врагов и верили в победу всех социалистических начинаний.

В произведениях о строителях новой жизни покорителю Арктики Папанину повезло больше других. Его подвиг был необы-

¹⁷ Туруев Т. Сталин на защите града Питера // Карелия. 1940. № 5. С. 7.

¹⁸ Новгородцев П. Внутренние противоречия утопий земного рая // Бюллетени литературы и жизни. 1918. Кн. 11–12. С. 22.

чен, к тому же сопряжен со смертельной опасностью, и в то же время эксперимент проходил в близких северянину условиях лютой зимы. У М. Коргуева помогает папанинцам Сталин: дарит им чудесные предметы. У М. Самылина выручает папанинцев мужество и труд.

Раскололись льды да трехсаженные,
И остались они на ледяном острове.
Но не дрогнуло их сердце богатырское.
Продолжают работать по-стахановски¹⁹.

«Богатырь» и «стахановец» в словаре сказителя становятся синонимами.

Особенно щедро воспевают сказители новую женщину. «Ты не баба теперь, а стала женщина. Равноправная, с мужчинами равная». Ей и ее детям под силу любое новое дело, любая новая профессия. Им открыты все пути-дороги. Этот мотив звучит во многих произведениях.

Ходили мы в Кемь порогами,
По тропам заросшим, глухим,
Теперь же мощеными дорогами
В автобусе с песнями мчим,
Несется навстречу нам ветер.
Пароход рассекает волну,
Что же может быть лучше на свете!²⁰

Отметим контекстуально-синонимические пары: пороги/тропы глухие; автобус/пароход. Неважно идет ли, едет ли советский человек – важно передать идею движения. Идет, свободно преодолевает трудный путь каждый.

В этом контексте возникает имя другого вождя, воспевается светлый путь, проложенный В.И. Лениным. Романтический герой ведет народ в светлую жизнь, освещая трудный путь факелом или сердцем. В былине М. Рябинина «приезд Ленина в Петроград», наоборот: дорогу освещает Ленину народ. Подъезжает он к городу:

¹⁹ Самылин М. Из былины о папанинцах // Карелия. 1938. № 4. С. 35.

²⁰ Хотеева М. Песня радости // Там же. 1940. № 5. С. 22.

Тут множество огней да загорелось –
Осветили факела пути-дороженьки²¹.
Начал Ленин свою речь, и
С четырех сторон прожекторы осветились,
Чтобы Ленина все люди призаметили...²²

Куда приведет этот путь, народ еще не знал...

«История и отдельных народов, и человечества не подчинена закону непрерывного морального совершенствования. Завоевания в одних областях не предполагают завоеваний во всех прочих. Поэтому наряду с нравственными достижениями возможны и нравственные утраты»²³.

Творчество сказителей – зеркало, отражающее картину достижений и не видящее мучительных потерь. Народное сознание стремилось во что бы то ни стало восстановить разрушенное революцией и Гражданской войной восприятие целостности мира. Создавая свои «новины», крестьяне включали новое время в эпический диалог с прошлым, и это поддерживало их веру, их мессианский оптимизм. Они показали готовность крестьян служить великой идее и историческую неподготовленность критического осмысления извращений этой идеи. Они воздвигали монумент Сталину и заложили памятник своему тяжелому труду во имя светлого будущего. Так сомкнулись светлая вера и вина-беда.

2.

В 1827 году А.С.Пушкин писал: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении в успехах»²⁴. Альманахи, как правило, характеризуют складывающуюся литературу. В.Г. Белинский считал, что в русской литературе «альманашный период» господствовал «слишком десять лет»²⁵.

²¹ *Рябинин М.* Приезд Ленина в Петроград // Карелия. 1939. № 2. С. 19.

²² Там же. С. 20.

²³ *Ветловская В.Е.* Пушкин. Проблемы истории и формирования русского реализма // Русская литература. 1988. № 1. С. 6.

²⁴ *Пушкин А.С.* (Об альманахе «Северная лира») // Северная лира за 1827 год. М., 1984. С. 233.

²⁵ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. IV. С. 120.

Практически столько же просуществовал «альманачный период» русской литературы²⁶. Русская секция Карельской ассоциации пролетарских писателей, едва появившись на свет в 1929 году, заявила о себе выходом в свет альманаха «К десятилетию Карелии». С него и начался отсчет.

1	1930	К десятилетию Карелии. Литературно-художественный сборник русской секции КАППа
2	1931	Ударник слова. № 1. Журнал-сборник. Орган КАППа (русская секция)
	1932	Ударник слова. № 1–2, 3–4
3	1931	Вечер лесоруба. Сборник художественных материалов для самодеятельности
	1933	Вечер лесоруба
4	1932	Зеленый фронт. Vihreä rintama. Альманах КАППа и ленинградской бригады писателей
5	1934	Начало. № 1, 2
	1935	Начало. № 3, 4
6	1935	Наступление. Литературный сборник карельских и ленинградских писателей к XV-летию Советской Карелии
7	1936	Виртанен Я. 30-летие литературной деятельности
8	1938	К XX-летию ленинско-сталинского комсомола
9	1938	Памяти А.М. Горького. Союз советских писателей Карельской АССР
10	1937	Карелия. № 1–3. Литературно-художественный альманах Союза советских писателей Карелии
	1938	Карелия. № 1–4
	1939	Карелия. № 1–4
	1940	Карелия. № 5–6
11	1940	На рубеже. № 1, № 2–3, № 4, № 5–6. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза советских писателей Карело-Финской ССР
	1941	На рубеже. № 1–2, № 3, 4

Всего 11 названий, 35 книг (сдвоенные номера считаем за одну книгу). Все издания, за исключением альманаха «Зеленый фронт» (ЛенГИХЛ), изданы в Петрозаводске.

²⁶ Маркова Е.И. Совсем молодое солнце // Север. 1987. № 12. С. 97–104.

Только однажды оговорено, что названный сборник является органом русской секции, но в республике, где выходили журналы на финском (одно время и на карельском) языке, указанные издания были прежде всего фактом русской литературы. В самом продуктивном из альманахов, в «Карелии», печатались по преимуществу русские писатели Карелии, с 1938 года в состав редколлегии входили только пишущие по-русски.

Поскольку до войны вышло всего 7 книг журнала «На рубеже», то, несмотря на то что «журнальный период» начался, не будем его ни вычленять в особый этап, ни исключать из «альманачного периода». По объему и структуре журнал «На рубеже» еще соответствует своему прообразу – альманаху «Карелия».

Обязанные своему рождению РАППу создатели альманахов должны были тут же перестроиться. 1932 год ликвидировал все группировки. В 1934 году отметил свое рождение Союз писателей СССР. Принадлежность к РАППу, твердо отстаивающей принцип партийности литературы, способствовала формированию у писателей Карелии четких идеологических установок: они должны служить своему государству, поэтому для них значима не рефлексия и критика, а пафос *утверждения*. Каждый гражданин понимает, что живет «в эпоху между двух войн». Что неминуемо пойдет воевать. Терновый путь предстоит ему. Впереди – смерть. И умирать он должен за лучшее в мире государство, за свою не свершившуюся, но высокую судьбу.

Поняв это, пойдем идеологию литературы тех лет. Сколько солнечных красок, улыбок, рапортов о победном шествии труда, гордость за все – большие и малые – достижения социализма. И большая русская литература и в унисон ей ее областные певцы создали образ *Страны*. «Что такое счастье – это каждый понимает по-своему. Но все вместе знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Если говорить о русской литературе всей страны, то, разумеется, далеко не все верили, что счастье уже состоялось, а само представление о счастье не означает отсутствия конфликтов и страданий, но литераторы Карелии могут подписаться под каждым словом Аркадия Гайдара: они думали именно так.

Русскую поэзию Карелии тогда представляли Николай Грибачев, Александр Иванов, Иван Кутасов, Юлия Никонова. В декабре 1940 года на I съезде писателей Карелии список был дополнен именем Виктора Гудкова. На страницах газет и альманахов также встречались стихи Л. Альшиц, Л. Альшица, Р. Грояна, Ст. Колоденка, Л. Поповой, И. Петровского, М. Сысойкова и др.

Русская секция имела в своем активе три сборника стихов и изданную отдельной книгой поэму И. Кутасова «Две жизни». В 1943 году лучшие стихи поэта вошли в сборник «Запевы».

Только для А. Иванова Карелия была местом рождения, но для всех стала родиной *поэтического* рождения. Здесь поэты обрели свой голос, стали членами Союза писателей СССР, выпустили первые книги (за исключением В. Гудкова, первый сборник стихов которого был издан в Мурманске в 1922 году).

Трудовые биографии литераторов были типичны для своего поколения. Иван Кутасов (1910–1941) родился в Смоленской области. Затем семья переезжает в Карелию в Рабочеостровск. В анкете поэта значится: учеба – работа в леспромхозе – журналистика. Уроженец Олонца Александр Иванов (1909–1976) укладывается почти в ту же схему. Родился в Олонце, учился, работал киномехаником, электромонтером. Осознав свое дарование, стал журналистом. Юлия Никонова (1902–1979) родилась в Петербурге. Завершив свое образование, преподавала в Пскове, служила счетным работником. Переезд в Карелию совпал с переменой интересов: стала литсотрудником редакций газет Пудожского и Заонежского районов.

Несколько отлична биография Виктора Гудкова (1899–1942). Родился в Воронеже. Работал в Мурманске в Губполитпросвете. Там же начал писать и издаваться. В Карелии известен как поэт и композитор, исследователь и переводчик. Гудков собирал и переводил карельский песенный фольклор, усовершенствовал народный музыкальный инструмент – кантеле, организовал государственный ансамбль песни и танца «Кантеле».

Николай Грибачев (1910–1992) прожил в Карелии чуть более 4-х лет, но он настолько активно вошел в литературную жизнь республики, что при анализе литературной ситуации тех лет невозможно опустить творчество будущего лауреата Ленинской и

двух государственных премий. Вот краткий перечень сделанного им: будучи сотрудником газеты «Красная Карелия», он организовал и редактировал газетные полосы, писал газетные статьи, стихи, поэмы, рассказы, очерки, фельетоны, лозунги в стихах, статьи о творчестве местных поэтов. Он – участник Всекарельского совещания писателей, его делегировала Карелия на Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Покинув республику, он продолжал по-прежнему разрабатывать карельскую тематику, публиковать свои произведения в альманахе «Карелия» и журнале «На рубеже».

Воспевая «республику мою», поэты будто чувствуют себя творцами одной песни: вновь и вновь поют славу своей юной и великой стране, не стесняясь, повторяют одни и те же слова, дублируют одни и те же образы, разрабатывают один и тот же интонационный рисунок.

Повторы объясняются не только молодостью, неопытностью и скромностью дарования (исключение – Н. Грибачев) поэтов. Требовалось разработать новую символику, новую эмблематику, чтобы закрепить в слове, образе боевые и трудовые победы. Если в 1920-е годы еще работала библейская символика, то в 1930-е она была невозможна. Неизбежно повторяясь и наслаждаясь повторением (ибо то, что тривиально для нас, для них было абсолютно новым), они вписывали в общую песню кто слово, кто строчку, кто строфу, таким образом, они способствовали формированию новой массовой психологии, нового массового сознания.

В 1930-е годы в стране расцвел жанр массовой песни. В хоре голосов слышим «Песню о счастье» А. Иванова, его «Победную», «Нашу песню» Ю. Никоновой и др., в который, но будто всегда в *первый* раз звучит: «В мире нет моей родины краше...»²⁷.

Ощущение всеобщего движения распространяется и на песню. Ее поет не хор на сцене, а народ, *идуций* по площади, дорогам, тропам, *работающий* на заводе, в поле и лесу. Отсюда требование: *Ты лети* (разрядка в текстах здесь и далее моя. – Е.М.), наша песня далеко, ... *ты звени*, наша песня, сильней. ... По стране молодой и

²⁷ Никонова Ю. Наша песня // Карелия. 1937. № 3. С. 155.

широкой, По стране необъятной моей²⁸. В стихах отражено характерное для того времени чувство принадлежности: республика, страна – *моя*, но песня – *наша*.

Тот же образ цветущей страны разрабатывается в патриотической лирике, где типичен прием поэтического обозрения. С «высокой точки» рисует И. Кутасов картину *трудовой* страны.

Я вижу, проходит трактор
Зеленой равниной Олонца.
Я вижу – несут рыболовы
Ажурные невода...

И здесь характерны глаголы движения: «проходит», «несут», «ищет», «находит», «взрывает» и т.д. Это и картина движущегося пространства, и картина движущегося времени. Типична оппозиция вчера/сегодня.

И там, где паслись олени,
Глотают пространство скорые,
Грохочущие железом
Стремительные поезда²⁹.

Вчера – олени, сегодня – поезда, тысячу лет «сельга седая» хранила клад, сегодня его находит «очкастый геолог». Поэт призывает каждого обозреть просторы трудовой отчизны: «Смотри: вот сияют огни Нивастрога»³⁰.

Наряду с обобщенным образом родины – «От широт Черноморского края До суровых папанинских льдин» – в поэзии присутствует образ своего края. Юлия Никонова назвала первый сборник «Север»: так она обозначала свою область на карте. Н. Грибачев заключил стихи в твердые границы «Карьялы».

Творчество русских поэтов Карелии вписывается в контекст романтической поэзии, рассматриваемой многими исследователями в качестве течения в системе социалистического реализма. В «Истории русской советской поэзии» указана специфика данного течения, проанализированы произведения этого

²⁸ Иванов А. Песня о счастье // Стихи. Петрозаводск, 1939. С. 5.

²⁹ Кутасов И. Молодая республика // Карелия. 1938. № 3. С. 167–168.

³⁰ Он же. Карьяла // Там же. 1937. № 3. С. 161.

типа³¹. Наиболее характерными представителями романтического течения были Н. Тихонов, М. Светлов, Э. Багрицкий.

У карельских поэтов особенно ошутима переключка с Эдуардом Багрицким. В 1928 году вышел первый сборник поэта «Юго-Запад», принесший ему всесоюзную славу. Думается, что само название книги Н. Грибачева «Северо-Запад» свидетельствует о стремлении поэта включиться в романтический диалог.

Романтически мыслящим художникам свойственна склонность к экзотике. Э. Багрицкий открывает книгу мрачным образом европейского средневековья: для выросших в иных краях поэтов Карелия стала как конкретно, реально существующим краем, так и экзотической страной. Н. Грибачев открывает сборник циклом «Сумерки», рисуя прошлое Карелии. Для него характерна негативная оценка истории. Е.П. Любарева верно характеризует романтиков, «признававших как в современности, так и в прошлом только близких друзей или кровных врагов: никаких середин»³². Постоянно подчеркивается, что Карелия – глухая сторона, обозначаются характерные черты национального ландшафта: лес, вода и камень. Образ героя-сказителя поэт передает через его слово, поэтому берет в союзники монологи из карельских сказаний и рун. Сами же ситуации относятся как к Карелии, так и к любой другой области. Голод, холод, бесправие. Таким образом, хотя местный колорит налицо, но неповторимо индивидуальный, исторически сложный образ Карелии и ее народа не создан. Вот, например, образ карельского рунопевца:

В твоих глазах качаются леса,
Блестит вода и светится роса,
И зверь бежит³³.

Если обратимся к программному стихотворению И. Кутасова «Карьяла» (заметим: имя республики звучит на карельском языке), то опять увидим обобщенный карельский ландшафт: лес, воду и камни.

³¹ История русской советской поэзии. Л., 1983. Т. 1. С. 247.

³² Любарева Е.П. Советская романтическая поэзия. М., 1973. С. 201.

³³ Грибачев Н. Разговор с певцом // Северо-Запад. Петрозаводск, 1935. С. 5. Далее цитирую по этому изданию, указывая литеру «Г» и № страницы в тексте в скобках.

Угрюмо вздымались
 скалистые горы,
Поросшие мхом
 столетним, седым.

.....

И к морю студеному
 реки катились, —
И в глыбах гранитных
 шумел водопад.
Стояли леса
 на дремучем просторе,
Под взором суровых,
 безмолвных веков.

Эпитеты «суровый, угрюмый, дремучий» характеризуют край как страну вековечного мрака. Счет идет на века, столетия (причем безмолвные), что означает отсутствие всякого движения, развития. (Воистину «край непуганых птиц»!) Соответствен и образ карела:

Здесь подсеки жег
 Горемычный карел,
И в лесу он бродил
 Со столетней пищалью,
И тощего рябчика
 Брал на прицел.
О Сампо мечтая,
 он руны печально
Над топью болотной,
 над озером пел³⁴.

Романтики XIX века изображали процесс отчуждения героя. Советские романтики, обращаясь к прошлому, указывают: мир тотально враждебен человеку, поэтому закономерен процесс отчуждения героя (отсюда плохо все: даже рябчики тощие).

Создавая образы реальных исторических деятелей, романтики делили их на «своих» и «чужих». В числе последних Петр I (см., например, стихи Э. Багрицкого, С. Кирсанова). Н. Грибачев изображает памятник царя. Петр с пьедестала взирает на сотворенный Петрозаводск:

³⁴ Кутасов И. Карьяла. 1937. С. 158–160.

Их величеству грустно...
Он, дьявольский город,
Глух и скучен, как все прочие города,
Он рожден *мертвецом*.

В «свой» мир поэты включают рунопевцев, сказителей, народных умельцев («Разговор с певцом», «Вяйнямейнен» Н. Грибачева; «Вышивка Заонежья» Ю. Никоновой), а также бунтарей («Кудекуш» И. Кутасова) и людей, живущих по законам сердца.

По законам сердца живет героиня стихотворения В. Гудкова «Выбор», написанного по мотивам карельского фольклора. В основе мировой сюжет сватовства. Разрабатывая его в 1867 году, А. Некрасов останавливается на вариантах с трагическим концом: героиню его в стихотворении, которое, кстати, называется «Выбор», сватают Водяной, Мороз, Леший и сулят ей одно – легкую смерть.

Девушку-карелку сватают воин, хозяин и купец и соответственно предлагают медь, серебро и золото. Девушка отдает сердце крестьянину, у которого «зрелым хлебом все поля... полны!»³⁵. Венчает произведение финал-апофеоз, утверждающий: прекрасно все: девушка и парень, прекрасно море.

Да, человек прошлого стремился жить в гармонии с миром, что ему, судя по лирике Карелии, удавалось крайне редко, зато советский человек ее ощущает сполна:

Так бейся, сердце, иступленно!
Звени про радость бытия!³⁶

Говоря о литературе тех лет, нельзя не сказать о ее пафосе. Если идея представляет «диалектическое единство различных мыслей, мотивов, значений, движущихся, развивающихся, взаимодействующих в соответственном художественном мире», то пафос – «одушевляющий это движение принцип», придающий идее «определенный эмоциональный настрой»³⁷. Для литературы

³⁵ Гудков В. Выбор // Карелия. 1938. № 3. С. 97. Стихотворение было особо отмечено на I съезде писателей Карелии. См.: Колосенок С.В. Состояние литературы в Карело-Финской ССР // На рубеже. 1941. № 1–2. С. 19.

³⁶ Никонова Ю. Песня о сенокосе // Север. Петрозаводск, 1938. С. 45.

³⁷ Григорян В.С. Пафос как эстетическая категория // Эстетика и жизнь. М., 1979. С. 132–133.

1930-х годов характерен «пафос действенной и сбывающейся мечты...»³⁸, вера в светлое завтра социализма была настолько велика, что сложные моменты на пути к намеченной цели либо опускались, либо героизировались.

Процесс труда описывается крайне редко: в тексте превалирует функция выражения, а не функция изображения: передается радость свободного труда. В стихотворении «На субботнике» Н. Грибачев не изображает реалии трудового дня, а передает пафос всеобщего трудового подъема. Все – песня, солнце, огни города – работает на создание картины счастливого труда. Даже образ скорбящей серой церкви не ослабляет впечатления, а, наоборот, подчеркивает мысль: народ побеждает свое прошлое, «весело расставаясь с ним».

Даже солнце – верьте иль не верьте –
В этот день хотело песни петь (71).

У И. Кутасова в субботник включается даже матрос с зарубежного судна:

Натягивался сильнее струны
От досок тяжелый трос.
Так для нашей Советской страны
Работал не наш матрос.

Поэт убежден: «Скоро на наш СССР заработает весь пролетариат»³⁹.

Поэтизируются орудия труда. Описывая прошлое, И. Кутасов отмечал «прогнившие сети», у современников он видит «ажурные невода», «кружевные невода». Почти не описывая животных (пожалуй, единственное исключение «Конь» П. Матвеева), поэты воспевают нового помощника человека – машину. Недаром исследователь К.В. Чистов пронизательно отметил: «Механизмы живут в этих стихах самостоятельной бурной и поэтической (курсив мой. – Е.М.) жизнью:

Бревно за бревном *поднимал* элеватор,
Три смены работая, *не уставал*.

³⁸ Лопуха А.О. Романтический пафос творчества А.С. Грина // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1981. С. 8.

³⁹ Кутасов И. Погрузка окончена // Ударник слова. 1932. № 3–4. С. 10.

Или:

*Врезались пилы в бревно...
Стучали дробилки...⁴⁰*

Созданное человеком настолько мощно, что природа не в силах соперничать с ним.

Смотри:
вот сияют огни Нивастроля,
Полярная меркнет
в их свете звезда⁴¹.

Гражданская направленность лирики диктовала соответствующий образ лирического героя и героя-персонажа. Несмотря на то что в стихах речь идет о людях самых различных профессий, все они выполняют одну функцию: воспевают свой труд, свою родину.

Хотя в большой литературе в 1930-е годы «я» и «мы» не отождествлялись (исключение – жанр песни), в карельской поэзии «я» и «мы» по-прежнему совпадали: «Как *все мы*, я молод и весел...»⁴². В этом смысле, несмотря на новую тематику, поэзия Карелии совпадала с литературой предшествующего этапа, где образ «мы» постепенно осваивается лирикой.

В республике лесов и озер много стихов о лесозаготовителях и рыбаках, но верно отметил в 1934 году критик Н. Кучепатов, что почти полностью отсутствуют стихи на колхозные темы⁴³.

Эпоха невиданных темпов стимулировала любовь к покорителям пространства (летчикам, шоферам, машинистам), но в рассказе о людях как будничных, так и романтических профессий есть существенный недостаток: подобное описание действия машин не оставляет места для описания внутреннего мира человека.

⁴⁰ *Чистов К.В.* Творчество Ивана Григорьевича Кутасова (1910–1941) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 87.

⁴¹ *Кутасов И.* Карьяла. С. 161.

⁴² *Он же.* Молодая республика. С. 168.

⁴³ *Кучепатов Н.* За 30 лет, 1904–1934 гг. (Вместо исторического очерка) // Начало. 1934. № 1. С. 54.

Героическая направленность поэзии требовала ярких имен и подвигов. Наибольшее количество поэтических откликов выпало на долю папанинцев. Стихотворение И. Кутасова «Покорителям полюса» предваряют следующие строки: «Настоящее приветствие гг. Папанину, Кренкелю, Федорову и Ширшову принято на собрании Союза писателей Карелии 21 февраля 1938 года».

Стихи, однако, дают итог (явно преувеличенный) труда, а не процесса борьбы.

Маршрутом вождя вы на полюс летели,
И полюс изучен, обжит, покорен...⁴⁴

Идеалом борца современники считают С.М. Кирова (см., например, «Памяти Кирова» И. Кутасова). Много стихов и песен было посвящено Сталину, но, верно отмечала критика 1930-х годов, что в основном напечатанное представляет звонкую декларацию, пустую фразу⁴⁵. (Речь в обоих случаях шла о Никоновой, но стихи других были не лучше.)

Программной темой, отражающей эстетическое кредо поэта, является тема поэта и поэзии. Эта тема не поднималась русскими поэтами специально, но о долге художника шла речь в стихах, написанных к юбилеям (А. Пушкина, Т. Шевченко) и памятным датам (М. Горького), где констатировалось главное – гражданский долг писателя.

Образ творца ассоциируется у поэтов не только с именами классиков, но и с образами сказителей. Герой «Калевалы» Вяйнямейнен воспринимается прежде всего как поэт. Это было отличительной чертой русских поэтов Карелии, и, кстати, стихи о народных певцах им удавались лучше. Обращаясь к Вейнемейнену (так писалось имя в 1930–1950 гг. – *Е.М.*), Грибачев настойчиво просит:

Учи меня, чтобы строка
Взвивалась блещущим оружием
И насмерть ранила врага (18).

⁴⁴ Кутасов И. Покорителям полюса // Карелия. 1938. № 1. С. 69.

⁴⁵ Сорокин Г. О книге стихов Ю. Никоновой «Север» // Там же. 1939. № 1. С. 144; Колосенок С.В. Указ. соч. С. 27.

Зная, что образ эпического певца был использован националистами в дни финляндской авантюры, поэт выступает против тех, кто «не прочь использовать в бою ... и бороду твою» (18).

Немало стихов написано о кантелистах. Схема всегда одна. Если речь о прошлом, то они поют о тяжелой доле и призывают к борьбе, если о настоящем, то они воспевают сбывшиеся мечты народа.

Интересно стихотворение И. Кутасова «Сказка», героем которого является талантливый сказитель М.М. Коргуев. Здесь нет типичной для Кутасова обобщенной картины карельской природы и жизни. Он пишет о конкретном быте поморов, не существующем без тяжелого труда рыбаков и сказки на сон грядущий. Также конкретен образ самого Коргуева, поэт стремится раскрыть его творческую индивидуальность. В сказках он находит «поэтическое выражение мечты народа о свободной и радостной жизни», ее смысл и гармонирует с общим лирическим строем стихотворения, особенно с заключительной строфой, как бы зовущей в морскую даль.

И пошли мы в море, –
Путь нелегок и далек...⁴⁶

К.В. Чистов писал: «Стремление усвоить художественное наследство русского и карельского народов приводит Кутасова к отождествлению личности поэта и сказителя. Чем далее развивается его поэзия, тем чаще он предстает в роли сказителя. Особенно характерно его стихотворение „Запев“.

В стихотворении не „я“ сказителя, а „мы“, это не „спокойное повествование, а торжественная оратория, прославляющая радость победы»⁴⁷. В финале – гимн солнцу из «Калевалы», пропетый Вейнемейненом. Если «в устах древнего песнопевца гимн был песней-заклинанием, страстным выражением мечты, то у Кутасова гимн солнцу уверенно и торжественно восхваляет победу, одержанную народом»⁴⁸.

⁴⁶ Чистов К.В. Указ. соч. С. 95.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

– Здравствуй, солнце!
Ты, сияя,
Будешь нам светить на радость
нескончаемые годы,
Согревать леса, озера
и поля родного края,
Освещать дела и песни
возрожденного народа⁴⁹.

Собственно пейзажная лирика крайне редка, поэтому естествен вопрос и характерен ответ на него: приехавшая из Канады финка Мэри, увидев прекрасное озеро, восклицает: «Где же ваши карельские поэты? Почему они не воспевают такую прелесть?». На что комсомолец Павел отвечает: «Наши поэты воспевают не природу, а труд человека»⁵⁰. Природа является частью индустриального пейзажа. (Например, «Утро в порту» К. Растегаева, «Утро в лесу» К. Поваляева.). Образ солнца все же есть, но он тоже несет идеологическую функцию: независимо от географических широт, счастливая страна залита солнцем, светом. В образе солнца материализована идея торжества социализма, в нем заключен пафос произведения, поэтому естественно, что «солнце совсем молодое», что оно «хотело петь».

Как уже отмечалось, герой поэзии 1930-х годов прежде всего социально активная личность. Его интимная жизнь редко становится предметом поэтического анализа. Причем наблюдается следующее явление: политическое «я» героя приобретает интимную лирическую окраску, интимное «я» социализируется.

Сравним:

Я бережно, пожалуй, нежно
Взял избирательный бюллетень⁵¹.
... понесу я свои бюллетени
Как свежие ветки цветущей сирени,
К большим избирательным урнам⁵².

⁴⁹ *Кутасов И.* Запевы. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР. 1943. С. 9.

⁵⁰ *Нивин В.* Зеленый фронт // Зеленый фронт. Альманах. Л., 1932. С. 38.

⁵¹ *Кутасов И.* В избирательном участке // Карелия. 1938. № 1. С. 74.

⁵² *Черкашин А.* Мой голос // Там же. № 2. С. 13.

За десятилетие создано всего два цикла стихов о любви: «Стихи о любви» Н. Грибачева и цикл «Любовь и разлука» по мотивам финских народных песен В. Гудкова.

Если избирательного бюллетеня герой нежно касается рукой, то девушке он, «как другу боевому», руку подает. Если девушка, не выдержав, проявляет инициативу сама: «Положила девка руку Председателю на грудь»⁵³, то для смущенного героя это означает одно: прервана его речь о плане уборки урожая. Ни минуты не колеблясь, герой отвергает любовь девушки, если ее семья не соответствует нужному социальному статусу (родители девушки не вступили в колхоз, ее роман с парнем-колхозником невозможен).

О любви и разлуке пишет не один Гудков, поэтому встречались не раз стихотворения «письма». Также типичны ситуации: девушку с влюбленным разлучает война, юноша служит в армии («Молодая» А. Иванова, «Девушке» М. Копытова и др.), в море уходит рыбак (например, «Поморская песня» И. Кутасова). Верные своему «наивному аскетизму» поэты не столько описывают чувства возлюбленной (грусть, тоску), сколько боевые или трудовые действия героя.

Опираясь на народную традицию, поэты были избирательны, поэтому смертная тоска от любви, образ мифической страны смерти у В. Гудкова:

Не хочу я иного друга,
Не расстанусь вовек с тоской,
Смерть моею будет подругой,
Даст мне Туонела покой...⁵⁴

были восприняты как предмет для пародии.

Как правило, поэзия воспевает положительного героя, выражает негодование в адрес его врагов. Поскольку республика находится на границе, то, естественно, из альманаха в альманах кочуют стихи о поимке шпионов. В одном из стихотворений А. Иванова есть характерные строки:

⁵³ Грибачев Н. Стихи о любви // Начало. 1935. № 3. С. 23–24.

⁵⁴ Гудков В. Любовь и разлука // На рубеже. 1940. № 5–6. С. 18.

Миновали черту границы
Диверсант, террорист и шпион.
А навстречу им беловолосый
Шел «буренку» искать мальчуган⁵⁵.

Ситуация поимки шпиона остроумно обыграна И. Кутасовым в стихотворении «Удачная охота» благодаря опять-таки избирательному использованию мотивов карельского сказа. Как известно, в фольклоре бывший враг превращается в «смешное страшилище» (М.М. Бахтин). Вот и здесь пойманный шпион наказан дважды: он будет отдан в руки правосудия и унижен чисто по-мужски: охотник отрезал на его брюках пояс и пуговицы. Комическое переплетается с серьезным наставлением о бдительности. Функцию наставления выполняет эпиграф из «Калевалы»:

Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость,
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края...
Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов бы не похитил,
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц⁵⁶.

Так, «Калевала» под его пером послужила не только охране социалистического отечества, но и невольно «сработала» на идею сталинского «железного занавеса».

Солидарен с русским поэтом и финн Ялмари Виртанен. Цветовая гамма его стихотворения, казалось, совпадает со знаменитым описанием Федора Глинки, приведенным нами ранее:

В Кареле рано, над лесами,
Сребро и бисеры блестят
И с *желтым золотом*, полосами
Оттенки *алые горят*... (курсив здесь и далее мой. – Е.М.)

⁵⁵ Иванов А. Законы границы. К XX-летию ленинско-сталинского комсомола. Петрозаводск, 1938. С. 31.

⁵⁶ Кутасов И. Удачная охота // Карелия. 1939. № 1. С. 101. Теми же строками из «Калевалы» заканчивает пьесу «Застава у Черного ручья» С. Норин // Там же. 1940. № 6. С. 55.

Только у него цвета вспыхнувшего на границе с Финляндией северного сияния (по-фински «северное сияние» означает «костры лисиц». – Е.М.) олицетворяют борьбу миров:

В небе бездонном *цветною* вьюгой
Пылают «костры лисиц».
Словно хозяйка Похьелы *уголь*
Вынесла в снег гасить.
... ..
Костер не греет,
Далеко отсюда покой⁵⁷.

Естественная поэтизация героев. Например, герою Гражданской войны Тойво Антикайнену Н. Грибачев посвящает «Балладу о героях». Как известно, в советской поэзии баллада из жанра любовной лирики преобразилась в жанр героический.

В I части баллады Грибачева дан образ Карьялы, оккупированной белофиннами. Чтобы подчеркнуть, насколько опасен этот путь для республики, автор прибегает к аллогизмам: динамичные образы (падуна, озера, ветра) в произведении статичны, а статичные (ели, кресты) динамичны:

Тропинки под небом, дороги пусты,
Раскинув подгнившие руки, кресты
Бредут с перекрестков незнамо куда
Сквозь шелест кустов и сверканье льда (Г, 78).

В списке жертв, загубленных бандитами, не только красноармейцы, но и герои «Калевалы»: Вейнемейнен, Илмаринен, Куллерво. Вторая часть – клятва бойцов и яростная битва. Венчает балладу финал-апофеоз: бойцы сражались за то, «чтоб ярче горело у гор и морей Прекрасное солнце Карьялы моей» (Г, 84).

В роли защитников отечества в стихах предстают и современники поэтов – танкисты, бойцы-пограничники (особенно много таких стихов у А. Иванова). Каждый из героев готов к войне, каждый клянется: «...мы никогда не уступим Ни пяди счастливой земли»⁵⁸.

⁵⁷ *Виртанен Я.* На границе // Карелия. 1937. № 2. С. 37.

⁵⁸ *Никонова Ю.* Песня о комсомоле // Там же. 1940. № 3. С. 14.

В 1930-е годы в поэзии наметилась тенденция к эпизации. Как ни мал был опыт у русских поэтов Карелии, тем не менее они пробовали силы в жанре поэмы. По одной поэме написали Кутасов, Иванов, Никонова, две – Грибачев. Покинув Карелию, он продолжал работать над местным материалом, и в 1940 году альманах «Карелия» опубликовал его третью поэму «Видлица».

Как и в лирике, так и в эпосе мир антитетичен: мрачное прошлое / завоеванное в боях прекрасное настоящее; преступление / подвиг; горе / праздник; враг / герой. У Кутасова это даже закреплено в названии – «Две жизни».

Поэты стремятся к предельно обобщенному изображению событий и лиц: вместо имени – родовое название (мать, карел и т.д.), не обозначены подчас конкретные поселки и города, отсутствуют даты (последнее особенно характерно для поэмы Кутасова).

В поэмах Грибачева «Собор» (1934) и Кутасова «Две жизни» (1938–1939) большое значение имеют пространственные образы. Если Грибачев предельно сузил пространственную площадку до размеров собора, то Кутасов максимально ее расширил: его герой идет в поисках правды через всю Карелию.

Тема «найденной правды», осуществленных «чаяний и ожиданий» народных была одной из важнейших тем народного творчества (только в 1930-е годы были созданы: «Как рабочий и мужик правду искали» Ф. Господарева, «Самое дорогое» Ф. Коначкова, «По твоим заветам» А. Пашковой и др.)⁵⁹.

Карел, в отличие от некрасовских крестьян, не ищет счастливой Руси, а желает услышать ответ на вопрос: «Как от жизни от постылой Мне избавиться навеки...?»⁶⁰. Здесь зафиксирован сдвиг в крестьянской психологии: от созерцания – к действию. Причем карел мечтает добыть свободу и равенство не для себя одного, а для всего народа.

В поэме Н. Грибачева «Конец рода» (1934) показано, насколько непроста эта задача. «Силы прошлого исторически обречены, но кулацкий род Тайпо, о котором рассказывается в поэме, не думает

⁵⁹ Очерки литературы Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1954. С. 88.

⁶⁰ Кутасов И. Две жизни // Карелия в художественной литературе. Петрозаводск, 1940. С. 119.

сдаваться без боя...»⁶¹. Выбор пути, как показывают поэты, решает не только твою личную судьбу, но и судьбу рода. Выбрал Тайпо тех, кто за прошлое, ушел из жизни сам, ушли из жизни его пятеро сыновей.

Иной выбор сделала героиня А. Иванова. В отличие от поэтов, не связанных с Карелией кровным родством, Иванов был исконным олончанином, но именно в его стихах менее всего был обозначен местный колорит и сам сборник поэта носил предельно нейтральное название – «Стихи». В поэме «Мать» (1937) он чуть ли не впервые пишет о родном Олонце, о его борьбе за советскую власть.

Несмотря на пытки, смертельные угрозы, а затем и смерть, героиня Иванова не выдала сына-большевика. Погибла сама, но спасла свой род. Заслужила вечную память как «Дочь народа, мать большевика»⁶².

Если в поэмах «Конец рода» и «Мать» дан «семейный» вариант борьбы, то в поэме Н. Грибачева «Видлица» (1940) подробно описана исторически важная для Карелии операция – бой с белофиннами в Видлице.

Разрабатывая героический сюжет, наряду с основной оппозиционной парой герой/враг в произведении присутствуют персонажи, готовые к подвигу, но либо не сумевшие свершить его, либо пришедшие к нему через путь ошибок.

Так, у Иванова, помимо главной героини, есть еще и Улита, претерпевшая страшные муки, но ни слова не сказавшая о деле мужа и дочери. Только на войне мало не сказать ни слова – надо не выдать ни взглядом, ни жестом. Она же, поверив врагам, бросается к мужу, смотрит на дочь, и это стоит им жизни. На фоне этой судьбы особенно видна сила духа Матери, сумевшей *не узнать* сына. Сопоставление двух судеб позволяет показать сложность и правду борьбы.

В «Видлице» также два героя не выдерживают до конца взятую на себя роль. Испытанный в боях питерец, коммунист, забыв, что ему надо срочно отвезти пакет, вступает в бой. Не доставленное

⁶¹ Очерки литературы Карело-Финской ССР. С. 63–64.

⁶² Иванов А. Мать // Карелия. 1937. № 3. С. 77.

вовремя донесение усугубило и без того тяжелое положение красноармейцев. За поступок гонца расстреливают. Не желая попасть в руки врага живым, застрелился командир Розенштейн. Переломные эпохи не знают жалости, не знает ее и Грибачев. Сформировавшийся как поэт в сталинскую эпоху, он как автор-повествователь не сострадает ни питерцу, ни Розенштейну.

Воюющий в этом отряде брянский крестьянин Митяй ошибался, считая, что Карелию должны защищать сами карелы, его же дело – сбересть родной дом. Комиссар ему и другим разъясняет, в чем суть этой политической ошибки (герой-идеолог, герой-воспитатель присутствует и в других поэмах).

Поняв ошибку, Митяй остается в отряде и сражается как герой, став истинным помощником карелов.

И, вспотевший, русый, огромный,
Цвет народа, краса и честь,
Над проломом, в огне и громе
Встал и выдохнул: «Это есть
Наш последний...

Для поэм характерен финал – апофеоз, прославляющий конечную победу большевиков, свою великую Родину.

И сиять
Краше всех на свете
Самой лучшей –
Моей стране!⁶³

Если счастливое настоящее везде дано через обобщенную картину, то Ю. Никонова попыталась в поэме «Дезертир» (1937) отразить конкретные трудовые будни настоящего. Ее герой, Косачев Илья, не желая трудиться на лесозаготовках, сбежал домой, но его осуждает не один герой-идеолог, а целый коллектив: председатель колхоза Тушин, собрание стариков-колхозников, товарищи с лесозаготовок. К этому хору подключается жена и даже... кот. Наконец, вершит дело вещей сон. Выход для Косачева один: возвратиться в лес: «Жизнь и Лежебоких Двигает вперед». Прежний идеал – дом (У Ильи в Заречье Радугой цветет Дом с крутым крылеч-

⁶³ Грибачев Н. Видлица // Карелия. 1940. № 5. С. 117, 119.

ком На парадный ход, С крышею тесовой, С петухом резным, На
дверях – засовы, А под крышей – дым) сменяется заботой о жизни
всей страны:

Утром, в полдень, вечером
Мысли об одном:
Чтоб над территорией
Молодой страны
Ярче рдели зори
Стройки и весны⁶⁴.

Анализ лирики и поэм 1930-х годов показал, что русская поэзия Карелии развивается в русле романтического течения социалистического реализма, это гражданская поэзия, прославляющая свою родину, ее боевой и трудовой путь. Даже в немногочисленных примерах любовной лирики подчеркнута классовое единство (или разногласия) любящих. Образ лирического героя, его «я» сливается с «мы» (что для большой литературы в 1930-е годы почти не характерно).

В поэзии и современном фольклоре много общих элементов (контрастная композиция, мотивы молодости, рождения, тема «найденной правды» и т.д.). Далеко не всегда речь идет о влиянии фольклора на литературу и наоборот. Жизнь стимулировала в обеих подсистемах метасистемы «словесное творчество» параллельные процессы. Есть, разумеется, и прямые заимствования. Поэты обрабатывают карельские руны и сказы (И. Кутасов, Н. Грибачев), особенно успешно трудился в данном направлении В. Гудков, выучивший карельский язык и занимавшийся изучением национального музыкального фольклора (он, кстати, работал и над финским фольклором).

Помимо обработок, поэты стремились к органическому введению фольклорных элементов в текст (русские песни в «Видлице» Н. Грибачева, «Калевала» в поэме «Две жизни» И. Кутасова и т.д.), правда, не всегда успешно. И. Кутасов стремился соединить в своем творчестве фольклорные мотивы обоих народов: русского и карельского.

⁶⁴ Никонова Ю. Дезертир // Карелия. 1937. № 1. С. 90, 78.

Что касается финноязычной литературы Карелии, то она тоже развивалась в рамках соцзаказа, но ее история тех лет драматична и трагична.

В 1933 году сборник «Стихи» Я. Виртанена вышел с предисловием Максима Горького, что было большим событием в литературной жизни Карелии. Его охотно публиковали в финноязычных изданиях, переводили на русский язык. В 1930 году был издан альманах, посвященный 30-летию его творческой деятельности. Между тем именно над ним, так обласканным критикой, сгустились тучи. Финляндская пресса провоцировала и без того тяжелую ситуацию второй половины 1930-х годов, утверждая, что поэт арестован, но Виртанен неколебимо верил в справедливость социалистической законности и отвечал: «Я жив, и живется мне радостно...»⁶⁵. Ему было присвоено звание народного поэта Карелии. И все же невозможное случилось. В 1938 году читатели уже не увидели его стихов. И не только его...

Нельзя сказать, что русские альманахи подвергали травле своих собратьев по перу, но констатировать случившееся они были обязаны. Приведем два высказывания, характеризующие обстановку тех лет:

1937 год: «... в Карельском союзе писателей нашли убежище враг народа Сергеев, буржуазные националисты – Руотиайнен, Я. Виртанен, Руханен, Иогансон и др.»⁶⁶. 1938 год: «Националистическое отребье, пробравшееся в Союз советских писателей Карелии, немало навредило делу национальной по форме, социалистической по содержанию карельской литературы. В Карелии не было массового литературного движения, враги народа и приспешники делали все возможное для того, чтобы не дать возможность молодым и талантливым карельским литераторам развернуть свою творческую активность»⁶⁷.

Напрямую отреагировать на эти события финноязычные писатели не могли, но в стихах тонкого лирика Леа Хело вкрались не-

⁶⁵ *Ялмари Виртанен. К 30-летию литературной деятельности. Петрозаводск, 1936. С. 23.*

⁶⁶ Литература Советской Карелии // Карелия. 1937. № 3. С. 234.

⁶⁷ Горький на трибуне первого съезда писателей // Памяти Горького. Петрозаводск: Каргосиздат. 1938. С. 33.

привычные для советского поэта «мотивы тоски, уныния, печали и страха», он живет не ожиданием счастливого будущего, нет, его ждут «тысячи ночей черной тоски»⁶⁸.

В 1939–1940 годах советско-финляндская война обострила и без того тяжелую ситуацию в финноязычной литературе. В 1930-е годы выходили на финском языке журналы «Rintama» (1932–1937) и «Kirja» (1932) и альманахи «Lokakuu» (1931), «Ahjo» (1933–1934), «Kevätvyöry» (1929–1955), но в связи с изменившейся политической ситуацией сам финский язык подпадал под подозрение и было принято издавать журнал «Карелия» на русской графической основе (1938–1940).

В нем печатались поэты-карелы Ф. Исаков, Н. Гиппиев (Н. Лайне), А. Койвуне, Ф. Ивачев, финн В. Эрвасти, переводы стихов И. Кутасова и А. Иванова. В основном это были произведения, посвященные родному краю и актуальным темам борьбы и труда. Не разработанный коллективными усилиями многих лет, как это необходимо для любой литературы, журнал, конечно, был откровенно слабым, потому и жизнь его была короткой.

3.

Создается ощущение, что русская поэзия 1930-х годов вместо того, чтобы причитывать над «хождениями народа по мукам», воспевала его «шествие к радости», но это не так.

Была потаённая литература, бытовавшая в устном исполнении и ходившая в списках. И в числе создателей этих текстов был Николай Клюев. Да, он не жил в родной Олонии, но она всегда жила в его сердце.

Курс партии на коллективизацию не был принят писателем, и он вместе с другими новокрестьянскими поэтами восстал в своем творчестве против этой идеи. Клюев создает монументальные поэмы «Погорельщина» (1928) и «Песнь о Великой Матери» (между 1929–1934), арестованные вместе с поэтом и переданные народу соответственно в 1987 и 1991 году.

Если большинство писателей воспевало страну-сад, то Клюев был убежден, что это – начало конца, не случайно его последняя

⁶⁸ Алто Э.Л. Указ. соч. С. 60.

поэма называлась «Разруха» (1934). Все элементы (в том числе и финно-угорские) его образной системы работают на идею гибели деревни. В поэме «Погорельщина» символом погибающей страны является деревня Сиговый Лоб. Название звучит как чисто русское, однако слово «сиг» чрезвычайно древнего происхождения, оно образовано в результате «междиалектного контактирования из языков древнейшего дофинно-угорского и добалтийского населения на севере Европы»⁶⁹.

Из контекста явствует, что деревня находится в Олонии. Названы деревни и озера этого края: Андома, Лопский Погост, Выг, Онего, Ладога. Поэма перенасыщена различными топонимами. Таким образом, автор показывает, что деревня Сиговый Лоб связана многими узлами со всей Россией, со всем миром. Он предупреждает: развяжется один узелок – порвется вся нитка.

Названа деревня по имени рыбы-тотема, что характерно для топонимики Севера⁷⁰. В финно-угорской мифологии рыбами-тотемами являются лосось, щука и сиг, поэтому гибель Сигового Лба символизирует исчезновение всей генеалогической цепочки. Гибнет память о русских людях, народе-, «аборигене», тотеме-сиге, из костей которого первопродок сложил первое жилище.

Клюев, однако, не отвергает возможность будущего возрождения России. Поэт стремится запечатлеть память об этой великой крестьянской стране. Не случайно он вновь возвращается к созданию художественного варианта своей родословной, в том числе к своим финно-угорским корням. (Родился поэт на древней вепсской земле в деревне Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии.)

В качестве основного пространственного образа в поэме «Песнь о Великой Матери» выступает Лапландия. Именно здесь родился младенец Николай, с которым идентифицирует поэт самого себя.

⁶⁹ Герд А.С. Из истории прибалтийско-финских названий рыб (siika, siige, muhju) // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 52.

⁷⁰ Керт Г., Мамонтова Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982. С. 22.

Художественная система Клюева акцентирует внимание на лопарях, потому что всегда отбирает в качестве ударных самые древние элементы, к тому же освященные русской и финно-угорской словесной традицией.

Лапландия Клюева – это одновременно мифологизированная страна и конкретная, хорошо узнаваемая каждым северянином земля, художественно-обобщенный образ всех северных земель и родная сторона.

Клюев предельно стягивает пространство, и поэтому в его Лапландии наличествуют все дорогие ему элементы северного природно-культурного комплекса: Белое море и Онежское озеро, Олония и Помория, Кизи и Выг, Соловки и Палеостров, Кемь и Валаам, он рисует Север как второй Вифлеем⁷¹.

Не сталинский кремль, а православный собор является символическим центром его «Песни...»

Я вижу над кедрами храма главу.
Она разузорена в лемех и слань,
Цветет в сутеменки, пылает в зарань (519, 703).

И не грозный правитель, а прекрасная мать, образ которой служит воплощением самой Матери Сырой Земли и Божией Матери, является главным в его поэме. Не жизнь отбирающий, а жизнь дарующая воспевается поэтом.

Названа она именем матери поэта и именем излюбленной на Русском Севере святой Параскевы Пятницы. Образ возлюбленного Параша Федора Калистратова перекликается с образом византийского святого Феодора Стратилата, ее спасителя.

Зло сконцентрировано в образе медведя, от которого он ценой своей жизни ее спас. Он становится как бы духовным отцом рожденного Прасковьей ребенка. Образ Федора не только соотносится

⁷¹ Финно-угорские элементы в художественной системе Николая Клюева также проецируются на образ храма. См.: *Маркова Е.И.* Зырянский Иисус (Финно-угорский храм в творчестве Николая Клюева) // Междунар. конгресс фин.-угор. писателей. Сб. доклад. и выступ. Сыктывкар: Полиграф-сервис, 1999. С. 43–59; то же: журнал АРТ / Сыктывкар, 2000. С. 150–160. Также см.: монографии: «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства...»; «Родословие Николая Клюева...»

с образом воина-святого, но и намекает на его связь с лопарями. У него «в лопарских вышивках пимы...» И по рубахе две каймы Испещрены лопарским швом (519, 725–726).

Не имея возможности остановиться на развитии сюжета, укажем, что рефреном части первой поэмы является колыбельная, ребенка называют лосенком.

В карельских эпических песнях популярен сюжет «погоня за лосем»⁷², в котором охотник-лапландец так и не может поймать волшебного Лося, убежавшего за болото, земли, гору, за небесный свод.

У некоторых народов, в том числе и саамов, мифы о лосе связаны с небесными светилами. В Большой Медведице видели лося, в Полярной звезде – охотника, который его преследовал.

То, что образ ребенка ассоциируется с образом лося, которого не поймать и не убить, который уподоблен самим звездам, символично.

Символично и то, что мальчик по имени Николай назван в честь почитаемого на Севере святого. Именно на него возлагали надежды крестьяне и рыбаки, поэтому имя в данном случае становится всеобъемлющим символом. В контексте поэмы это рождает надежду на возвращение, ибо зло отступает только на миг, а затем вновь начинает наступление на Божий мир. Человек вступает в борьбу с ним за душу живую, и в этом сражении ему помогают его близкие родственники и кровь далеких предков.

Пророчество поэту даровал весь духовный («Плеск волны па-леостровской»; «Звон на Кижях многоглавый») и природный мир:

Эти вести – рыба стая,
Что плывет, резвясь, играя,
Лосось с Ваги, язь из Водлы,
Лещ с Мегры, где ставят мёрды.
Бок изорван в лютой драке
За лазурную плотицу... (519, 702).

Каждое слово Клюева имеет свой текст и контекст. Эти шесть строчек – своеобразная цитата из 41-й руны «Калевалы», где весь мир внимает вещему певцу:

⁷² Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. Петрозаводск, 1991. С. 17.

Собрались, приплыли шуки,
Псы нескладные морские;
Собрались от рифов семги,
Из глубин сига приплыли,
Выплыл окунь красноглазый.
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись...

Как в «Погорельщине», так и в «Песни о Великой Матери» Клюев пишет о трагедии русского народа, прошедшего через испытания смутных времен, коих много выпало на его долю. Поэт видит истоки национальной трагедии прежде всего в отступлении человека от «мати-веры». Именно такого легко поймать в сети губительной машинной цивилизации, разрушившей главное – крестьянскую культуру. Все остальные социальные катаклизмы являются для него производными от главного: человек (и народ в целом) стал «блудным сыном», отошедшим от своего Отца – Вседержителя.

И все же, как сказано выше, Клюев оставляет для него надежду в будущее воскрешение Руси.

С одной стороны, устная и профессиональная поэзия 1930-х годов и потаённое творчество Николая Клюева этих лет развиваются в одном направлении – в ориентации на эпический канон, где центральным становится образ идеальной страны, где преобладают родовые характеристики. С другой – это две антитетичных системы: квазимонументальная и исполненная в духе древнерусского исторического монументализма. В первой – счастливое настоящее, во второй – прекрасное прошлое. Центром страны счастливых и честных людей является Кремль с его вождем-повелителем, живым богом. Во главе Святой Руси – православный собор. На земле же царит Великая Мать (она же – Мать Сыра Земля и Богородица), дарующая жизнь всему живому.

В первой коллективной «Книге» природа уступает место машине, в клюевской – воспевается ее животворящая сила и оплакивается ее погибель в эпоху машинной цивилизации.

В обеих «книгах» сильны фольклорные элементы (в том числе и финно-угорские), но если у первой практически уходит христианская символика, то у Клюева она обретает новое наполнение.

И советские поэты, и Клюев ощущали, что Россия стоит на пороге новой кровавой трагедии. Они верили, что и это испытание страна одолеет.

4.

Эта вера в конечную победу России, которой овевяна лирика советских патриотов и лира великого русского поэта, помогла россиянам выстоять в Великую Отечественную войну. Стихотворцы Карелии, как и писатели всей страны, включаются в общенародную борьбу против немецко-фашистских захватчиков. В июле 1941 года в бою погибает поэт Иван Григорьевич Кутасов.

Поэты убеждены в победе над врагом, что явствует из названий стихов: «Победа будет за нами», «Грозный отпор» В. Гудкова, «К победе» А. Иванова, «Споём об отважных» Г. Кикинова и др.

В «Летописи...» немногочисленные сочинения карельских авторов, хотя и выделяются в отдельную рубрику, но наряду с ней обозначена рубрика «Литература Карельского фронта». Она-то и доминирует. Среди поэтов этого фронта А. Кежун, К. Симонов, А. Жаров, Вс. Рождественский, П. Шубин и др.

Этот подход – объединить собственно карельских авторов с теми, кто пером сражался за северную землю, – характеризует и историко-литературные труды. В 1977 году вышла в свет книга Ю.И. Дюжева «Память войны»: Великая Отечественная война на Севере в советской литературе Севера», где он пишет о литературе Карельского фронта, что вполне уместно, так как автор анализирует произведения, изданные в рамках всего севернорусского региона. Этот же подход он использует в «Истории литературы Карелии», утверждая, что «на время войны привычное представление о „карельской литературе“ соединилось с понятием „литература Карельского фронта“, поскольку в условиях оккупированной врагом территории республики именно военные газеты и их полиграфическая база служили центром притяжения писателей, большинство из которых были внештатными или штатными корреспондентами редакций»⁷³. Казалось бы, такова реальность этих лет. Как отмечает автор, газета «В боях за родину» выходила на

⁷³ История литературы Карелии... С. 113.

русском, татарском и казахском языках⁷⁴. Воинами Карельского фронта были представители многих народов Советского Союза, фронтовыми корреспондентами – писатели и журналисты разных народов.

Между тем такой подход, характеризую специфику литературной ситуации времени, не позволяет корректно представить вклад писателей Карелии, что и понятно: далеко не все в это время были солдатами именно Карельского фронта.

Все же попытаемся конкретизировать деятельность поэтов Карелии.

В цифрах поэтическая продукция выглядит следующим образом.

	1941	1942	1943	1944	1945
Русская поэзия Карелии	16	5	1/4	1	3
Поэзия Карельского фронта	2	1/14	7/2	1/10	1/2
Переводы финноязычной поэзии на русский язык	18	2	2	4	15

Поясним: если дается дробное число, то в первая цифра – отдельное издание, вторая – публикации в периодической печати. Книги, где публиковались стихи, посвященные боям в Карелии, изданные в Москве и других городах страны, не учитываются. В Карелии книги издавались в Беломорске, в 1945 – уже в Петрозаводске. Таблица наглядно показывает, что доля произведений русских поэтов Карелии минимальна: даже переводных стихов (А. Эйкия, Л. Хело, В. Эрvasti и др.) больше. Единственная изданная книга была сборником стихов погибшего в боях И. Кутасова «Запевы».

Стихи звали в бой, восславляли героев. В книгах писателей Карельского фронта описывалась, безусловно, сама земля, за которую сражались и погибали советские воины. Так, книга А. Коваленкова, изданная в 1942 году в Беломорске, называется «Ее Карелией зовут...».

В патриотической лирике военных лет обостренным было чувство любви и к великой стране, и к малой своей родине. То, что эти два образа доминировали в лирике, видно из стихотворения Павла Шубина «Карелия».

⁷⁴ История литературы Карелии... С. 113.

Но с нами в морозных окопах
Живут в первозданной красе
Дубы на заоблачных тропах.
Степные ромашки в росе,
И Волга черемухой пахнет,
И жимолость плещет в Орле:
Огромная Родина наша
На снежной карельской земле⁷⁵.

А. Коваленков и П. Шубин не карельские авторы, как и Б. Кежун и К. Симонов и многие другие. Конечно, анализ творчества больших мастеров выглядел бы эффектно, но полагаем, что это все же не входит в задачу нашего исследования. (Попутно заметим, что в советско-финляндскую войну в Карелии также работали многие известные поэты. Здесь появился прообраз Теркина, прославленного героя Твардовского. Собственно карельская поэзия не оставила сколько-либо заметного следа об этой кампании. Возникает вопрос, в каком контексте рассматривать этот поэтический пласт?). Сложность заключается в том, что в силу обстоятельств военного времени менялся не только состав авторов, но и состав читателей.

Заметим, что на темы войны создавали свои произведения такие сказители, как, например, А.Н. Пашкова, М.В. Рябинин. Фольклорист В.Я. Евсеев в 1943 году издал сборник старинных карело-финских народных песен под названием «Про изверга-немца». Горе народное звучало в «Избранных причитаниях», подготовленных к изданию В.Г. Базановым (Петрозаводск, 1945).

Многие произведения, написанные во время войны и опубликованные в периодической печати, вошли в послевоенные сборники поэтов, поэтому перейдем к характеристике послевоенной поэзии.

В это время в Карелии активно работают уже известные читателю А.А. Иванов (опубликовал 3 книги) и Ю.Н. Никонова (издавшая 7 книг для детей). Членами Союза писателей стали местные уроженцы Г.В. Кикинов, М.П. Сысойков, а также переехавшие на постоянное жительство в республику ленинградцы

⁷⁵ Шубин П. Карелия // Огромная Родина наша на снежной карельской земле. Петрозаводск, 1975. С. 7.

А.И. Авдышев, А.И. Титов, Б.А. Шмидт и горьковчанин И.К. Симаненков.

На характер поэзии наложил отпечаток жизненный (Иванов, Кикинов, Симаненков, Сысойков, Титов, Шмидт прошли через войну) и довоенный поэтический опыт (Иванов и Симаненков издали до войны по одной книге, Шмидт – четыре).

На литературную ситуацию не могли не повлиять постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. Они утверждали представление о поэзии только как проводнике коммунистических идей. Наиболее преуспел, работая на социальный заказ, Б. Шмидт (1913–1988), издавший за этот период семь книг. Его первая «карельская» книга вышла в 1947 году и называлась «Неустрасимые». Современный читатель, взглянув на дату сборника, сочтет, что речь в нем идет о Великой Отечественной войне, в которой победили неустрасимые, т. е. не знающие страха, очень смелые, бесстрашные (см. словарные пометы) патриоты своей Родины. Для автора же и его современников эпитет имел дополнительный – сакральный – оттенок. В примечании к повести в стихах «Туруханская легенда» указано, что одна из партийных кличек И.В. Сталина «Коба» по-турецки означает «неустрасимый». Таким образом, неустрасимые – это сталинцы, приверженцы Его, живого бога, учения, Его Веры.

И само название сборника, и его подзаголовок «Повести и стихотворения. 1936–1946 гг.» свидетельствуют не столько о желании автора подвести свои жизненные итоги, сколько о стремлении определить ту социально-идеологическую систему координат, которая, на взгляд поэта, сформировала облик его поколения.

Книги Шмидта закрепляли в сознании читателя созданную в 1930-е годы мифологизированную картину мира. Автор использовал готовые фольклорные и библейские формулы (они вошли вновь в поэзию в 1941–1945 годов), символику романтический поэзии 1930-х годов. В уже сложившуюся систему вводится новый материал: военный и производственный.

Характерная для послевоенных лет тяга к монументализму вела к доминированию крупных жанров в поэзии: повести и рассказа в стихах, производственной темы. Произведения малых форм чаще всего представляли собой не лирическое откровение, а за-

рифмованное повествование. Писателям был не по силам эпический тип героя; сюжет подгонялся под заданную идеологическую схему, это привело к тиражированию квазиэпических форм.

Изначально советская литература явно и тайно была ориентирована на священную историю. Она на свой лад подтвердила «Откровение Иоанна», где сказано, что земля не будет существовать вечно. Господь Иисус Христос придет снова на землю: и будет последний суд, и будут новое небо и новая земля». «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое» (Откр. 21:5).

Вот только под «Сидящим на престоле» подразумевался человек. Под новым миром – Страна Советов (не случайно самый популярный советский журнал назывался «Новый мир»). В Отечественную – «священную» (так пели в песне) – войну параллели со Священным Писанием усилились.

В соответствии с мифологическим каноном повествование начинается с сотворения мира (так, кстати, назывался один из известных советских фильмов – «Сотворение мира»), с рождением света и отделения света от тьмы.

В опубликованных в 1949 году поэмах «Здесь будет город» Бориса Шмидта и «Обретенное счастье» Алексея Титова повествование начинается с древнейших времен. Предыстория народа описана в стилизованных под карельские руны главах (у Шмидта эту функцию выполняет и русская сказка). Все последующие этапы исторического процесса опускаются⁷⁶. Складывается следующая схема: древний человек заявляет в эпосе о своих чаяниях, вступает в первый поединок со смертью и побеждает зло только в 1917 году.

В «Петербургской повести» и «Туруханской легенде» революционеры похожи на ранних христиан, гонимых и преследуемых, но твердо стоящих на своем. Вожди пролетариата ассоциируются с образом Христа. От них тоже исходит свет, и видятся они на возвышении (на горе), и внимают им все народы, все языки. Вожди постоянно присутствуют в жизни героев: наяву, в священных посланиях

⁷⁶ Иногда описывается эпоха Петра (см., например, повесть в стихах Б. Шмидта «Неустрасимые»).

(«Манифест» К. Маркса, письма, статьи и книги Ленина и Сталина) в мечтах и снах (ср.: с видениями в Священном Писании).

Описание Отечественной войны напоминает подчас крестовый поход. В повести Б. Шмидта «Город, который нельзя победить» перед бойцами, сражающимися за Ленинград, «крест предстал». «И пригвожден к нему, на нем распятый, висел боец».

Он словно нес – по снегу – крест дощатый,
На запад глядя дырами глазниц.
Он на Неве стерпел такие муки,
Что даже ослабев на полпути,
Себе, наверно, пригвоздил бы руки,
Чтоб этот крест до Шпреи донести⁷⁷.

Если коммунист напоминает христианина, то христианский собор ассоциируется с образами былинного богатыря и советского снайпера. «... Там Исаакий – из былины русской – Восставший витязь в шлеме золотом. Он оперся по-снайперски на бруствер Соседских кровель – каменным локтем». На какой-то миг «темное прошлое» и новая история соединились в сознании человека, что нашло отражение в эклектическом, но в чем-то верно отразившем умонастроение своего времени произведении.

Блокадная трагедия, муки и подвиг ленинградцев действительно соотносимы с библейскими испытаниями. Не случайно Дорога жизни названа ледяной пустыней, которую, как когда-то народу, ведомому Моисеем, нужно было преодолеть бойцам.

Извечный образ пути-дороги приобретает в стихотворной повести конкретную мотивировку (физическую: некрепкий лед; психологическую: ощущение, что всё – самоё дыхание, сама усталость – могут стать лишним – смертным – грузом). Лед все-таки проломился. Не погибли разведчики только благодаря вере (этот мотив подчеркнут в повести) и точно начертанному маршруту. Дорогу жизни, разумеется, указал на карте концом мундштука мудрый Сталин. Ведет бойцов командир (функционально его роль совпадает с ролью апостола) с символической фамилией Светлов. Путь на Берлин будто освящен памятью (ср.: с функцией Святого

⁷⁷ Шмидт Б. Неустрашимые. Петрозаводск: ГПЗ КФ ССР, 1947. С. 66, 56.

Духа) большевика Андрея (значимое для православных имя!). Он идет по разоренной Европе, «светя перед собой горящим сердцем. За ним в Берлин Сама Победа шла».

Революция и Великая Отечественная война, как правило, настраивали писателей на героико-религиозное изображение действительности, на пафос новой веры. Материал, не без сопротивления, но все же поддавался мифологизированию.

Несмотря на то что возрождение страны тоже потребовало героических усилий народа, описание трудовых будней предполагало иной подход. Поэты же предпочли совместить практически несовместимое: героико-религиозный пафос с подробнейшим воспроизведением производственных отношений (самого процесса труда и конфликтных ситуаций в рабочем коллективе). Все это вписывалось в историко-героическую раму (революция, Отечественная война) и в предание о темном прошлом. К тому же Шмидт стремился выполнить заказ быстро, поэтому большие фрагменты из уже опубликованных произведений входили в новые поэмы (в дальнейшем, когда этот род поэзии стал анахронизмом, автор ряд фрагментов «выдал» за лирические стихотворения).

Хотя люди поднимали из руин старые города и деревни, поэты любили писать о создании Нового Града, поэтому показательны и название поэмы Шмидта – «Здесь будет город...» – и описанный в финале город Войттоград («войтто» в переводе с карельского означает «победа»).

Если древние начинали рассказ о создании нового поселения со строительства дома человеческого и Храма Божьего, то советская литература со второй половины 1920-х годов описывает производственные стройки: сначала завод (леспромхоз, плотина и т.д.), потом его производное – человека. Впрочем, последнего можно и упустить. Если в эпоху первых пятилеток писатели были воодушевлены идеей Великого плана, то послевоенная ситуация предполагала серьезный анализ и критическую оценку имевшегося опыта. Этого авторы позволить себе не могли, поэтому становились более или менее удачливыми подражателями литераторов предшествующего периода.

Работники в книгах карельских авторов, как правило, имели дело с природным материалом: рубили лес, взрывали горы, ловили

рыбу, перегораживали водное пространство плотинами. Поскольку природа была создана до появления нового бога, то в задачу входило сначала максимальное использование ее даров и затем полное ее преобразование.

Природа в своем первоизданном виде не представляла ценности. Стихи М. Сысойкова хвалили за то, что поэт показал превращение «бесполезной сосны» в бумажную ленту и брусья для нового дома. Сам процесс труда, разумеется, имеет право на отражение в искусстве, но не в тенденциозно иллюстрированной системе, господствующей в те годы. Тогда был закономерен эпитаф к поэме, указывающий, какое количество чугуна, стали, угля и нефти необходимо произвести. Разумеется, за сим «откровением» стоит подпись вождя (Б. Шмидт. «Здесь будет город...»).

Тема преобразования природы наиболее детально была разработана А. Титовым. Для него, как и для большинства писателей Карелии, деревня была родным домом (поэт родился и до 16 лет проживал в деревне Михалево Калининской области). Тем не менее сам крестьянский труд не был в поле зрения русской поэзии Карелии (образы золотой пшеницы, цветущего сада, зеленого огорода выполняли чисто декоративную функцию). Исконные крестьянские земли мало кого интересовали, воспевались проводимые в Заполярье сельскохозяйственные эксперименты.

А. Титов интересовался опытами селекционеров Мичурина, Лысенко, Эйфельда, высказываниями по данному вопросу Сталина и организационно-хозяйственной деятельностью Кирова – последний с 1926 по 1934 год был одновременно первым секретарем Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б).

Еще в 1930-е годы опыты Мичурина привлекли внимание Николая Заболоцкого, но ему изначально была чужда борьба с природой. Поэт стоял «за разумное, творческое использование скрытых природных потенциалов»⁷⁸. В послевоенные годы об использовании природных возможностей писал М. Пришвин («Кладовая солнца», «Корабельная чаша»).

Титов не поднимается над представлениями своего времени. В его стихах Киров, обращаясь к северянам, призывает их не ждать

⁷⁸ Павловский А.И. Советская философская поэзия. Л., 1984. С. 57.

«милостей от природы»; и воодушевленные его речью люди «вступили с природой в бой». Вместе со своими героями поэт мечтает передвинуть «на тысячу верст К снегам плодородья границу! На севере вырастим рожь и овес, капусту, картофель, пшеницу!»⁷⁹

В стихах рисуются просторные теплицы Заполярья, в которых растут розы, мандарины, виноград. Настолько активно воспевалась мечта и отдельные удачные эксперименты, что у читателя создалось впечатление чуть ли не завтрашнего повсеместного претворения ее в жизнь. Налицо еще один утопический вариант строительства Нового града на земле обетованной (советской). Подобные стихи есть у А. Авдышева, М. Тарасова, Б. Шмидта.

Естественно, что в литературе тех лет продолжается борьба за нового человека. Он должен быть приверженцем новой веры⁸⁰, «винтиком» новой государственной системы.

Согласно этим представлениям персонажи стихов и поэм делятся на новаторов и консерваторов. Тем, кто не отвечает заданному канону, автор либо дает возможность исправиться (Настя в поэме Б. Шмидта «Труженики моря»), либо клеймит позором (Семен Семенович Журкин в поэме Б. Шмидта «Заря пламенеет»). Стимуляторами труда являются соцсоревнования и любовь. Между этими двумя понятиями ставится знак равенства, так как речь в произведениях, как уже говорилось, идет не столько о человеке, сколько о производственном процессе: он – цель, человек – функция. Героипередовики соединяются в любовные пары, скрепленные в финале произведения законным браком. Если брак не состоялся, значит один из героев изменял делу (делу – а не любимой!): покинул стройку (таков, например, возлюбленный Райки в поэме Б. Шмидта «Строители»).

Образцовым произведением критика тех лет считала стихотворение М. Сысойкова «Звезда героя». Старый коневод, получив звезду героя, возвращается в родное Беломорье. Не заходя в дом, идет прямо на конюшню:

⁷⁹ *Титов А.* Первое собрание // Обновленная земля. Петрозаводск, 1951. С. 47, 38.

⁸⁰ Новое – революционное – рождение подчеркивалось даже сменой имени. Так, Б.А. Кузнецов перевел свою фамилию на немецкий, чтобы подчеркнуть духовное родство с революционером П.П. Шмидтом.

Там, в сиянии огней,
Тридцать будущих коней
Редкостной породы.

Сам карельский «кавалер золотой звезды» «По конюшне взад-вперед, Полон ясных дум-забот, Ходит при медали»⁸¹.

То, что «сияние огней» поэт увидел в разоренной послевоенной деревне, где не было электричества, никого не смущает. Важно одно: рано или поздно свет социалистической идеи озарит весь мир. Завершается произведение, как правило, трудовой победой. Соответственно финал-апофеоз, выраженный через образы света, радуги, звезд, цветов и орденов.

Словно дар Заполярью родному,
Весь в огнях электрических звезд
Через светлые воды Туломы
Перекинулся радугой мост⁸².

Возможно, эта утопия подсознательно отражала веру в то, что советские инженеры и рабочие создадут технику, которая, наконец-то, снимет все проблемы и создаст желанное изобилие.

И в те годы было стремление соотносить написанное с реалиями жизни, с личностным опытом каждого писателя. Уже в первые послевоенные годы намечалось тяготение к реализации в лирике именно своего представления о войне и победе, что было заявлено в характерных названиях лирических циклов: «Из записной книжки военных лет» Б. Шмидта, «Походная тетрадь» А. Иванова. Литераторы переходили от монументального образа страны к образам родной земли и родного дома. Теме трудного возвращения солдата на Родину посвящены многие стихотворения.

Показателен в этой отношении раздел книги А. Иванова «Дни войны» (сб. «Край мой родимый», 1949). Его герой сначала мысленно возвращается домой, когда смотрит на фотографию любимой или пишет письмо («Письмо», «Подруге»). Затем автор показывает, что каждый шаг бойца на войне – шаг к дому («У шлагбаума», «Льжи»). После освобождения Карелии путь к миру (и соот-

⁸¹ *Сысойков М.* Новый день. Петрозаводск, 1951. С. 28.

⁸² *Симаненков И.* Всегда в строю. Петрозаводск, 1958. С. 15.

ветственно к дому) резко сократился. Торжественно звучит название первого стихотворения этого цикла «Вступление на родную землю».

Наконец, настал час победы и час долгожданного возвращения. В стихах звучит радость и сквозит тихая печаль. Березки на «немецкой земле чужой» напоминают солдату родину и сразу становятся родными, тоскующими, как и он, о родине. «Грустно мне, что березкам этим До родной земли не дойти...»⁸³

Между тем и здесь правда жизни подчас вступает в противоречие с законами нормативной поэтики. Так, вернувшегося с фронта солдата ждет не разоренное село, а отстроенный для него земляками дом («Встреча»).

Приоритеты все же отдавались квазиэпическим формам, и поэты, за исключением Г. Кикинова (1923–1964), не спешили идти навстречу общей тенденции. Последнего не раз ругали за поэтизирование «медвежьих углов», которых, по мнению критики, «днем с огнем не сыщешь в нашей стране и в нашей республике»⁸⁴. Оспаривалось явное тяготение поэта к пейзажной и любовной лирике, «быть может важной для поэта», но «не всегда интересной для читателя»⁸⁵.

Кикинов выстоял и в свою первую книгу, опубликованную только в 1957 году, включил именно пейзажную и любовную лирику. Для него возвращение на родину означает возвращение к своим истокам. Особенно наглядно это продемонстрировано в стихах «Отцовский дом», «Первая дорога», «Мать», «В родном поле», «Нёлукса», «Березка» и др.

Образ только что вернувшегося с поля боя фронтовика сменяется образом городского жителя, за плечами которого груз прожитой жизни. В его мире не герои и враги, а родные и близкие люди. Поэт ни к чему не призывает, никого не воспекает, он просто ощущает потребность в восстановлении своей родословной.

Герой Кикинова не вступает в единоборство с природой ради выполнения планового задания, она не является для него объектом

⁸³ Иванов А. Край мой родимый. Петрозаводск, 1949. С. 26.

⁸⁴ Михайловский Б., Павлов Л. Голоса молодых // На рубеже. 1948. № 3. С. 80.

⁸⁵ Теплинский М. Молодые голоса // Ленинское знамя. 1949. 31 декабря.

научного эксперимента. Он произносит поразительные в своей искренности слова: «Цветы, Земли родные дети, Шалфей, ромашки, васильки...»⁸⁶.

Родные дети Земли – свидетели и участники действия природных и исторических сил (знают, где спят ветры, где упал подбитый в войну самолет). Они тоже пережили войну и, поражая человека своей жизнестойкостью, цветут «Всему наперекор». Образ пафосно воспетой счастливой страны постепенно сменяется трогательными интонациями стихов о родной земле.

Советско-финляндская война и союз Финляндии с Германией в годы Первой мировой войны не мог не отразиться на судьбе финнов-эмигрантов, численность которых за годы репрессий была сведена к минимуму. Отразилась она и на судьбе финнов-ингерманландцев, которые, как и русские, карелы и вепсы, еще в начале 1930-х годов пострадали от политики раскулачивания. Затем вследствие очистки пограничных с Финляндией районов от финского населения фактически весь народ был интернирован. И хотя к концу 1950-х годов формально запрет на возвращение на родину был снят – возвращаться было некуда, так как деревни либо сгорели, либо в них жили другие люди. Поэтому Ингерманландия, будучи вполне реальным краем, в этнокультурном смысле «продолжает жить лишь в воспоминаниях ее раскиданных по миру уроженцев...»⁸⁷. Большая часть из них поселилась в Карелии, но о своей «стране, которой нет», они расскажут много позже.

В 1950-е годы в ряды поэтов Карелии вольется потомок красных финнов Тайсто Сумманен, ингерманландец, поэт-биллингв Олег Мишин – Армас Хийри, карел, пишущий на финском языке Яакко Ругоев, русский поэт Владимир Морозов⁸⁸, строками его стихотворения и завершаем это исследование.

Я знаю, что не слов красивых ждешь ты,
Моя трудолюбивая страна.
Ведь ты слабей не станешь оттого, что

⁸⁶ Кикинов Г. Онежские ветры. Петрозаводск, 1957. С. 37.

⁸⁷ Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1999. С. 133.

⁸⁸ Стихи поэтов, пишущих на карельском языке, и поэтов-вепсов звучат только в 1980-е годы.

ВЫВОДЫ

Русская поэзия Карелии к 1950 году обрела признаки устойчивой художественной системы, вписывающейся в общерусский контекст литературы. Совпадая во многом с тенденциями общего развития, она имеет и отличительные черты:

а) опираясь на фольклорные традиции, лирика и эпика вбирают формульный и мотивный ряды классических русских и карельских текстов, трансформируют в своих произведениях образы и сюжеты коллизии эпоса «Калевала». Как известно, далеко не каждый регион обладает записями, оцененными фольклористами всего мира, *своего и иноязычного* фольклора и имеет в качестве постоянного образца великий эпос; в 1930-е годы (отчасти в 1940-е) произошло своеобразное слияние письменных и устных текстов в единую метасистему «словесное искусство», работавшую на «государственную» идею;

б) Карелия, впервые поэтически освоенная Ф.Н. Глинкой, в художественном сознании поэтов оформлялась в следующие метаобразы: «многопридельный хвойный храм», «красный храм», «страна счастливых и честных людей» (в потаённо-запрещенной литературе этот образ имел свою антитезу – Святая Русь); в послевоенную эпоху наметился постепенный переход от монументального образа страны к образу родного дома, что совпадает с общерусской тенденцией (см.: А. Твардовский. «Дом у дороги») и развитием севернорусской литературы;

в) с 1917 года русская поэзия постепенно начинает осознавать себя как часть единого контекста русско-финноязычной литературы, что не просто, поскольку писатели-финны были *чужими* в Олонецкой губернии – Карелии и соответственно финский язык как язык искусства был *чужим*. Постепенно и эти поэты, и язык их лирики стали восприниматься по-иному: это был *свой* язык. На этом языке писали не только финны-эмигранты и российские финны (ингерманландцы), но и поэты-карелы. Такого сложного организованного контекста сопредельные области (Архангельская,

Мурманская, особенно Вологодская) не имеют. Собственно, эмигрантская литература как доминирующая в литературном процессе СССР 1930-х годов, является отличительной чертой только литературной ситуации в Карелии, что накладывает на ее словесность особый отпечаток;

г) русская поэзия края разноуровневая по своему составу: высокая классика (Николай Клюев), профессиональная литература, массовая поэзия; хотя поэтические сборники издавались с конца XIX века, но профессиональное ядро поэтов окончательно сформировалось только в послевоенные годы. Динамика развития не могла быть стабильной в силу объективных обстоятельств (Гражданская война, интервенция, советско-финляндская война, Великая Отечественная война): поэты погибали или направлялись на работу в другие регионы; с 1940 года, с момента обретения Карелией статуса союзной, постоянно издается журнал на русском языке, что способствует усилению позиций русских поэтов. Сами поэты в устных выступлениях связывают профессионализацию русских литераторов с примером Бориса Андреевича Шмидта. Он первый стал зарабатывать только литературным трудом, обладал авторитетом в кругу молодых поэтов и сумел стать их наставником;

д) в ценностно-репутационной иерархии поэзия Карелии в указанную эпоху мало известна за пределами своей республики (Николай Клюев, поэт мирового уровня, издавался только за границей в эмигрантских кругах), но стихи отдельных авторов уже публиковались в коллективных сборниках Москвы и Ленинграда, и это было началом достойного вхождения русских поэтов Карелии в общерусский контекст.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предварительные замечания	3
Глава I	
Карелия на поэтической карте русской словесности	11
Глава II	
Многопридельный хвойный храм (1900–1917)	24
Глава III	
Красный храм (1918–1930)	58
Глава IV	
Страна счастливых и честных людей и потаённая Русь (1931–1950)	90
Выводы	139

Е.И. Маркова

**РУССКОЕ СТИХОТВОРЧЕСТВО
НА УКРАИНЕ МЕЖДУ КОРЕЛОЮ, ЧУДЬЮ И СУОМИ:
ОТ ЗАКАТА ИМПЕРИИ ДО ПОСЛЕВОЕННЫХ
ПОБЕДНЫХ ДНЕЙ**

Утверждено к печати Ученым советом Института языка,
литературы и истории Карельского Научного центра РАН

Компьютерный набор Н.С. Авдышевой

На первой странице обложки фотография с I Всероссийской
конференции мастеров устного народного творчества
и народного изобразительного искусства

На четвертой странице обложки фотография писателей Карелии (1940)

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Г. А. Тимонен*

Издание осуществлено при поддержке ОИФН РАН
и за счет средств автора

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 90×60¹/₁₆. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 8,23.

Тираж 500 экз. Изд. № 248. Заказ № 17

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50